

К 1010977

75 коп.

• ОТ ЗЕМЛИ • ОТ ЗЕМЛИ • ОТ ЗЕМЛИ •

От земли

- М. СВИСТУНОВ
- Л. ПАШЕВ
- А. РОМАНОВ
- С. БАГРОВ
- Н. УВАРОВ
- А. ЕХАЛОВ
- Н. ВЕСЕЛОВА
- В. СТЕПАНОВ
- Г. БУДАНОВ

Сегодня партия и народ решают задачи небывалых масштабов. Мы осуществляем крупнейшие комплексные социально-экономические программы, в том числе Продовольственную и Энергетическую, добиваемся интенсификации производства, ускорения научно-технического прогресса, меняем облик громадных регионов. Мы настойчиво боремся за то, чтобы колоссальные возможности нашей экономики, науки, культуры, наши природные ресурсы использовались как можно полнее и эффективнее.

*Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС
товарища К. У. Черненко на июньском
(1983 г.) Пленуме ЦК КПСС*

АРХАНГЕЛЬСК
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

От земли

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
Выпуск четвертый

М. СВИСТУНОВ
Л. ПАНШЕВ
А. РОМАНОВ
С. БАГРОВ
Н. УВАРОВ
А. ЕХАЛОВ
Н. ВЕСЕЛОВА
В. СТЕПАНОВ
Г. БУДАНОВ

333
65.9(2)32
О—80

О—80 От земли: Полев. очерки.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. Вып. 4/М. Свистунов, Л. Паншев, А. Романов и др. 1984. 173 с.

В последние годы на Вологодчине добились заметного повышения плодородия земель, урожайности всех сельскохозяйственных культур, увеличения продуктивности скота, улучшения капитального строительства — как производственного, так и культурно-бытового. О людях, претворяющих в жизнь программу преобразования Нечерноземья, и идет речь в сборнике — людях неравнодушных, самоотверженных в работе, думающих. Вместе с героями своих очерков авторы разделяют их радости и огорчения, делятся собственными мыслями.

0 $\frac{3801000000}{M 157(03) - 84}$ Без объявления

333
ББК 65.9(2)32

М. СВИСТУНОВ

КАК ПЕРЕЙТИ ПОЛЕ...

Рассказ А. Е. ЛЮСКОВОЙ, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР

О жизни своей Александра Евгеньевна рассказывала весь вечер. В комнате под часами — крупная фотография. На шейбухтовском угоре кружком сидят деревенские школьники, слушают Александру Евгеньевну, один даже рот приоткрыл.

А она — со Звездой Героя, платочек белый за ушки, густые травы льнут к разговору, солнце за дымкой не жжет — греет.

Родная земля! Всем ты давала силу, кто всерьез прикасался к тебе!

Александра Евгеньевна с подругами установила восемнадцать всесоюзных и мировых рекордов по воспроизводству и откорму свиней, получила всенародное признание и мировую известность.

На коленях, на диване, на стульях — фотографии, письма, документы и книги. В них — дни и годы ее круто «заваренной» жизни. Вот она в библиотеке Молочного института, вот на кафедре Тимирязевской академии, вот на коллегии Министерства сельского хозяйства стра-

ны. Четыре созыва подряд — с 1946 по 1962 год — она избиралась депутатом Верховного Совета СССР.

Ей писали из Китая, Кореи, Чехословакии, Болгарии, с берегов Атлантики. Она объехала всю европейскую часть страны, делясь опытом.

— А у меня тоже есть две матки люсковны, — сказала ей как-то молодая белорусская коллега.

«Ну, люсковны так люсковны, — подумала, — зови, как зовется, лишь бы дело шло...».

ОЗИМЬЮ БУИНОЙ

1. Отец

Отец мой, Евгений Федорович, мужик был разный. Лапти смолоду плел отменные, сапогов до смерти не шивал, в небо выше березы не лазивал, глубже могилы ям не капывал. Топором — не плотник, плугом — не пахотник, иглой — не портняжка, не шорник, ружьем — не забавник, — а вот поди ты: дома, да все чужие, ставил, землю — чужую — пахал, упряжь — чужую — ладил, зверье — наше — бил. Покряхтывал да похохатывал: «Кому бы на час, а мы, гляди, днем свернем».

Деревня наша Коцыно круг пригорка как поясок круг пупка: десять домов вперехлест глазами. Кой в задворки другому глядит, кой на соседа глазком показивает, а все главным-то оком на праводенное.

А и вставало же оно! Из-за Северных Увалов невидимых, из-за синих глухих лесов, а мы его сперва на западе видели: цеплялось оно за крест золотой храма Казанской божьей матери, что на Святой горе, и по куполам, шпилям, по мохнатому сизому боку горы золотой пылью стекало в долину.

Как сейчас себя вижу: в гороховом поле сижу, сама как горошина, платье в горошек, мухи, пчелы, пауты звенят, воздух звенит, а я знай плоски в карман оципываю, не замечаю, что и сама вся звеню... Господи, за что мне такая долгая жизнь?

При церкви школа была двухклассная церковноприходская. Учила там Евстолия Ивановна Смараглова. Вот один раз и поехал отец проводить ее да и запропал. Запропал и запропал. Мать с ума сходит, нам тоже не весело. На другой день вечером круг стола сидим, кар-

тошку едим все восьмеро, в каганце лучина горит, мать скотину поит, вдруг полозья проскрипнули.

Входит отец: «Здорово-те! Вот те, мать, от нового грамотея!» И подает ей валец, новый, ловкий, дубовый, а по спинке-то не басы, буквы выписаны: «МАТИ». Это нам он сам прочитал.

А потом старший брат Николай вырубил эти буквы у крыльца на третьем бревне.

А еще после это бревно в землю ушло...

2. Мать

Маму мою, не в пример отцу, звали попроще, по-настоящему, совсем по-русски: Марья Ивановна. Восьмеро нас у ней. Было. Я — четвертая, ровесница века, с девятисотого года.

Мама невысокая, подбористая, сухая и крепкая. Красивей ее я не знала. И твоей-то матери, поди-ко, красивее нет? Бывало, тащит ношу — самой не видать, — остановится да и давай нас отделявать: скотину распустили, дьяволята, квохта опять без цыплят, колоды без воды трескаются — ничего приятнее этой ругани нету, век бы слушала! — да так под ношей-то и стоит, и стоит.

За мужа, за отца-то моего, она вышла в пору да вовремя, восемнадцати годов, а приданое в ту пору было известное: шуба — не говори — барашковая (норки ведь и тогда на сторону шли), с поречьем по кантам, по оторочке, значит. Ну, рушники там, подушки да пальто летнее. Что про него сказать? Ну суконное, ну подкладка от Буторова, ну пальто, значит.

Невелика, теперь вижу, мамонька, а, бывало, гром гремит по злым праздникам: все за столом, а задорнице не то что места нет — всем уладить торопится, полуприсядет да: «Ну, со светлым всех праздником!» — и три капельки в квас. Обегала закусывать: «Пусть пожжет!» — и опять гремит к печке в стукарях. Это ботинки такие, башмаки. Тоже приданое. Из кожи из толстой, до полуикры. Подошва — не на одну жизнь. По три кила башмак. Годов пятьдесят носила. Ну берегла, конечно. В церковь ли из церкви — на руке стукари, на другой — платье. Тоже чтобы по росе не охлюпать.

А отец да свекор — те все в лаптях. Ну-ко, ноге-то сколь хорошо!

А уж жали, косили — все босиком, босиком. От ледохода до ледостава — все босиком. И как не болели?

3. Земля

На Земле родились — земля и примет. Только торопиться не надо. Возделать свое. Тогда и она тебе будет пухом.

...Ну что это я? А вот что: сама с шести лет в труде.

Сидишь по зимам-то за пряслицей, нитку сучишь, а качалка на ноге: после меня еще четверо, все моей правой ногой выкачаны. Этой вот. Сама диву даюсь. Семья — десятеро, а земли — на троих едоков. Попробуй-ко пропитайся!

И рады бы лишнюю коровенку подержать, теленка продать, молоко-то раньше не пили, мало ли надо: сапоги, рубашку, пиджачишко какой — в чем в школу-то бегать?

Сама-то я босиком к Вознесенью свигала. А много ли по заморозкам натропишь? Так и кончилось ученье мое. А все прочитаю и все напишу. Ко всему трудности научат. А если «ой» да «неохота»... Ладно.

Полдеревни только мало-мальски жили, а другая половина — бедней бедного. После перемеру — при Советской уж власти — жить только начали. Лен стали сеять. А семян-то трудно взять. Все же по деревням дома двужитные стали ставить. Опушились, покрылись.

Четверо братьев — Николай, Александр, Михаил да Василий — к Ривлину ушли, на лесопилку: завод такой на Сухоне был, в устье Шейбухты. Когда дома — братья, а ушли — вроде и нет их. Те же батраки, только еще хуже: оторвыши.

Без земли — ни туды ни сюды. Пока мир стоит — только от земли хорошую жизнь нажить можно. Лет десяти была — у Порошина, помню, землю покупали. Помещик такой был в Святогорье. Три гектара купили. Кочкарь да кустарник, ивняк, что железо плетеное.

Поставил отец сарай у ручья. В нем и жили, пока корчевали да чистили. И корье за попутье драли. Овод не овод — дерешь. Такую деляну разделали — мать небесная! Я и скажи тятя: «Гладко-то сколь!»

— Погоди, — говорит, — косить пойдешь — всю гладость найдешь. Вся на косе окажется.

И верно: косили с тяпка. Тятя впереди, а мы вкривь-

вкось — каждый свою лахтеечку. Потом соберемся у каши, знай пыхтим. Век не вставать бы! Кто во что: как травы накосим, как копны скатаем, как в сарай сметаем, кому сено возить, кому повозничать просить, а мне все выпадало самовар наставлять да работничков поджидать.

А и самовара у самих не было. Видывать-то видывали, а чай пили из чугуна. То с соченьями из крахмала, то с вяленицей из репы ли брюквы. Да кваску вместо чаю-то подольем. На ораву — все вкусное. А как-то зимой привез тятя голову сахару. Окружили: как да с чем его едят? Не скоро расчухали. Вот смеху-то!

...Так и сидим, кашу доедим, чаем запьем со смородиновым листом. Скорее бы вечер!

Тятя вскочит — и к солнышку: «Эй-эй! Праводеннышко! Уснуло, что ли? Не бывало в чужих-то людях? Ну-ну, не сердись, на покой катись! У нас и дела-то — на уповод. Семеро помогут — так один смахну!»

Вскакивали и мы. Откуда и силы брались!

4. В колхоз

В колхоз мы из первых вписались. Двух лошадей, трех коров, теленка, овец — все сдали. Не готовились, как некоторые, не продавали, не резали, все сдали с чистой душой. Потом овцы — глупая скотинка — обратно пришли. Колхоз назывался «Буденновец». Название геройское, а дано — шутили — по жеребцу. Конеферма в колхозе была. А в производителе выписали жеребца буденновской породы. Каштановый, в белых чулках до колен, в гетрах, по-нонешнему, шея с аршин, голова как из сухой сосны тесана. Игровой, плясун. Копыта — как чашечки из серого мрамора. Но баб да девок до лошадей не допускали. В полеводство их! Триста дел в году — и все разные. Кажин день голова забита, а чем? Я и до того досыта набатрачилась. Бывало, весь сенокос отведешь на Востроксе, за двадцать километров, за ситцевый платок да еще и в ноги поклонисься. Не одна я, все батрачки так.

Мы и в колхозе истово работали, споро, а чего-то еще хотелось. Тут и подвернулся случай. Иду как-то с посылы, а навстречу Манефа Корюкина.

— Пойдем-ко, Шура, ко мне.

Я вначале не поняла. Подругами никогда не были. Та на тринадцать годов старше.

— Да не домой зову, не чай пить. На ферму зову, свиаркой.

«Свиаркой?» Больно не в чести было это дело. Ладно еще в своем хозяйстве одного-другого поросенка выкормить. А на ферме? Грязь, вонь, визг. А от народу — как? Хуже свиарки и слова нет!

— Мне ведь не лишь бы кого. Мне ведь головоастую помощницу надо. Мне ведь жить-то охота не как-нибудь! Мне ведь чего-то да хорошее сделать хочется!

-- Ну, думай! — раз видит, что я молчу. И пошла. И я пошла. «Свиаркой?» Сама-то Манефа раньше учительницей была. В начальной школе для взрослых. Счету и письму учила. Манефой Владимировной, по отчеству звали. Натe: в свиарки сунулась. Да и ферму на свой двор пустила. Заработок сманил? Верно, и это дело не последнее, раз отец больной. А только ли в этом дело? «Хорошее ей сделать хочется!» А кому не хочется? Мне не хочется? Дураку не хочется!

Как я жила? Как озимь в поле: и вымокну, и вымерзну, и к солнышку потянусь. Колоситься пора бы.

И вечером я пошла.

Вот иду, вся тревожная, и боюсь, и решилась, и вижу, Манефа на меня из ворот глядит, и я на себя ее глазами гляжу: вот кубышка идет, маленькая, да точеная, крепкая да проворная. «Не уступлю!» — думает. И опять на Манефу гляжу: до чего уж тончаявая — вица ивовая, косу пепельно-русую теребит, глазищи серые полощут меня добром и печальным покоем: «Не бойся, не подведу!».

— На правлении-то уж, — говорит, — Шура-й, решили. Вот как.

ДЕЛО ЧЕСТИ

1. Пожар

И пошла у нас новая жизнь. И до того завертелась, что голова кругом. С тех пор, не совру, ни один председатель, ни один бригадир наряду не даывали. Зато уж мы-то их наряжали: то загон городи, то колоды долби, то двор утепляй, то вентиляцию подавай. Мы с самого начала по науке пошли. Книжки читаем да спо-

рим, где что услышим — обсудим. Ни одно дело без совета не делали. А в полуслове не бывало. И все меж порам: одна пасет, другая клетки скребет; одна косит да возит, другая корм разносит.

А опоросы начнутся — не дай и не приведи! Зато пасти — рай! Пастбище-то по ручьевине, вольготно, трава жирная, сахарная, ванны грязевые — под боком. Курорт! Я уж в годах была, а как новенькая радовалась каждому дню. А в тот день что-то давило. Жарко, духовито было, потно. Поросята из грязи не вылезали, хрюкали вяло, со стоном. В седьмом часу погнала домой. Ветерок потянул с северо-востока, а из-за Казанской-то супротив него по шажку туча поднималась. Потемнело. Тревожно сделалось. Скотина и люди с какой-то оглядкой, но споро стремились к жилью. Гром стукал редко и тяжело.

Смерклось. Гроза не приближалась. Деревня на покой забралась. И мы ставень в горнице закрыли. Сплю-сплю, а сама чувствую, как поросенка из соски пою, а он верещит, а молоко мне на руку каплет. Я как отдерну руку-то да локтем об стену! Брызги из глаз! Проморгалась — батюшки: с потолка-то ручьем на одеяло, на руку.

А тут как верескнет да верескнет! — в горнице светло. В ставне-то щели, и сквозь них фиолетовым, желтым — глаза режет!

Мужа в бок ткнула — вскочил, кричу шепотом: «Робят не напугай!» Постель свернула, мешок тюриком на голову — и на ферму. Дождь полощет, ноги скользят, грянет — чуть не вприсядку бегу. Слава богу, успела. Под крышей стою, на косяк отдышиваюсь. Брызги с застреха до пояса бьют! Вдруг около столба телефонного как в ладошки дважды прохлопнуло, огненные ленты кинулись по проводам, и в тот же миг так треснуло, будто парусину рванули разом на много верст. Забили в лемех. Пожар? Где? Вижу, люди ко мне бегут.

— Не видишь? Горим!

— Открывай ворота!

— Лестница, лестница где?

— Молока давай, молока! — молоком молонью-ту заливали.

Кинулась на крыльцо: ворота-ти изнутри засовом заложены. Манефа Владимировна навстречу: тащит отца.

Распахнула ворота — народ к клеткам мимо меня. Вижу, и мой тут. Робят бросил. Туча раскололась: часть на Сухону, часть в болото, на Вышино; дождь одряб, ветер — на диво — стих.

В хлевах сумрак, шум, ругань, свиньи визжат, вертятся, фонарь опрокинули; мы с Манефой сосунков таскаем, маток выводим. Дом как свечечка тает, будто того и ждал.

Черного дыму почти не было: солома — та сразу просохла, порохом пропыхала в пять минут, огонь спал, но стал жарче, весело тек по бревнам вниз до земли.

Добро погрел старик косточки, как и не стаивал на земле!

Люди пятились, отступали, молчали. Подлетели дэпэдэшники с пожарной машиной. Лихо развернулись — и остались на дрожках. Лошадь начала стричь траву, косясь на огонь.

А мы с Манефой — делать нечего — стали собирать стадо и погнали к ручью.

Туман стоял от земли до неба. Поредел в одиннадцатом часу. Пришел председатель. Сказал, что правление решило поставить новую избу, выдать ссуду на обустройство; ведь в одном мокром платье осталась Манефа Владимировна. Еще подумал и добавил, что в райкоме поддержали эти решения.

А стадо разместили в семи частных хлевах. Вот и загоняешь по вечерам, кого куда, как угорелая. Кто поможет, а кто хихикнет: «Мало еще им, все не угомонятся». И слышишь, бывало, сзади смешки, а все вперед идешь.

...Черезо время и меня пожар посетил. И дома никого не было, и Илья Пророк не гремел, а тоже хорошо выгорело, чисто. На кого станешь приходиться?

2. Своим ключиком

Ни о чем с ней не сговаривались, да и слов зря не тратили. Пусть балобоят, кому досуг. Пуще прежнего в работу впились. У нас уж и свои секреты завелись. Приемы труда, методика по-научному. Только мы свою методику не под замком держали, а любому и каждому готовы были рассказать. Да не больно-то поначалу спрашивали.

Только на районных семинарах да через газету отчитывались. А и это немало.

Дело-то чаще не в деле, в подходе к нему. Все примечай, запоминай да пробуй. Начинали с простенького. И глупому ясно, что матки должны быть упитанные. А вот как кормов напасть, как их приготовить, чтобы аппетит возбудить? Самых-то солоших, прожорливых — тех на племя. Да чтобы по росту, по весу, по фигуре соответствовали. Да чтобы от маток от плодovitых были.

Правда, американский фермер Гарст позже многим нашим говаривал, что он не обращает внимания на родословную. Были бы рост и вес.

Ну, во-первых, это он про крупный рогатый скот, а во-вторых, «от худого семени не жди хорошего племени». Не зря сказано.

Какая у нас задача была? Чтобы больше поросят в каждом помете рождалось, чтобы росли не по дням, а по часам.

Вот какая короткая методика получилась. На деле-то — годы и годы. Десятилетия. Да и сейчас еще думаю, что можно бы сделать быстрее да лучше? Что упущено? Недоделано?

Чтобы люди поверили, надо десять раз доказать. Статистику, то есть множество фактов, накопить. Сроки, рационы, добавки, порядок кормления, сохранность молодняка, привесы — все учесть. Сотни таблиц вычертить. Ну, тут уж нам зоотехники да ученые помогали. Что нам посоветуют, что у нас возьмут — вместе науку-то двигали. А уж практику... все вот этими руками.

Вот какая она бывала, практика-то. Через год примерно после пожара опоросы как пошли да пошли! За одни сутки шестеро маток опорожнились. Одна за другой, одна за другой! Батюшки-светы! Девяносто шесть голов! Как спасти, как сохранить? Хватит ли молока у маток?

В общем-то мы уже готовы были к такому. Не одинова проверили, что надо каждого приучить к своему соску. Так матка лучше молоко отдает. Тех, которые послабее, к передним соскам. Они более молочные. А как не перепутать? Вот и метишь, кого угольком, кого карандашиком химическим; до пяти черточек награфим, да и у матки все бока испсаны. Мы уж знали, что кормить их надо больше 20 раз в сутки. Только поворачи-

вайся! Да то хорошо, что кормление у свиной быстрое. Матка будто выстреливает молоко в рот своим детенышам. Секунды какие-то, ну минута. Успей каждого посадить, голодом не оставить. А у сотни-то голов эти секунды в непрерывные часы складываются. Да еще изюминка: у двух маток было по восемнадцати поросят, а сосков-то по четырнадцати. Два билетика на одно место! Вот тут и не обидь, не растревожь, аппетит не испорти! Господи! Ни за одним своим дитем так не ухаживали.

А когда мы получали маток из Череповецкого госплемрассадника от Пластинина, у них вообще было по восемь сосков. Это уж сами до четырнадцати довели да еще по паре наметилось. Вот что такое отбор, подбор да направленное воспитание!

Так и работаем, времени счет потеряли, сами себя забыли. Кто ни придет — отмахиваемся: не до вас!

Наконец разогнулась Манефа Владимировна: «Вроде, Шура-й, мы сегодня не завтракали?» Вот выдержка! Трое суток маковой росинки во рту не было, а она еще шутит! Вот какое возбуждение было, вот какой азарт! А все оттого, что создавали: ладно делаем. Гордились друг другом.

И все-таки тяжело. Манефа Владимировна не раз говорила и писала: «Если бы я в то время (вскоре после пожара в 1932 году) не побывала в Москве на съезде передовиков свиноводства, я не выдержала бы трудностей и насмешек и бросила бы свою работу».

Ну, и про меня говаривала, дело прошлое, что уж скрывать: «Ничто у нее не выпадало из рук, за что ни возьмется».

Вот какая подруга у меня была верная! На путь наставила да добрую треть проводила. Так и стоит перед глазами: «Не бойся, не подведу!»

3. Признание

Верно говорят: «Нет пророка в своем отечестве». Как мы ни изощрались, что ни делали: и работаем сколько надо, и доход колхозу даем, а все будто чужие. Одно слово — свинарки. Только те, кто не за одну деревню думали, заприметили нас. А мы знай руку набиваем, методику отрабатываем. Тренаж себе такой приспособили: можем ли от одной матки за год тонну про-

дукции в живом весе получить. А придумал его украинский свиновод Рой.

К тому времени и у нас условия позволяли: построил колхоз свинарник новый, типовой, на кирпичных столбах; тепло, светло, прифермский участок выделили четырнадцать гектаров. Великое дело — свои корма!

На 1935 год обязательство приняли: тонну — опорос за год! Тут уж ухо остро держи. Тут уж каждого сохрани, не дай бог чихнет, пылинке не дай упасть.

А как же? Корову так вон как обложили! Три тонны да больше молока подай — не грехи! А овцу? Шкура — на обувь, одежду, мясо — на шашлык, кости — на студень, требуха — на рубец, рога да копыта — на гребни. Почему бы и к свиньям не так? Интенсивным должно быть все животноводство!

Первое сосание давали через час-два после опороса. Как только инстинкт сработает, желудочек запросит. Тут и начиналось: первую пятидневку по двадцать два — двадцать четыре раза кормили материнским молоком. С пятого по десятый дни начинали по два-три раза коровьим подкармливать, по пятьдесят граммов за дачку. Потом — кашей овсяной. Помаленьку приучали к овсу поджаренному, дробленому, давали ячмень, добавляли красную глину, толченый уголь. Грубые корма вводили в рацион только с сорокового дня.

Долго ли, коротко ли — год прошел. Взвесили, подсчитали — есть тонна опорос! Не бывало еще такого в стране!

Ну, уж тут стало полегче. Не рукам, нет — душа вздохнула. Ни сомнений, ни страха. Все можем!

В тридцать шестом вызвали Манефу Владимировну на первое Всесоюзное совещание передовиков сельского хозяйства в Москву. Тут-то и услышала из первых уст: «Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!» Как на крыльях домой летела. Шутка ли: орден Ленина на груди горит, а ферму семьюстами рублями премировали! Патефон дали, весы десятичные.

Порадовались — и за дело. Молчим, работаем, думаем. Вдруг и говорит, как бы между прочим: «За своих поросят так никто премии не давал. Да и чудно было бы спрашивать. А тут: двор — колхозный, корма — колхозные. Сами, прах возьми, и то колхозные, — засмеялась. — А ты как думаешь?»

А как я думаю? Всему колхозу премия — вот как!

Часть денег сразу в дело пошла: накупили ведер, лопат, корыт для фермы. А на остальные решили устроить угощение колхозникам. Приурочили к дожинкам. В церкви, клуб в ней был, собрались. Булки белые на столах, сахару вдоволь — редкому не в диковинку. Где и народу взялось! Да не думайте, что на угощение мы зря деньги на ветер выбросили. В тот вечер не только выпивали, а больше мы о своей ферме и свиньях рассказывали. И прямо скажу, что с тех пор колхозники и на ферму, и на нас иначе смотреть стали.

На другой год послали земляки Манефу Владимировну своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Признали-таки. То-то и дорого.

Дороже всего!

ДЕЛО СЛАВЫ

1. Принимаем М. И. Калинина

На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку свиной отбирали мы тщательно, строго. Мыслимо ли: из Шейбухты — в Москву, без билета, с фермой. Лишь бы кого не возьмешь. В сороковом году, помню, на одиннадцать лошадей до пристани провожали. На одних повозках свиньи в садках, на других — корма. Погрузишь на баржу, из баржи — в вагоны. Долог путь до московских павильонов! Вся издергаешься. А у животных тоже нервы. Не сразу в себя приходят. Но вообще-то в Москве им не хуже жилось. Да и нам кое в чем полегче. Корма — по заявке, в любом виде, в любой расфасовке. Температура, вентиляция — оптимальные. Минеральные добавки, лечебные препараты — на любой вкус. Зоотехническая, ветеринарная службы — на высоте. Зато попробуй-ко целые дни на чужих глазах работать! Люди-то разные: иной в дело вникает, а иной нас, как диковинку, рассматривает. Ну, мы особо-то не тушевались. Неурочных посетителей не жаловали. Как дома себя чувствовали.

Кормление — всему основа. Вон один в Англии был — от любого хряка отмеряется, чуть не век прожил, а спросили, за счет чего, ухмыльнулся. «Я, — говорит, — ни разу в жизни к обеду не опоздал».

А тут седьмой час утра, завтрак в разгаре — на тебе: ворота распахиваются, группа мужиков (ну пускай

мужчин — одеты-то хорошо) идет. Один проворный ворота распахнул да и в сторонку. А передо мной — ну, выдывала же где-то! — этакий небольшой, в годах уж в хороших, очки слесарские, железные, борода вроде кисти малярной, истертой. Я в проеме-то расшаршилась: «Что ты, милой, двери-ти распахнул? Давай, давай, теб-бя ведь не выталкивать!»

Тут Манефа Владимировна подлетела, фукает на меня, оттирает: «Здравствуйте, гости дорогие, здравствуй-те! Проходите, Михаил Иванович, пожалуйста!»

Вот так раз: сам Президент с членами Правительства!

Вот где видала-то: на фотографиях. А Манефа-та в лицо хорошо знала: вместе заседали в Кремле.

Стушевалась я немножко, а сама себе думаю: «Раненько встает всесоюзный староста! Могли бы и предупредить!»

Дальше — чин чином: провели, обсказали. Прощать-ся стал — руку подал. «Серьезный, — говорит, — народ в Вологде. Не страшно и Америку обгонять». И улыбнулся, да так хорошо! А я и до сих пор неловкость чувствую.

2. Рекорд! Еще рекорд!

Тридцатые годы! Дружные, молодые, азартные. «Утро красит нежным светом...» По всей стране слышно: «Даешь!»

Даешь Турксиб, Магнитку, Днепрогэс! Пятилетки — одна за другой — досрочно, как с горы, катятся!

В тридцать девятом мы дали тонну — опорос за 3 месяца 27 дней! Втрое быстрее первого опыта. Вот это рекорд! А к слову сказать, и его побили сами же. Только попозднее, в тысяча девятьсот пятидесятом. От Июньки, матка такая была под номером 856, первый помет из девятнадцати поросят достиг тысячекилограммового веса за три месяца и девятнадцать дней. А мясо-то! Не то что теперь в странах «Общего рынка». Нашпигуют стимуляторами роста, а потом и взрослые-то травятся, не только дети. Наше — чистое, от земли да от великого прилежания.

Ну вот, особо понервничали в сороковом году. Приехали в Москву, разместились.

Я еще на районном совещании у нас в Шуйском слово дала: получить за год от одной матки приплоду четыре тонны живого веса. В зале, слышу, шушукаются: погибает, мол. А я тетрадочку на трибуну да с цифрами: вот первый помет — девятнадцать штук, вот второй — семнадцать, третий, пускай, пятнадцать получу. Вот вес в месячном возрасте, вот за квартал, а вот — к концу года. Ну как?

Согласились: пожалуй, выйдет. А одна и говорит:

— Еще бы: у нее все подсчитано дак...

Смех и грех!

С тем и поехала. В двенадцать ночи перед дорогой покормила. Два помета с собой, а третий-то уж там, на выставке, принародно принимала. Да еще бегала белорусам помогать. Вот какая повитуха! Ну, я и не уставала. Мне и не хотелось устать никогда. Каждый день в радости: «экспонаты»-то мои знай похрюкивают да радуют.

А один поросенок возьми да копыто и сбей! Беда! Ест-пьет по-прежнему, а сидя. Ну как в тук бросится!? Для развития движение нужно. Я к докторам. «Прирезать!» — говорят. Я, наверно, позеленела.

— Ну уж, говорю, нет уж, говорю. Режьте, говорю, своих пациентов сколь угодно, а этого чтобы вылечить!

Заставила. Отходили. В зачет пошел.

На выставке все знали, что иду на рекорд. Каждую пятидневку поросят взвешивали. А они на весы, как ученые, шли. Как у Дурова. Цирк! По две-три штуки бегут коридорчиком, глаза красные, глупые, пустые. Это уж сок желудочный у них выделяется; гонит за лакомством после весов.

Киношники каждый день вертятся. Но снимают правдиво. Документальный фильм получился. Хороший. Хранится, наверно, в архивах ВДНХ.

А как «Свинарка и пастух» вышел, многие спрашивали, не с меня ли списали?

— Душа, говорю, моя, а остальное — наше.

— Не знаю, угодила ли. Не специалист.

Грянул срок.

Народу в Манеже — яблоку негде упасть. Я уж результат почти точно знаю, а все-равно сердце дребезжит. У весов-то не кто-нибудь стоит, а Редькин, профессор, Андрей Петрович, с ассистентами. В пятеры глаза смотрят, объявляют, записывают. Наконец, итог огласи-

ли: четыре тонны семьсот пятьдесят четыре килограмма семьсот граммов! Страшно вымолвить!

Редькин переспросил: «Правильно?»

— Правильно!— кричат. Многие считали.

Есть мировой рекорд!

Вечером нас чествовали. Завалили цветами. Вон их страсть какая на выставке!

Павлу Тимофеевичу Комарову, первому секретарю нашего обкома партии, оправдываться пришлось: «Ни от кого мы их не утаивали, не скрывали. Просто они у нас скромницы. До поры до времени — молчок!» Шутит, конечно.

Нам с Манефой Владимировной — по медали, колхозу — машина грузовая и Диплом первой степени.

Одна гора с плеч! Теперь бы домой скорей да за дело!

3. «А ты записался добровольцем?»

Как вспомнишь те годы, сердце сосет, сосет. Тревога охватит: все ли сделала? Не скрывалась ли за чужой спиной, не скривила ли в чем? Будто снова в душу глядит красноармеец с плаката: «А ты записался добровольцем?»

Отойдешь, поуспокоишься — вроде ладно, вроде полюдски прожито.

С начала войны наша задача изменилась. Кормить армию! Как можно больше продукции! Вот мы и старались, выращивали свиней на племя. В первом военном году сдали почти сто семь с половиной центнеров свиноподукции, в том числе больше восьмидесяти трех племенной. Сотни племенных свинок отправили в другие колхозы. Прифермский участок стал полностью нашей заботой. Пахали, сеяли, косили, возили — все почти сами. Сами и двор утепляли на зиму.

Учет по-прежнему строжайший вели. За один год, с 23 марта 1942 года по 23 марта 1943 года, от свиноматки Ялты номер 132 за три опороса получили пятьдесят поросят и от шести ее дочек — пятьдесят шесть поросят, всего — 106 штук. Прежний рекорд побили. Общий живой вес их составил пять тысяч девяносто семь килограммов. Деловой выход от пяти свиноматок составил по 26,8 поросенка при 100 процентной сохранности. А всего по ферме за 1943 год получено 487 поросят, по 24,3 головы на свиноматку. Особенно порадова-

да нас Июнька. С 23 марта 1943 года по 25 июня 1944 года она принесла 128 поросят, 108 из них мы сдали наивысшими классами — элита и первым.

Мои дорогие помощницы Короткова Лидия Николаевна, Аносова Анна Ивановна да Сметкина получили благодарности от обкома партии и облисполкома.

Одни ли мы так работали? Считай, весь народ, заключенный мало было. В лесу, на сплаве, на полях живота не щадили. Трактористы — наполовину женщины, девчонки молодые. Все для армии, все для Победы! Вещи теплые собирали, деньги, продукты, сдавали скот. На танковую колонну, на самолеты, в помощь освобожденным областям... А займы? Сколько их было! Последнее отдавали, все, что могли.

Про меня, к примеру, говорили и писали, что от своего хозяйства сто килограммов мяса в фонд обороны сдала. Так-то оно вроде и так, да не совсем так. Нечего сдать-то было. А премию мне от колхоза дали, верно. Трех поросят. Кормить-то чем? Нечем! Вот опять на ферму и свела. Выходит, что так.

... На году трюх в армию проводила. Мужа да двух сыновей. Легко ли? Старший, Константин, погиб за Невель Калининской области. Анатолий семь с половиной лет на Дальнем Востоке отстукал, Михаил — семь. По три года только младшие — Рафаил да Порфирий. А всего-то больше четверти века отслужили мои мужики.

И вот удивительно! Всю войну на прифермском участке, хоть и руки не всегда доходили, урожай рос отменный. Особо ячмень пер, на горе врагам. Зерно литое, тяжелое, как картечь. Александр Алексеевич, муж-то, как домой вернулся, первым делом сказал: «Ну, мати, от Берлина прошел (они лошадей по домам гнали) — нигде лучше твоего ячменя не видал».

Мир! Трудный, желанный.

Теперь-то уж заживем! И верно: тридцать пять лет в покое. Кое-кто забываться стал. Деньги, тряпки, кольца, машины. Ловчат, толкаются. Грубее народ стал. Почитайте-ко газеты, за любое число, кроме праздничных. Многие на грани совести живут. Закон не запрещает, совесть, видно, тоже. Кто сумеет, кто ухватит. В хорошей семье так не делается. Иначе, иначе в войну жили. И в скудости умели достоинство сохранить. Ну, и речь, конечно, о жизни шла, о Родине. Тоже понять надо.

В сорок шестом году мы с Коротковой Лидией Николаевной да с Аносовой Анной Ивановной (Манефа Владимировна оставила работу по болезни) получили Государственные премии, лауреатами стали. За войну, за хорошие показатели, за рекорды, за то, что сделали ферму племенной. Как подумаешь — верно: никто не указывал, никто не подгонял. Добровольно шли и делали, сколько надо. Хорошо на душе было, чисто, надежно!

ДЕЛО ДОБЛЕСТИ И ГЕРОИСТВА

1. Хозяйственным способом

Десять лет простоял свинарник, пять из них — военные годы. Не тот, конечно, догляд. Полы, углы, нижние венцы — все сопрело. Новый надо бы строить. А плотников-то своих нет. Подвернулись шабашники. Волчья бригада — так их тогда называли. Буйские ли владимирские — не помню. Долготье на коротье переделывать мастера. Хороших разве отпустят на сторону да в ту-то пору? Ладно, приставили к ним старшим своего колхозника, мастера Худобина Алексея Романовича. Он все дело и повернул. А я — вроде толкача. Бригаду накормить, моху надрать, тес подвезти — каждой дыре затычка. Только за гвоздями раз пяток в Вологду огрела! А крыть чем? Соломой — позорно, дранкой — обидно, железом — нет его. А ферма-то знаменитая, племенная. Шифером, говорят, надо!

Ладно. Выпросилась в Москву, в Министерстве своем наряд выбила на Брянский завод, командировку оформила, села в поезд — качу.

Прикатила — пожалуйста:

— Вот вам шифер. Во что грузить прикажете?

Хоть стой, хоть падай! В подоле не унесешь. У них все вагоны расписаны, что под что. Завернулась да на той же ноге в Москву. К тому же чиновнику. Ну я ему сказала! Понял. В Калугу прилетела — без проволочки вагон выделили. Видно, звонил чиновник-то.

Снова в Брянск. Тридцать первое декабря. Вечер. В окнах елки. Метет. До завода добралась, говорят: «Если до двадцати четырех часов не погрузишь да не выпихнешь вагон за ворота — пищи пропало. В новом году — новые фонды. Ваших нет!»

Ах ты крючок без бородки — все дело сорвется! Ну нет! Побежала к грузчикам — работу кончают, посоветила, поговорила, сунула триста рублей — через час мой вагон выскочил!

Стою на ветру, в потемках. До города километров четырнадцать. Вдруг такси. Уселась. Боюсь. Ни встречного-поперечного. Туда ли везет? Слышно было: пошалаивают на дорогах-то. Нет, все ладно: к облизполкому доставил. В гостиницу уж пешком добралась. Мне бы чайку попить да поспать. Сажу в вестибюле, а передо мной администраторша с ноги на ногу колышется, как расшива старинная на зыбях. Ничего у нее для меня нету: ни чаю, ни места, ни номера.

— Нельзя ли хоть кипятку достать да на стульях ночь скоротать? — говорю, а сама расстегиваюсь, платок на плечи спускаю да за гребенку берусь. Значки-то на груди и открылись: лауреатский да депутата Верховного Совета СССР.

Ну вот и весь сказ: все у нее, оказывается, есть. Противно. Но я тогда, верно, устала. Не от работы — какая работа?! От бестолочи.

Теперь-то что: в силу вошли, опыта набрались. В каждом районе новостройки. Специализированные тресты, мехколонны.

В том же Междуречье возьми: два объекта строят две конторы — Сельстрой да Межколхозстрой.

Двое дорогу курочат, двое бензин жгут, двое порожние в город бегут. Может, в Междуречье-то одна бы организация справилась? А другая — в Соколе, например? Ручаюсь, в полтора раза дешевле бы было. А может, в пяти-шести районах навалиться всем миром? Сделать быстро да хорошо, чем во всех понемножку, медленно да плохо? А может, еще как по-хозяйски-то, а?

2. В гостях у Сталина

Невелико дело — по гостям ходить. Нашла чем хвататься! Ну, во-первых, не много-то и находила, ни у кого порогов не обивала, а во-вторых, и ходила — так не абы к кому. Да и случай тот был не из рядовых. В марте сорок девятого Сталину Иосифу Виссарионовичу исполнилось семьдесят. Дата! Любого поздравить не грех.

Великой честью считаю, что была позвана. Конечно, и пришла не с пустыми руками. Мы на месте-то не застаивались. Год от году вперед шли. В сорок восьмом и к прифермскому участку отнеслись посерьезней: севооборот семипольный ввели. Особое внимание уделили поддержанию постоянной — двенадцать-пятнадцать градусов — температуры в свинарнике. При активной вентиляции.

Все это сказалось на продуктивности животных. По 27 поросят от свиноматки получили. Тоже впервые в стране.

Так что попала я в компанию знаменитой костромички П. А. Малининой. И рядом известные всей стране люди сидели: Евдокимова, Гунина из Ярославской, Ананьина из Ивановской области. Вместе и жили в гостинице «Москва». Вместе и в президиуме торжества сидели. Всего 71 человек. Так решило заседание старейших депутатов. Мы все стайкой позади и устроились, в затылок Мао Цзедуну с компанией... Знал, знал Иосиф Виссарионович, кого возле себя держать, на глазах!

Рядом с нами — немецкая делегация. Знаем, что за люди: коммунисты, единомышленники, а — немцы. Давно ли война кончилась?! Мы-то политики не ахти. Все время меж собой шушукались. Особо ворчала Малинина. Порывалась «по душам» потолковать.

За праздничным столом — 21 тост! Понятно, что губы мочили да салфетками промокали. Речи хорошие слушали: за дружбу народов, за мир, за коммунизм!

А перед глазами — страна: холодная, голодная, великая, нервная!

Наскоком не возьмешь, а душа рвется. Да делать нечего: десять дней положено отгостить. Вот какая премия! Здорово нас за эти дни накачали! Другой всю жизнь в Москве проживет, а того не увидит. Театры, музеи, концерты, выставки — душа зрячей делается. И твоему стремлению предела нет!

... Молча ходили в Горках Ленинских. И на празднике это полезно: подумать и помолчать обо всем...

3. Вот вам мой посошок

Не зря старики сказывали: век живи — век учись, терпенье и труд все перетрут.

Большое мы полюшко перешли. И взрастили на нем социализм полной чашей. На полюшке этом — пот и

кровь нашего народа. Верится, что мы трудились недаром. Умнее ли вы нас? Не знаю. Добрее ли вы нас? Не знаю. Сильнее ли Родину любите? Доказать надо. Больше нашего вы знаете — это точно. Но работать так, как мы, вы не будете — тоже точно. Время другое. Плотное время. Возможности другие. Небывалые. А есть-пить все равно надо.

У земли хватит всего на всех. Стойте на ней прочно, работайте дружно, спорьте уважительно. Смотрите на нее, как на мать родную, ласково, берите у нее экономно, отдавайте щедро!

На полях — не сравнимая с прежней техника, в животноводстве — не фермы, фабрики по производству молока и мяса. Соревнуйтесь за лучшее отношение к делу, за лучшую организацию работы, за честь рабочую соревнуйтесь. И в этом мы вам не худший пример. Да и опыт наш рано на полку класть. Комплексы — хорошо, а своя ферма любому предприятию не помешает. Подсобное хозяйство подсобное и есть!

Высших наград и званий удостоилась я. За что? За результаты? За мировые рекорды? По документам — дак так. А по душе — дак за отношение к делу, за рабочую честь. Еду вот недавно в троллейбусе. Компания в джинсах. А что: для работы вещь ноская. У нас раньше не было. Один потешает: «В совхоз, мне говорят, тебя завтра, в «Передовой»! А я там, говорю, ничего не сеял», — хохочет, остроумец, а у самого пушок под носом, как у майской у вербушки.

Я и не удержалась: «Тебя самого, говорю, милой, может, там посеяли, да, видно, сорвали безо время. Поезжай, говорю, может, еще и привьешься. Это старой лесине не просто, а сырую вербушку — только ткни». По-краснел, запыхтел, а не огрызнулся — душевный, видать, кхе-хе. Беда с эдакими, право.

Сердце-то и болит: и меня-то там нету, да и этот не больно спешит.

Милые мои! Кончаю я вам свою байку. Вот я на кухоньке сижу, чаек попиваю, любуюсь на вас мысленно да думаю: «Старикам бы в городах-то жить! Дров — не надо, речка из крана течет, чай-сахар — по телефону заказывай».

Посошок свой верный в угол отставила: кому надо, берите. Вот он: терпенье и труд все перетрут. Безотказный. Любому послужит. Берите!

НИКОГДА НЕ ОСТЫНЕТ ЛЮБОВЬ...

Тарногский район нынче не назовешь затерянным в глуши, забытым, отсталым краем, хотя ни железной дорогой (до нее более ста километров), ни речным транспортом сюда не попадешь. Это один из богатых районов Севера, край, который гордится передовым сельским хозяйством, развитым животноводством, высокой культурой. Здесь живут и трудятся замечательные люди.

... На Тарногский Городок уже начал, хотя и очень робко, опускаться сумеречный час, когда автобус привез нас из аэропорта в гостиницу. В маленькой комнате было тепло, но, несмотря на усталость, тянуло на улицу. Хотелось пройти по селу, в котором не раз бывал и которое хорошо зимой и летом.

На широкой центральной улице сыпал снег, плясал под тусклыми фонарями. Погода не из приятных, но было уютно от притихших, одетых в снежный наряд берез, от огоньков в окнах невысоких деревянных домиков, от лошадки, запряженной в сани и бойко бежавшей по улице.

Вот и просторный, обсаженный березами пятистенок заслуженного учителя школы РСФСР Андрея Андреевича Угрюмова. Не раз бывал я в этом госте-

приимном доме, заглянул на огонек и сейчас. Андрей Андреевич увлечен антропонимикой — наукой, изучающей собственные имена людей. Несколько изданий выдержала его книга «Русские имена». Есть у Угрюмова и другое не менее важное дело — он общественный директор районного народного музея, где собраны предметы старинного крестьянского быта, документы по истории сел.

Меня интересовала история трактора, который стоит на невысоком постаменте рядом с музеем. Такой памятник на Вологодчине всего один. Его установили 9 мая 1979 года. Этот ХТЗ прибыл в Тарногу еще задолго до Великой Отечественной и пахал землю в совхозе «Шевелевки» до 1958 года.

Угрюмов показал фотографию: двадцать трактористок — первых женщин-механизаторов района. Среди них — Апполинария Ильинична Русинова. В предвоенные годы она вместе со своим мужем Виктором Ильичом овладела профессией механизатора. Многие годы работали они в колхозе «Завет Ильича» и на тракторах, и на комбайнах. Теперь на пенсии, но все равно при деле — обслуживают механизмы на животноводческой ферме. Их дочь Ангелина Третьякова приняла эстафету из рук родителей. Она — один из лучших механизаторов, депутат Верховного Совета РСФСР.

... На следующее утро еду в колхоз. От центральной усадьбы «Рассвета» до деревни Григорьевское, где живут Третьяковы, — четыре километра сосновым лесом вдоль речки Кокшеньги. Снег мягкий, взрыхленный. А дорога хорошо укатана тракторными санями — механизаторы возят сено к фермам. «Газик» неожиданно выскочил из леса, и перед нами открылось широкое белое поле, которое кончалось у деревни с большими старинными домами. Многие из них перестроены на новый лад: вместо открытых въездов появились нарядные веранды, маленькие оконца заменены высокими и широкими стеклянными рамами, почерневшие бревна спрятаны за тесовой обшивкой. Только на венцах крыш остались гордые коньки.

Искать дом Третьяковых долго не пришлось. В конторе колхоза сказали, что Ангелина Викторовна работает на погрузке кормов для фермы. Время было обеденное, и, увидев у одного из пятистенков трактор, я твердо решил: это и есть дом Третьяковых.

Встретил меня Василий Иванович — муж Ангилины Викторовны. Он деловито сказал:

— Вы, наверно, к Геле. Она тут, дома, корову доит. Скоро придет.

Немного помолчав, добавил:

— Хорошо, что личное хозяйство имеется: корова своя, теленок, кабанчик. Приусадебный участок есть. Дети растут — им молоко требуется, овощи...

В доме было просторно и уютно. Усевшись на детскую машину, удивленно смотрел на нас маленький Женя — сын Третьяковых. Ему не было еще и двух лет. А девчужка, глазастая, симпатичная, представилась сама: «Меня зовут Наташей...»

— Это дочка... — улыбнулся Третьяков.

Василий Иванович мыл руки — он только что пришел из мастерской, которой заведует. Мы быстро разговорились, и, когда, подоив корову, пришла Ангелина Викторовна, я уже многое знал о жизни этой семьи.

Впервые я увидел Третьякову на сессии областного Совета народных депутатов. Объявили ее выступление, и на трибуну вышла стройная молодая женщина. Черные прядки волос упали на широкий прямой лоб. Она откинула их рукой, глянула в зал и заговорила чистым, спокойным голосом. Но чувствовалось: то, о чем рассказывала Ангелина Викторовна, очень волновало ее. А речь вела она о трудностях в работе, о запчастях, о бездорожье, о плохом снабжении спецодеждой. Волнение оратора невольно передалось всем депутатам, и, когда Третьякова закончила свою речь, в зале раздались дружные аплодисменты.

Несколько дней спустя на предвыборном собрании выдвинули колхозники Ангелину Викторовну Третьякову кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Родом Ангелина Викторовна из Заборья.

— Сколько себя помню, все время была рядом с техникой. То у матери на коленях в кабине трактора сижу, то у отца, — рассказывала Ангелина Викторовна. — Еще в школе решила: буду механизатором. После школы поступила в тотемское СПТУ № 7, окончила его с отличием, вернулась в родной колхоз «Завет Ильича», стала трактористкой.

— От Заборья до Григорьевского — не один десяток километров. Как же вы познакомились? — спрашиваю супругов.

Василий Иванович улыбнулся:

— Об этом, наверно, мне надо рассказывать...

Третьяков окончил Верхне-Спасскую среднюю школу, потом — курсы трактористов. Призвали в армию. За успехи в службе предоставили краткосрочный отпуск. Куда поехать? В Григорьевском дом закован — родители умерли. Решил навестить старшего брата Александра, который живет в Заборье.

Однажды во время отпуска вышел Василий на улицу прогуляться. Не заметил, как оказался за околицей, у речки. Трактор на краю поля стоит. Возле него высокая девушка хлопчет. Подошел, поинтересовался, что случилось.

— Заглох почему-то, — растерянно проговорила девушка.

Василий оглядел двигатель. Все в порядке. Потом увидел: кран подачи топлива перекрыт. Сказал об этом девушке. Она сверкнула крупными глазами, нахмурила брови:

— Ну, хлопцы... Опять хулиганят. Делать им нечего.

Села в кабину, и трактор побежал по проселочной дороге.

Вечером парень пришел в Дом культуры, сразу увидел в стайке девчат юную трактористку. Пригласил ее... И закружилась голова у солдата.

Потом были письма. А отслужив, Василий приехал в Заборье. Весна пахла талой водой, пробуждающейся землей. Черемуха цвела. В письмах было все сказано, и решили после посевной, в июле, свадьбу сыграть. Вопросы, где жить, не было. Ангелина сказала: «Жена должна быть там, где муж...» И расколотил Василий окна отцовского дома.

Новая хозяйка старого третьяковского жилья, обаятельная и общительная, всегда приветливая и веселая, быстро пришлась по душе сельчанам Василия, и ее все стали звать ласково Гелей. Механизаторы тоже приняли Третьякову в свою семью, как равную. Бралась она за все — и удобрения возила, и корма, и зерно от комбайнов. Хоть порой и нелегко было, но по утрам с радостью шла на работу.

— Родилась Наташка, и пришлось мне оставить баранку. К счастью, ненадолго, — рассказывает Ангелина Викторовна. — Тогда трактор мой передали другому механизатору, и, когда пришел срок выходить на рабо-

ту, поставили меня на приемку молока на животноводческой ферме. Четыре месяца трудилась. По триста рублей платили. На тракторе столько не всегда зарабатываешь. Но тянуло к технике. Говорю однажды мужу: «Не в деньгах дело, Вася. На трактор хочу».

Василий Иванович тогда тоже трактористом работал. Понял душевное состояние жены. Как-то вечером говорит:

— Знаешь, что я придумал, Геля? Трактора в колхозе сейчас свободного нет. У мастерских стоит старый комбайн. Отремонтирую его до начала жатвы и буду работать на нем, а ты пока на мой садись.

Стала Геля водить трактор, который принадлежал Василию. А вскоре ей дали новый. Работа пошла веселей. Третьякову назначили звеньевой на заготовке кормов. Впервые в колхозе такое механизированное звено было создано. Коллектив укомплектовали еще с весны. Подобрали самых добросовестных механизаторов. В него вошли Александр Афанасьевич Чугреев, Владимир Дмитриевич Ефимов — трактористы с большим стажем. Остальные — молодежь. Николай Губин и Василий Третьяков работали на косилках. Анатолий Косарев — на ворошении сена и сгребании его в валы, Александр Чугреев — на пресс-подборщике, Владимир Ефимов — на подборщике-копнителе. Василий Горлищев и Михаил Тимофеевский были заняты отвозкой кормов, Ангелина косила траву и копнила сено.

— Опыта работы по звеньевой системе у нас не было, — рассказывает Третьякова, — но нам удалось скопить, запрессовать, застоговать и заскирдовать треть всех заготовленных в колхозе кормов. Главное в нашей работе — сроки не упустить. Ведь даже в самое дождливое лето всегда повернется сухая неделя. В эти дни и надо поспевать.

Зимой Третьякова занимается обеспечением Григорьевской фермы кормами. Здесь организована механизированная раздача. По инициативе Ангелины Викторовны. Она погрузчиком грузит сено и солому, а Валентин Иванович Косарев с тележки раздает корм на ферме.

— При такой организации труда надон повысились. Доярки не могут нарадоваться — работать им стало намного легче, — улыбается Третьякова. О чем-то подумав, продолжает: — Много в колхозе хороших людей, замеча-

тельных труженников. Вот хотя бы Косарев. Какую работу ни поручи Валентину Ивановичу, он выполнит ее добросовестно, с душой. Вспоминаю уборку урожая в труднейшем по погодным условиям 1980 году. В нашей бригаде много хлебов осталось бы на корню, если бы не Косарев. Благодаря ему все зерновые были убраны. Где было можно, жал на комбайне. Не получалось, пересаживался на тракторную косилку. Его МТЗ-52 уже пять лет работает безотказно.

Ангелина Викторовна на какое-то время замолкает, думая о чем-то своем. Потом снова оживляется:

— Хорошо, что нынче молодежь остается в родном колхозе. За последние четыре года пришли из школы и вернулись из армии тридцать два человека. Это ребята. Почти все стали механизаторами. А вот девушки на трактор не идут. Как была я в нашем колхозе одна из женщин трактористкой, так одна и осталась. В СПТУ со мной вместе училась Галя Мултасова. Училась хорошо, а работать трактористкой не стала, куда-то уехала.

В 1981 году группа женщин-механизаторов области обратилась к выпускницам школ, комсомолкам, молодым труженицам села с призывом продолжить славные традиции Паши Ангелиной. Письмо было опубликовано в областной газете «Красный Север». Среди авторов — уважаемые в нашем крае люди. В военное время стала трактористкой Герой Социалистического Труда ветеран совхоза «Новое» Сокольского района Фаина Константиновна Сиряева. Более четверти века механизаторского стажа за плечами у кавалера ордена «Знак Почета» Александры Александровны Теребовой из колхоза «Великий Октябрь» Нюксенского района. А. А. Теребова избиралась кандидатом в члены обкома КПСС. Она в своем колхозе является лучшей наставницей молодежи. А для кавалера ордена «Трудовой Славы» Зинаиды Александровны Сержантовой из совхоза «Андога» Кадуйского района профессия механизатора стала прямо-таки семейной. Ее муж, Николай Ефимович, тоже опытный тракторист. По стопам родителей пошли сыновья Александр и Леонид. Поставили подпись под этим письмом и молодые трактористки Ангелина Викторовна Третьякова и Апполинария Николаевна Кулькова.

В своем обращении, в частности, они писали: «Мы, женщины-механизаторы, призываем девушек — выпускниц школ, молодых тружениц села, комсомолок — сме-

лее идти в отряд механизаторов. Кому, как не вам, приложить свои руки к преобразованию Нечерноземья, оказать посильную помощь колхозам и совхозам в укреплении их экономики? Своим трудом вы внесете конкретный вклад в дело процветания нашей Родины».

На собственном опыте, писали трактористки, они убедились, что работать на сельскохозяйственных машинах женщины могут наравне с мужчинами. Конечно, механизаторам приходится нелегко. Но молодым ли девочкам, комсомолкам, бояться трудностей?

— Сейчас быть механизатором гораздо легче, чем прежде, — говорит Ангелина Викторовна. — Техника стала более удобной в управлении. Разве не удовольствие сознавать, что ты без особого труда справляешься с машиной в пятьдесят, а то и сто лошадиных сил? А с чем можно сравнить чувства, которые возникают при весенней пахоте? А разве можно без трепета наблюдать рост хлебов, налив зерна или колыхание спелой нивы?

На обращение женщин-механизаторов откликнулись многие выпускницы сельских школ Никольского, Бабушкинского, Вологодского, Череповецкого и других районов области. Их инициативу одобрил обком партии. Предполагалось всесторонне помочь девушкам в их благородном стремлении: создать им хорошие условия для труда, учебы и отдыха, обеспечить исправной техникой, закрепить за ними наставников.

— Как видим, — говорит Ангелина Викторовна, — намерения были самые благие. К сожалению, на местах к этому важному делу многие руководители отнеслись формально. Мне рассказали о таком случае: девушка окончила СПТУ, стала механизатором, приехала в родное хозяйство, а ее послали работать... дояркой. Понимаю, доярок тоже не хватает, но тогда зачем же девушку посылать учиться на механизатора?

Очень уж живуче мнение, что трактор — не женское дело. К сожалению, так считают не только многие девушки, но и некоторые руководители. Хочу со всей серьезностью заявить: быть механизатором — это не привилегия мужчин. Женщины на современной технике работают не хуже, а порой и лучше представителей сильного пола. Правда, многое не учитывается. Для нас надо бы и комбинезоны шить другого покроя, и кабину трактора делать более уютной, об обуви позаботиться. Могу еще добавить: девушки не идут в механизаторы

потому, что нормальные условия для работы не всегда создаются, хотя колесные трактора в управлении нынче легкие и вполне по силам девушкам.

— И еще я думаю вот о чем, — продолжает Ангелина Викторовна, — мало внимания уделяется у нас наставничеству. Любой молодой тракторист, особенно девушка, нуждается в совете и поддержке более опытных механизаторов. Я работаю восьмой год и всегда с любовью, уважением и благодарностью вспоминаю первых наставников еще по колхозу «Завет Ильича» Анатолия Павловича Постникова и Александра Михайловича Буторина. Это они помогли мне поверить в свои силы и научили любить и уважать технику, труд механизатора. Главное, конечно, в выборе профессии — призвание. Но оно не приходит само по себе. Нужна еще любовь к избранному делу, а любовь эту должен кто-то привить. Для этого необходимо, если можно так выразиться, плечо старшего и опытного товарища. Видите, какая цепочка получается. И каждое звено в ней играет важную роль.

Ангелина вдруг грустно улыбнулась, задала вопрос и сама же на него ответила.

— Чего же девчата-то из деревни уезжают? Ведь не своих же ребят боятся. Каждая мечтает за своего, деревенского, замуж выйти. И ребята пошли робкие. Надо смелее девчат-то окручивать, пока молодые да податливые.

А потом уже серьезно сказала:

— Правда, и среди девчат есть такие, которые крестьянской работы боятся. Думают, в городе легче. За родителями тут не последнее слово. Иногда можно услышать, как мать наставляет свою дочь: «Десятилетку окончила. Не к коровам же теперь идти. В город поезжай. Там в тепле и при народе...»

В разговор вступает Василий Иванович:

— Многие девчата, уехав, к городу по-настоящему не пристают и в деревню не возвращаются. Ездят взад-вперед, очень часто — на родительские деньги. И вообще, деревенские девушки не всегда умеют разобраться, что хорошо, а что плохо. Наверно, в школе на эти темы мало говорят...

Мы долго говорили о тех причинах, которые мешают удержать молодежь на селе. Много, очень много проблем в этом сложном деле. Профориентация в школах

пока носит чисто просветительский характер, не учитывает местных особенностей. Не случайно же об этом очень серьезно говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. На нем также указывалось на необходимость перестройки системы профессионально-технического образования. Надо заранее определять места будущей работы выпускников, решивших остаться работать на селе. И не скрывать те трудности, с которыми они неизбежно встретятся в начале своего жизненного пути. Преподносить школьникам крестьянскую работу в розовых красках — значит допускать серьезную ошибку. Ребята должны быть внутренне готовы к испытаниям. Навоз на ферме — он и есть навоз, от него никуда не уйдешь, а на занятиях по профориентации все больше говорят о белых халатах, в которых работают доярки. Но ведь и агрегаты ломаются, и вставать по утрам надо рано, иногда и корм животным на своих плечах поднести...

— Никогда сельская работа не будет легкой, об этом еще в школе должны знать ребята. А тому, кто сделал выбор — решил остаться в деревне, надо сразу же помочь крепко встать на ноги.

Третьякова глянула на часы, виновато улыбнулась:

— Извините, но мне уже пора. Ребята ждут — на животноводческие фермы корма возим. Я на укладчике сейчас работаю, без меня трактористы не обойдутся.

Василий Иванович тоже заспешил — ему ехать в Верхне-Спас. Там сегодня сессия сельского Совета, а он — депутат.

*
*
*

Через некоторое время мне вновь довелось побывать в тарногских местах. В один из дней поехал в «Рассвет». На поле, со всех четырех сторон зажатом крепким сосняком, темным от осенних дождей и первых робких заморозков, работали два трактора. Кругом стояли длинные скирды соломы.

Ангелина Викторовна выглянула из кабины трактора, приветливо улыбнулась, но работу не прекратила. Ее погрузчик ловко захватывал солому и складывал ее в скирды. Женщины, стоявшие наверху, граблями разравнивали солому. Николай Губин, молодой парень, проговорил:

— Пока не настанет время обеда, Геля работу не прекратит. Так что уж придется подождать. До перерыва немного осталось.

Наконец трактористка заглушила двигатель, легко выпрыгнула из кабины. Она была такой же подвижной, улыбочивой, как и в первую нашу встречу. Только лицо загорело, обветрилось, и на щеках, под глазами, яснее проступили веснушки.

Разговор сразу же пошел о колхозных делах.

— Нынче, используя прошлогодний опыт, мы создали уже два механизированных звена на заготовке кормов. Летом работали и на сенокосе, занимались стогованием и прессованием сена. Сейчас скирдую солому. Идем вслед за комбайнами, — рассказывала Ангелина Викторовна. — Видите, сколько скирд наставили. Это за полтора дня. Уберем солому с этого поля и сразу же перейдем на соседнее, где сейчас работают комбайнеры. Кормов заготовили в достатке.

Ангелина Викторовна вздохнула легко и свободно. Но потом вдруг посерьезнела, сосредоточенно сдвинула густые брови:

— Болит сердце, когда встречаешь недостатки. Хотя о них мы уже и говорили не раз, но медленно они устраняются. Взять, например, учет работы механизаторов. В колхозе налажен он пока плохо. Нередко иные сами себе в путевых листах записывают работу, а бригадиры, как говорится, не глядя подписывают. Разве это порядок? Нет, конечно. Надо, чтобы в конторе был человек, который постоянно и со всей ответственностью занимался бы этим делом.

— Или вот такой факт. Осень, самое сытое для скота время, а на Горской ферме 180 голов выглядят заморенными. Только беспечностью тех, кто отвечает за стадо, можно объяснить такое положение. Не по-хозяйски относятся к общему делу.

И снова Ангелина Викторовна замолкает. А я думаю о том, что с депутата в коллективе спрашивается вдвойне. Ангелина Викторовна это прекрасно осознает. И еще думаю я о том, что даже не будь депутатом, все равно будет всю себя она отдавать делу, все равно будет болеть за каждый промах или неудачу и воевать с бесхозяйственностью и беспечностью. И так же всей душой будет помогать людям, знакомым и незнакомым, что обращаются к ней, как к депутату Верховного Совета.

...Дорога из деревни Григорьевское, где живет Ангелина Викторовна, на центральную усадьбу колхоза «Рассвет» сначала петляет полем, затем — сосновыми борами. Всякий раз, когда идет Третьякова по ней, невольно останавливается посреди поля, где находится обнесенная штакетником одинокая могила. Здесь похоронена Екатерина Кичигина — жена первого председателя здешнего колхоза. Молодой и работающей была красавица Екатерина. Первой выходила в поле и покидала его, лишь убрав последний колосок. Она оставила завещание: похоронить ее среди созревающих хлебов. Было это в трудные тридцатые годы. Сельчане выполнили завещание Екатерины.

Третьякова думает о смысле человеческой жизни, о любви к родной земле, о преемственности поколений. От отцов и дедов перешла к Ангелине Викторовне привязанность и верность к родному краю, к нелегкому крестьянскому труду. Великой силой наполнена любовь к отчим местам. И никогда не остынет эта любовь...

КРЕСТЬЯНСКИЕ ГНЕЗДА

1. ЖИЗНЬ КРАСНА ДЕТЬМИ

Николай Васильевич, накормив ребятшек ужином, собирался идти на ферму, на свое ночное дежурство. И опять было жалко оставлять их одних, и он ждал, пока они утомятся и улягутся. Вот уже которые сутки нет ни минуты покоя: на руках — мал мала меньше и жена в родильном доме. Но только он подумал о жене, как под вечерними окнами промелькнула проворная почтальонша. Значит, весть! И он кинулся навстречу.

— С дочерью тебя, Николай! — в распахнутом крыльце засияла она, довольная, что первая в деревне поздравляет многодетного отца.

— Ну спасибо, Зина, а я тут жду, перемогаю, — затоптался он облегченно и радостно. — Кто звонил-то?

— Звонила медсестра, голос веселый, мол, скажите Николаю Васильевичу Шиллову, что жена родила дочь и что все благополучно.

— Ну и добро, ну и ладно, — заулыбался он в просвете крыльца, видимо, далекой жене, дочери, медсестре — всему родному миру. Усталые глаза в излучинах морщинок теплели добротой и лаской, и тени бессонных ночей таяли на обросшем рыжей щетиной лице.

И вот он, чисто выбритый и сразу помолодевший, поехал в город Сокол за женой, за своей Марией Васильевной, и новорожденной дочерью. Было приятно, что в совхозе дали ему специально автобус. Его деревня Новое мелькнула слева шиферными крышами над зеленым забором ельника, а справа на холме открылась деревня Великий Двор. И всего-то осталось там несколько домов, а в деревне название сохранилось, и какое! Великий Двор — родовое место его жены, и он, молодой, вернувшийся из армии, походил, бывало, туда по ржаным да льняным тропкам и вербному берегу речки Корбанги. И сосватал, и увел через поле к себе в Новое веселую и востроглазую, с тугими темными косами Машу Кочурову.

Двадцать пять лет прошумело уже с тех пор над их крышей и над этими холмами, помнящими столько всяких перемен. Уже одиннадцатый раз он ехал в родильный дом, чтобы принять на руки, отяжелевшие от работ, еле слышный голосок щемяще новой, совсем беспомощной и единокровной жизни. Одиннадцать детей!.. Когда его спрашивали, тяжело ли с такой большой семьей, он, посмеиваясь, отвечал: «Своя ноша не тянет», и в этом присловье слышалась правда вековой крестьянской жизни, которой они, Шиловы, остались верны.

Конечно, им нелегко, что тут говорить, но в душе своей ни он, ни Мария Васильевна никогда не тяготились своей многодетностью. Они потому и недоумевали, когда их спрашивали «тяжело ли вам?», что уже знали одну великую истину: любовь и дружная жизнь родителей на глазах оборачивается радостью для детей и прочной судьбой в родных местах. Они хорошо видели, что время ничего не возмещает лишь тем людям, которые заботятся только о себе. Такие и дело ищут не обременительное, и детей заводят робко. Родится один ребенок — и довольно, а если два — то это уже чуть ли не подвиг. И хотя красуется в таких семьях показной зажиток, выпирает довольство, а тепла детям зачастую не хватает. Вещи вытесняют душевное тепло, а самолюбование родителей отодвигает детей в сторону. Случись какая неурядица — и все полетело кувырком, и близкие люди оказываются холодными друг к другу. Насмотрелись Шиловы на такие семьи и жили по другому уставу. Они с детства запомнили, как многодетно кипела здешняя Русь, какие рублила пятистенки — шесть

да восемь окон по переду, чтобы жить просторно, тепло и широкоствольно. Счастье свое прежние пахары искали в ржаной земле да в крепкой семье.

Николай Васильевич, раздумывая о жизни, смотрел, как за ветровыми автобусными стеклами мелькали по взгорьям близкие его сердцу деревни. Пирогово, Корино, Княжево, Глебово, Чекшино, Воздвиженье... нет им конца. В золотистом свечении осени они плыли нарядно и величаво, но Шилов знал, что посадки их тихи и сиротливы. Неужели молодым поколениям здесь, на таком чистом раздолье, не найти своей судьбы?.. Автобус проскочил отпрянувший по сторонам сосняк, и на открывшихся взгляду низких берегах Сухоны затемнели огромные трубы заводов и комбинатов Сокола. И Шилов заволновался.

В приемном покое родильного дома он заглянул в дежурное окошечко и назвал себя. Молодая медсестра с восторженным уважением посмотрела на него и, весело поздравив с рождением дочери, упорхнула в палаты. «Наверное, это она звонила на почту», — мелькнуло в голове, но сердце стучало уже о другом. Через несколько минут в сопровождении медсестры вышла жена с белым, кружевным, опоясанным розовой лентой и пока безмянным подарком. Она улыбалась бледными губами, счастливая, что видит мужа, неловкого от своей взволнованности и потому особенно дорогого в такую минуту. — Ну как ты, Маша? — спросил он, не сводя с нее глаз. Она лучистым взглядом успокоила его, и он бережно принял из ее рук новую жизнь.

В Воробьевском сельсовете сказали: Шиловы — хорошие люди. Он двадцать лет в партии, она — мать-героиня.

В совхозной конторе сказали: Шиловы — надежные работники. Он — плотник, мастер дорожного дела и труженик фермы. Она — доярка и телятница.

В средней школе сказали: Шиловы — заботливые родители, их дети толковы, трудолюбивы, послушны.

И я пошел в Новое. Такая большая семья казалась мне островком крепкого житейского уклада среди нынешнего неустойчивого малолюдства. Воскресное сентябрьское утро бодрило прохладой, с полей и огородов тянуло благодатным духом свежей соломы, выкопанной картошки, срубленной капусты и всего овощного изобилия, а из-под придорожных елок потягивало росистым

веяньем крепких рыжиков. Я задержался на деревянном мосту через мелкую, игривую Корбангу и вспомнил (говорили в сельсовете), что этот мост строили здешние дорожники, а значит, и Николай Шилов. Поднялся в гору, и вот оно, Новое — два недлинные посада, разделенные старой дорогой. Дом Шиловых осанистый, просторный, окнами на речную пойму, а поблизости от него — баня, а рядом с баней — колодезный журавель. Давно уже не вижу на своей родине голенастых, скрипучих и добрых поильцев, а у Шиловых стоит себе, как встарь, и деревянную шею вытянул в синее небо.

Мария Васильевна встретила с душевной деревенской простотой. И хотя ей некогда сидеть сложа руки (дела не ждут), она не выказала и тени поспешности. Лишь сказала старшим девочкам, что следует им делать, и те с дружным азартом заменили мать. Она пододвинулась к колыбельке, и в лице ее, пригожем и скромном, чуть оттененном черными бровями, проступил румянец.

— Вот наша Маринка, — сказала она — ишь, улыбается...

Я тоже посмотрел на девочку и, озаренный ее чистой улыбкой, подумал, что самое безошибочное чутье на доброту и недоброту в людях — у младенца. Это розовое существо, не умеющее пока ни ходить, ни говорить, ни притворяться, каким-то непостижимым образом и поразительно верно определяет, кто его любит, а кто не любит. Младенец потянется только к тому, кто его действительно любит. И как бы иной взрослый ни пытался изобразить свою любовь к нему — широкой ли улыбкой, сладким ли голосом, яркой ли игрушкой, но если в душе у него нет любви к ребенку, а есть только наигрыш, причем тщеславный, то маленький человек пугливо отвернется от него. В этом младенческом чутье — первое чудо жизни.

И мы с Марией Васильевной разговорились о детях.

— У нас их много, — широко развела она руками. — Бегают, как солнышки. Мы с Колей уж как, бывает, устали на ферме, а придем домой — тут они нам помощники. Смала к труду приучаем. Ведь и мы сами — смала в работе. Вот у моей матери семеро нас было, а росли без отца. И у Коли отец погиб на войне, с фронта всего одно письмецо и пришло. Значит, надо было впрягаться в гуж и помогать своим матерям. И всю жизнь мы в деревне. Отсюда никуда ногой не ступили...

В колыбельке забеспокоилась Маринка, мне стало неловко отвлекать Марию Васильевну разговорами, но она так ласково, так нежно наклонилась над девочкой, что-то пошущукала, подула на нее — и в колыбельке стало тихо. И мне подумалось, что ребенок растет и крепнет от близкого дыхания матери.

— Хвалиться своими ребятами не стану, — Мария Васильевна снова повернулась ко мне. — Все они у меня вот тут, — и прижала ладонь к сердцу. — Старшая дочь Таня, радуемся, уже замужем. Живет под Москвой, в Балашихе. Она после нашей десятилетки окончила кулинарное училище. Да и дома все умела делать. Сын Саша, пока неженатый, работает в Вологде монтажником. Он тоже прошел нашу школу. Воробьевская школа, спасибо ей, очень заботлива о ребятах — и не только о моих, а обо всех и о каждом. У нас-то с Колей грамота невелика: семилетка за плечами, книжек о воспитании не читаем, да и читать некогда. Держимся своей науки, и вроде выходит не худо. Да, говорят, и книжки-то о воспитании ныне все какие-то путаные.

Тут я невольно рассмеялся.

— А что, не так? — с лукавой настороженностью вкинула на меня свои лучистые глаза Мария Васильевна.

— Пожалуй, так, — ответил я. — Иначе ЦК партии не занимался бы сейчас переустройством школьного дела.

— Вот видите! — с сознанием своей правоты посерьезнела она. — Ведь ребят к делу надо готовить. Как тут родителям не тревожиться? Ну, договорю о своих. Третья у нас — Нина. Она выучилась на продавца, теперь живет дома, заведует магазином в Виторьево. Вася заканчивает СПТУ в Кадникове, будет механизатором. Лена и Люба — вон на кухне хлопчут — учатся в восьмом да седьмом. Оля и Аня помладше, тоже школьницы. А Сережа да Коля — совсем маленькие. Вон просыпаются, вставайте, вставайте, ребята! Вот и весь наш колхоз, — закончила Мария Васильевна, довольная своей семьей.

Заметив, что хочу ее спросить, сразу догадалась, о чем.

— Зарботки наши невелики, в месяц у обоих около трехсот. Коля и сегодня на ферме. Мы с выходными не считаемся. Ну, государство помогает, но больше дер-

жимся своим хозяйством — двор у нас полный, а помощники растут. Вы уж извините, мне завтрак надо готовить... — Откровенность Марии Васильевны тронула меня своим благородным простодушием. Мы распрощались, и она, статная и сильная, пошла по своим делам.

С многолетними родителями долго не расстается молодость. Вот Марии Васильевне — за сорок, а сколько в ней огня! И самое простое, будничное дело она исполняет с таким душевным желанием, что оно становится значительным для близких людей. И всякое дело непременно ведет к другому делу, ожидающему своей очереди, и она не дает себе потачки, чтобы расслабиться и повременить. Это тихое и непрерывное исполнение своего материнского долга чем-то похоже на рождение дня, когда в темной пустоте ночи сперва робко, едва заметно начинается промываться молочная белизна, затем она пунцовеет, растекается все шире, и — глядь — брызжут ослепительные струи, и в мир выкатывается золотым караваном солнце. И проснувшимся детям кажется, что это мать сотворила для них такое хорошее утро. А может, так и есть на самом деле?..

В другой раз в Новое я шел по густому декабрьскому заснежью. Берега Корбанги нависли метельными козырьками, придорожные елки стали ниже, заблудились в сугробах, но зеленели еще ярче, чем осенью. Лишь свернул я к дому Шиловых, как в окна замелькали любопытные ребячьи лица. «Бегают, как солнышки», — вспомнились слова Марии Васильевны. В избе светился телевизор, звенела утренняя детская передача, и ребягня облепила стулья. Родителей дома не было. Лена и Люба, рослые и серьезные девочки, чуть стесняясь, объяснили, что заболела Маринка и мама с ней — в больнице, что папа завтра поедет за ними, что сейчас он ушел помогать соседям Фирсовым, а они, старшие, стирают и прибираются в доме. Своей юной озабоченностью и отзывчивостью на родительское доверие, возложенное на них, девочки были трогательно красивы. И опять в памяти мелькнули слова Марии Васильевны: «Держимся своей науки».

В доме Фирсовых, куда я все-таки завернул, чтобы повидаться с Николаем Васильевичем, оказалось, готовились к празднику: с часу на час поджидали старшего сына из армии. Два года не виделись, и вот телеграмма: «Еду!». По избе летал шум жаркой торопливости. Видя

свою неуместность в такой момент, я попятился к двери, но куда там! Николай Иванович и Нина Александровна Фирсовы, показывая мне телеграмму сына, сияли так счастливо, что нельзя было хотя бы на полчаса не разделить с ними радость. О деревенское гостеприимство! И я шагнул за хозяевами. В передней комнате разбирали свои инструменты Николай Васильевич Шилов и Александр Николаевич Спиридонов. Они только что освеживали у Фирсовых молодого бычка, специально выращенного к празднику возвращения сына с армейской службы. Тут и закипел наш разговор.

— Уж коли затолковали о жизни, то послушайте меня, я здесь старше всех, — вмешался молчавший до этого Спиридонов. Его крупное, в резких морщинах лицо с бурным загаром было сурово. Видно, что словами он зря не сорит.

— Я в сорок втором под Воронежем сунулся в огонь и прошел всю войну. Не сторел-таки, а было жарко. На Эльбе с американскими солдатами обнимался. Вот теперь и думаю частенько: как же так получается, что ныне ихний Рейган осатанел от страха? Мы тут свою жизнь устраиваем, семьи заводим, вот парня со службы ждем, а нам опять фитиль подносят...

В комнате стало тихо. Хозяйка дома и подошедшая помочь ей жена Спиридонова Лидия Александровна стояли в сторонке от стола. В выражении их лиц, в манере держать себя было очень давнее, уважительное и, к сожалению, забытое многими нынешними женщинами почтение к своим мужьям. Они смотрели на говоривших мужчин с тревожной любовью и верой в их силу, защиту и надежность. И это нескрываемое женское признание старшинства за мужчинами было не лукаво, а истинно.

— У зачинщиков войны глаза и уши залепило золотом. Ничего не видят и не слышат паразиты, — сдвинув брови, шумно задвигался Шилов. — Надо не воевать, а работать, ребятишек надо растить!

— Верно, Николай, — поддержал Спиридонов. — Я как вернулся с войны, так обеими руками ухватился за жизнь: семью завел, дом построил, на трактор сел и тридцать с лишним годов землю пахал. Теперь на пенсии, а трактор сыну своему, Сереже, передал — пусть он пашет. — Спиридонов помолчал и добавил: — Жизнь — хорошая для человека доля. Она красна работой да

семьей. Мы с Лидией, — он тепло посмотрел на свою жену, — восьмерых вырастили, четверо работают дома...

Я слушал горячий распахнутый разговор земляков и думал: вот из таких крестьянских гнезд, как многодетные семьи Шиловых, Сизовых, Пупряковых (немного пока их: три семьи на тридцать окружных деревень) выйдут и окрепнут на моей родине работники земли, нового, уже третьего тысячелетия. Но таким семьям надо помогать. А в здешних магазинах, увы, нет валенок, спортивной обуви и одежды, детского белья, полотняных недорогих вещей. Даже хлеба свежей выпечки не всегда хватает. Неужели Сокольскому райторгу трудно выполнить заказы многодетных семей?

Взволнованный, уходил я из Нового, оглядываясь на широкие крыши домов.

2. ЗА СЕНОМ

Уважаю я этого человека за крестьянскую основательность в мыслях и делах. Вот опять, приехав в Петряево, иду к Александру Николаевичу. Годы нас уже припорошили снегом. Но тем теплее встречи и обдуманнее слова. Сахаров, как всегда, как всю жизнь, похаживает около своего бормочущего трактора и собирается сегодня за сеном. Ну, крепкое рукопожатие, сверкнувший из-под шапки умный взгляд, дружеская улыбка на широком лице.

— Поедем в гости к елкам! — смеется.

— Поедем! — отвечаю. И мы в кабине, и его ДТ-75 уже разворачивает за околицей навалившие за ночь сугробы.

— Ишь, топчется, — Сахаров подтрунивает над трактором, — под ногами-то у него мягко, а как почувствует дорогу, так и побежит...

Всегда приятно смотреть на ловкую работу. Минута-две — трактор и впрямь бежит азартно, молодо по снежному раздолью, вскидывает, как синюю гривку, дымок, нас покачивает. Хорошо. Родина!..

Я оглядываюсь назад и вижу, как от фермы за нами вдогон поспешает такой же трактор.

— Кто это? — спрашиваю.

— Да Вася Евграфов, мой напарник, — отвечает Александр Николаевич. — Всю зиму вместе... — Я хорошо знаю и этого, еще молодого тракториста. Тоже работа-

щий, но горячий, бывает крут на поворотах. Дружил я, можно сказать, по-братски с его отцом — Василием Евграфовым. Вот был мужик! Крепкий, костистый, одно плечо пониже другого — от ранения на войне. Он перед работой не топтался, а вламывался в нее. Если сено метать — так целыми копнами, дом строить — так бревна заворачивать в обхват, лошадей впрягать — так самых неукротимых. Редкой был смекалки и душевности человек! Он всю жизнь «правду искал», и, бывало, про-сигивали мы с ним за сложными разговорами допоздна. Жаль его, умер от инфаркта, не дожив до пятидесяти. И сыну передал горячность и справедливость своей натуры.

В кабине трактора много не поговоришь, Сахаров занят да и шум мешает. Потому сосед мой и молчалив: около тридцати годов за рычагами, словом не с кем перекинуться, привык не говорить, а думать. Сколько он земли перепластал, сколько дум пронес над этой землей! Она не позволяет ему зря суесловить. И обидно ему бывает, когда некоторые люди, умеющие красно болтать, не понимают того, как надо бы устраивать жизнь на этой трудной, но отзывчивой на заботу земле. Обидно бывает, но отсюда он — ни шагу, потому что знает: здесь его судьба. Случается, оттого и замкнется в себе, иной раз и вспылит, но опять, махнув рукой, сядет на трактор — и в поле. Сама земля утешает растревоженное сердце.

Вот и дальние наши покосы, как говорят у нас — «низы». Река Двиница белым желобом опоясывает темный лес, присмиривший под снежными охапками. Высоким, разлапистым елям такая ноша не в тягость. Они, всегда сумрачные, теперь радуются распахнувшейся вокруг белизне. И стога, как осевшие башни, в которых спрятано зеленое лето, — во всю речную излучку. Запаслись земляки сеном!

Сахаров гонит трактор вброд, опустив бульдозерный навес, и за ним тянутся пушистые, ослепительные полосы разметанного снега. Вслед пристраивается Вася Евграфов. Протаранили путь, остановились. Вываливаюсь из кабины — по пояс! День солнечный, но сердитый. А мне не холодно. А мне радостно дышать снежными просторами Родины. И пока трактористы бережно заталкивают на пены — на длинные стальные полотна — по два стога, осыпая с них белые шапки, я люблюсь

нашими низами, по летам кипящими травами, точно так, как сейчас снегом, — по пояс. Благословенные места!

У трактористов уже все готово к отъезду. Теперь можно и передохнуть. Собираемся вместе, закуриваем. — Ну как совхозная жизнь? — спрашиваю. — Огрехов много, — Александр Николаевич сразу серьезнеет. — Вот взять это сено, — и он вытаскивает из стога зеленый и душистый клочок. — Оно нынче дороже хлеба. Государство нам говорит: выращивайте скот, общественный и личный. Это правильно. Ну, мы и навалились на сено. Заготовили для совхоза полтора плана. Хорошо?

— Хорошо! — я отвечаю с жаром.

Сахаров внимательно посматривает на меня с одного бока, а с другого — высокий, краснолицый, чернявый, похожий на своего отца Вася Евграфов.

— Да, хорошо, — продолжает Сахаров. — Но из общего сена на каждый личный двор выдают не более двух тонн. Этого сена хватит лишь на корову. А откуда брать на теленка, на овец?

— Почему только две тонны? А если мужик на сенокосе заработал больше? — спрашиваю я. — Сколько ни заработай — получи только две тонны, а заработок, превышающий стоимость этих двух тонн, выдадут тебе деньгами. — Сахаров по-прежнему изучающе смотрит на меня. — А на деньги сена не купишь, — вставляет Евграфов. — Потому как всем надо сено.

— Значит, надо самим прикашивать...

Трактористы потешаются над моей простодушной догадливостью.

— Конечно, надо прикашивать, но — когда? Ведь мы, трактористы, допоздна на сенокосе. Пенсионерам, тем воля — иди себе, покашивай. А как быть нашему брату?

— Да, — задумываюсь я и ловлю себя на мысли, что мы, литераторы, похваляющиеся знанием народной жизни, много еще необъяснимых разностей не ведаем. Иной вопрос — по здравому смыслу — кажется прост и ясен, а начни его решать, он несдвигаем с места, как большой валун. Бульдозер взять бы да в одну минуту и своротить этот «валун» с дороги — всем ясно, что мешает, так нет, надо для этого чуть ли не кибернетическую машину, а где она? — Да, — повторяю я и чувствую, что сам глупею, — в самом деле, как быть?

— Вот и приходится грех на душу брать, — Александр Николаевич недовольно хмурится. — С общего покоса, в самый разгар, куда-нибудь да в частые кусты. Надо же на теленка да на овчишек сена добыть. А ведь на них, — он кивает на трактора, — пока мы в своих кустах вручную возимся, могли бы в сто раз больше навалить травы — и для совхоза, и для себя, и для соседки-вдовы. Не продумано у нас это дело. Потому и скот тяжело выращивать, совхоз не помогает. Ну, поедем! — Трактористы отряхивают снег с валенок, с ватных брюк. — Штаны надо беречь, — смеются они. — У нас в совхозе спецодежды не достать. Рукавиц, и тех не сыщешь...

Мы опять в кабине. Сахаров разогревает трактор, а я думаю о том, что они сказали. От сена «перекидываюсь» к спецодежде. Ведь я помню, был когда-то разговор в совхозной конторе о швейных мастерских на местах, чтоб не трястись по городам за всякой пошивочной надобностью. Сделано же так, скажем, в Прибалтике. Там в совхозах и колхозах много подсобных предприятий, вплоть до сезонных заводских филиалов. И работают на них женщины. Почему же у нас этого не сделать? Директор совхоза Николай Алексеевич Серов, помню, сам ратовал за такое дело.

Трактор медленно сдергивает тяжелый воз с места, снег вскипает высокой запрудой, мотор воев натужно.

— Ну, чего худо тянешь, ведь домой правим, — говорит Сахаров трактору, как живому существу, а потом поворачивается ко мне. — Зимой везде дорога, а вот с весны — беда...

Да я и сам это совхозное бедствие знаю лучше Сахарова: он-то пешком не ходит. Пять верст от Воробьева до Петряева — мука. А сколько в совхозе техники! За год бы справились сами — отряди бульдозер да пару самосвалов — вот тебе и дорога. А директор ждет-пождет, кто бы сделал со стороны. А между тем молоковозы стоят — молоко на тракторах возят, автобус ржавеет — люди маются пешком. Если и дальше так будет, здешние деревни обезлюдуют совсем. Диву даешься, как можно это терпеть вопреки здравому смыслу и во вред же самим себе! Ну сил бы своих не было — и разговор другой. Так есть же все у самих!

С такими думами уже не до зимних красот. Меня давно тревожит то обстоятельство, что в первую очередь

из-за бездорожья уходят молодые люди из деревень. Полагать, что они задержатся в центре совхоза, в Воробьеве, — опрометчиво. И жаль, очень жаль таких многовековых деревень, как Петряево. Ведь пятьдесят с лишним домов — и каких! Подведены под самое небо, из окон солнце не выходит! И это — «неперспективная деревня»? Жить бы да жить здесь добрым людям, обулаивать поля, сенокосы, огороды, пастбища, скот разводить, хлеб да овощ всякий выращивать. Но молодые ноги устают месить грязь, а старые — и совсем не могут. И дома начинают пустовать, а продать их — желающих купить много — нельзя: покупатели, видите ли, городские, эти дома могут превратить в дачи. Так пусть разваливаются, потом на дрова сгодятся.

— Слушай, — наклоняюсь к Александру Николаевичу, — сколько семей со стороны купило дома в Петряеве?

— Да семей пять, не разрешают. Неправильно это! — отзывается через моторный гул Сахаров. Я откидываюсь на спинку сиденья, смотрю, как из-за ельника показываются наши деревенские крыши, и при мысли, что их лет через двадцать не будет, мне становится холодно в нагретой кабине.

3. ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ, ДЕРЕВНИ!

Белое сияние снегов да молодое женское лицо — вот очарование зимней деревни. Щеки румяны от здоровья, брови серебристы от дыхания, глаза горят огнем, а платок — инеем. Всякий на нее посмотрит да и оглянется. Оглянется еще и потому, что Валентина Николаевна Сараева на особом виду в Петряеве. Она фельдшер. У нее целая округа из восьми деревень.

Есть такие места, куда можно добраться лишь на лыжах. И лыжи у нее легки, летучи — просвистят по белым холмам на далекий тревожный зов. А где поближе — там исхожены все тропки до единой. Исхожены торопливым, стремительным шагом — лишь бы успеть, лишь бы помочь человеку.

В народе говорят: «Своего горя другому не отдашь, свою беду на другого не переложить». Так-то оно так, но все же люди по слабости, по немочи свою беду в тяжелый час перекладывают на медиков. Среди разных случаев помнится Валентине Николаевне и такой. Поз-

дно вечером постучали в дом: опять с кем-то плохо. Побежала. Там в распаренной избе лежат замертво муж и жена. Не здешние, городские — купили дом, приехали обогреть. У мужчины пульс — на крайней черте, давление — восемьдесят, у женщины — бьется так, что отшибает палец, давление — далеко за двести. Страшный угарный газ! Валентина — настезь двери, больных — на пол. И началось: нашатырный спирт, уколы, таблетки, примочки... Билась до рассвета — у самой голова кругом. Все-таки отходила незадачливых приезжих.

В наших деревнях теперь — все старый народ. Крепок был этот корень, но и он уже шатается. Еще бы: какие годы, какие бури его качали и выворачивали! Дивно только, что светлого разума своего держится до конца. Нам бы, кто помоложе, поучиться такой жизнестойкости! Но мы слишком нервны, раздражительны, суетны — сами с собой управиться не можем, куда нам до стариков! Так вот, недавно послали за Валентиной гонца из одного дома. Там с бабушкой плохо. Ей уже на девятый десяток. Всех внуков на руках вынянчила, теперь и правнуки вокруг нее. Бабушка слезала с печи, пошатнулась на приступке и упала. В доме перепугались.

Валентина пришла — бабушка задышала (но как трудно в критические секунды искать старые вены, как они ускользают от напряженной иглы!). Валентина, вытерев росинки на своем лице, наконец-то присела на стул. А зять, славный мужик, зная бабушкин нрав, в эту минуту облегчения и говорит ей: «А что, бавшка, принести бы гармонию, так, поди-ко, спела бы еще?» Та отвечает зятю: «Да спела бы, ежели поела». Ну, зять к жене: «Давай корми бавшку, а я побегу к Санку — тот добро играет». А бабушка: «Нет, Санка не надо — молчун, лучше Миколая — тот и поиграет, и поговорит»... Ну, все в доме заулыбались, у всех отлегли страхи. Вот какие у нас «бавшки»!..

Валентина Николаевна знает и любит местных людей. Она здешняя, из Большой деревни. Ей двадцать восемь лет — самый расцвет душевных сил и скромной, тихой красоты, той красоты, которая от морозов разгорается, в дождях умывается, под солнышком золотится. Такая пригожесть долго держится и радует людей родным светом. А характер! В деревнях о ней говорят: «Не заносчивая, послушная, добрая, просужая — ой, таких, как наша Валя, мало по нынешним временам!..»

Она рано осталась без родителей. Воспитывалась у тетки Таисьи Михайловны Соловьевой, заботливой и разумной женщины. В доме был порядок, который приучает к делу, а не пустому времяпрепровождению. Была та чистота обихода, взаимного понимания и необходимой строгости, когда юная душа укрепляется совестью. Валя после Воробьевской школы — по совету Таисьи Михайловны — окончила Вологодское медицинское училище, очень хорошее училище, с доброй славой по всему Северо-Западу. Проработав в Замошье, за Кадниковым, попросилась на родину, и с тех пор она здесь — в Большедеревенском медпункте, в двадцати минутах ходьбы от петряевского дома.

А дом этот самый приветливый на посаде. Широкие окна, высокий мезонин. Николай Николаевич Сараев, ее муж, работает техником-электриком. Он из тех крепкий и серьезных молодых людей, которые действительно налаживают жизнь в наших пошатнувшихся деревнях, а заодно — и свою судьбу. После армии он не транжирил, как иные, зря время, а поступил на заочное отделение Грязовецкого техникума механизации и электрификации сельского хозяйства. И вот недавно на «отлично» защитил диплом.

Могучего роста, как и остальные его четыре брата, — жена ему до плеча — на вид сурово-замкнутый, молчаливый, а на деле — добрейшей души человек, он явил в себе все черты своего деда Александра Васильевича, погибшего на войне. Тот был мастером первой руки по столярному делу, внук — мастер по электричеству. Дед лишь в большой праздник поднимал рюмку вина, и внук — так же. Трезвая жизнь — счастливая жизнь.

Наискосок от дома молодых в Петряеве — обшитый тесом, просторный, с вырубленной зимовкой дом старших — бабушки Анны Алексеевны, Павлы и Николая — матери и отца. Не могу удержаться, чтобы попутно не сказать об этой большой семье. Вот где нынешний рабочий корень! Старший сын Александр — монтажник на КамАЗе, живет в Брежневке; Николай — тот рядом, дома; Василий работал слесарем-инструментальщиком в Вологде на «шарике», то есть на ГПЗ, а теперь тоже дома. Недавно прошумела-просверкала здесь широкая свадьба — он взял в жены учительницу Валентину Кокичеву (и у этого Сараева — Валентина!) из Нестерова, из такой же большой крестьянской семьи, и молодоже-

ны уже работают и живут у нас, в Воробьеве. Четвертый брат Валерий — пока в армии, пишет, что к осени вернется и никуда с родины не поедет: приветливей сердцу, чем наши, мест нет. Пятый брат Юра только что окончил десятилетку, работает в совхозе на стройке в Притыкине — так называют мои односельчане строящийся центр совхоза, вынесенный к новому шоссе и действительно как бы приткнутый к прежним воробьевским домам. Русские люди меткие дают определения! И единственная в семье (шестая среди братьев) дочь Лидия, или, как ласково называют дома, «наша Лидийка», — известная в совхозе телятница, народный депутат в Сокольском районном Совете. Замечательная семья! Именно в таких больших и дружных семейных гнездах я вижу пути нашей новой сельской жизни.

И Валентина Николаевна по своему характеру, по нраву, доброму и отзывчивому, как своя, родная, пришла к этому дому Сараевых. И теперь все они живут заодно. Вот эта способность — жить заодно, дружно, соборно — и утепляет семьи. В середине, во главе их многосемейного содружества — Анна Алексеевна, бабушка, прожившая долгую жизнь и сохранившая поразительную память, свежесть ума и бойкость слова. Я иногда захожу просто послушать ее и всякий раз удивляюсь, как много она знает и умеет рассказывать! Теперь она «воюет» с Анечкой, трехлетней дочкой Валентины и Николая — сероглазой, кудрявой и тоже речистой бойкушей. И молодые родители со спокойной душой уходят на работу.

Валентина — в свой медпункт, а Николай — дальше, в Воробьево. Там группа электриков во главе с Михаилом Тихоненковым, тоже петряевским, широкой природы человеком. Под их руками — вся энергия здешних мест, все линии, которые укрепляются заново, а это дело не простое. Бывает, где-то пошатнется старая опора, оборвется провод — немедленно туда. А протяженность линий — десятки километров. Вот потому Валентина и говорит: «Живем с Колей всегда начеку: среди ночи и дня — то меня, то его на вызов. Все бросаем — идем!». И в молодом ее голосе — не тягость такой необходимости, а довольство своей жизнью, столь нужной многим людям.

Я сидел у них в доме вечером. Чисто, уютно, по-молодежному светло. Рассказывают они о себе мало —

смущаются. Да и без слов видно, какие они настоящие, надежные люди. На таких надо смотреть в деле. И однажды я увидел Валентину за работой. Она спешно вошла в избу, где в тяжелом состоянии лежала старая хозяйка.

— Ой, Валя, умираю!

— Да что вы, нет, нет! Вы ослабли, а слабость вашу сейчас поправим!—ни голосом, ни взглядом, ни одним движением не выказала, что положение действительно опасное, лишь резко сдвинулись ее брови да обычный румянец схлынул со щек.—Сейчас поправим, поправим, поправим,—повторяла она,—потерпите немного...

О, кожаный чемоданчик сельского фельдшера, чего только в нем нет! Именно в нем да в этих смелых, сильных женских руках—все здоровье наших деревень. И Валентина доставала из своего чемоданчика то одно, то другое, точно зная, что надо в эту сокрушающую минуту для больного человека. И грозная тревога постепенно отступала от кровати, а потом и за порог отошла... Нет на свете работы более необходимой, чем эта!

АВТОРИТЕТЫ

Как мало подчас человеку надо, чтобы его настроение изменилось. Был весел— и неожиданно сник. Был мрачен— и вдруг на лицо набежала улыбка.

Из райцентра Сямжа в деревню Житьево приехали работать на ферме четыре школьницы-выпускницы. Не успели девчата взяться за первую дойку, как перед ними возникла крупная, при широких плечах, седая старуха.

— Куда и приткнулись!— заговорила с желанием озадачить.— В экое место! На экое дело! Ночами не спать! Пальцы вихать! Да и замуж вам здесь не выходить. Где женихи?

Могли бы старухе девочки и поверить. Уж слишком она убедительно говорила, и в жестоких ее словах трепыхала та самая правда, с которой все подвергают сомнению. Не поверили девочки старой. И, может быть, потому, что беседовал с ними в этот же день председатель колхоза Л. А. Коровкин. Леонид Александрович и сказал-то лишь несколько слов, взмахнув при этом рукой на взятые солнышком крыши деревни, овсяное поле, дорогу с бегущим грузовиком и стадо коров за творилом загона:

— Это все ваше! Вы здесь хозяйки! Живите, как дома.

Осмеять благородный порыв, посеять в душе неуверенность и смятение, взять мечту из-под самого сердца... Да разве так можно? Однако в делах пропаганды расчетливо маленьких интересов годится и это. И претворяют подобное в жизнь не только случайные люди, но и родители тех детей, которые вызрели для работы. Как часто можно услышать строгий родительский голос: «В колхоз на работу? Ты что! Или уж мы тебя не прокормим! Дома сиди! Готовься к экзаменам! Поступай!»

Порою родители слышат отпорное слово: «А надое-ло! Пойду хоть чего-нибудь буду делать. Все лучше, чем так...»

Поддержать бы этот порыв. Не обидеть, не огрубить. Но чаще можно услышать: «В колхоз-то уйдешь, да простишься сразу с учебой. Увязнешь в работе, ровно в болоте — и рад бы вылезти, да никак».

Как бы ни был наивен и примитивен сей довод, однако он сказан семейным авторитетом. Оттого в деревнях нет-нет да и встретишь томящихся в вялом бездействии девчат, у кого в руках книги, учебники и конспекты, а в глазах — затяжная тоска.

Я знал в Великом Дворе дочку сельских учителей Нину Попову, которая дважды пыталась попасть в институт. Да не вышло. Родители были готовы: пусть дочка еще годок посидит, поготовится дома. Да девушке стало невмоготу. Поговорить бы с отцом и матерью, где ей устроиться на работу? Может, в контору колхоза, в клуб, на почту, а то на ферму? Но только она заикнулась об этом, как поняла, что родители — против. Родителям надо, чтоб дочка была при высоком уровне знаний, имела хорошую должность, «культурных» товарищей и друзей. Растерялась Нина. Пошла на обман: дескать, уезжаю в Вологду, буду работать чертежницей в институте. С такой перспективой родители были согласны. Приехала девушка в город, пристала к подвальному магазину, торгует картошкой и огурцами. Довольна ли жизнью?

Самое грустное, если ты потерял любопытство к тому, что тебя окружает. И в завтрашний день уже больше не веришь, не ждешь от него никаких перемен. А ведь это болезнь. Болезнь покалеченной воли, которой страдают все пессимисты. Конечно, этой хворобе могли бы они не поддаться, если бы жизнь в нужный час подарила им встречу с добрым руководителем их поступ-

ков. Таковых людей не должность определяет, не культура мышления, не симпатичность голоса или лица, а житейская доброта.

В верховажском колхозе «Олюшино» я познакомился с Августой Ивановной Кобылиной. Мать шестерых детей, бабушка тридцати четырех внуков и правнуков, теперь она выглядит чуть одряхлевшей, однако бодрой, с запасом еще не растраченных сил, которые ей помогают ходить в огород, управлять домашним хозяйством и, прислонившись к дворовой калитке, подолгу смотреть на песчаную, в соснах, дорогу, что жметя к порожистой Пезме, затем теряется меж высоких, в пять окон по переду пятистенков. Дорога ведет во все стороны света, по ней отправлялись и муж ее Федор, и сыновья Алексей, Александр, Валентин, Дмитрий, и дочь Валентина..

Шесть котомок с едой и бельем собирала Кобылина им в дорогу. Для мужа и дочери — на войну, для сыновей — на армейскую службу. Сыновей, кроме старшего Алексея, который в Вологде и поныне, возвратила дорога назад. Дочь Валентину, прошедшую всю войну медсестрой, привела дорога в город Ульяновск. И лишь хозяина эта дорога оставила там, посреди России, в залитой дождями осенней земле — возвращаясь с разведки, подорвался на mine. Так сообщили в похоронке.

Старой Августе и теперь, когда стоит она у калитки, глядя на сосны на косогоре, мерещится в ливне хвои тот губительный взрыв, и нет-нет, да мелькнет лицо дорогого ей человека.

С Федором жизнь связала ее еще в двадцатые годы.

В военную пору одна осталась с детьми. Тяжелая, будто камень, забота лежала на сердце: не сдать здоровьем, работать за мужа и за себя и обязательно выдерживать все. Саша, Галя, Митя и Валя — эти четверо вились около матери всю войну. Младшему Вале было два года, старшему Саше — одиннадцать лет. Чем прокормить такую ораву? Выручали толченый клевер, картошка и молоко. Дети рано узнали, как надо бегать на Пезму с удочками по рыбу, а в лес — по ягоды и грибы. И работу в колхозе узнали рано. Самых малых мать оставляла дома в плетеной корзине. Надаёт им картошек и калабашек, а сама убежит со старшими в поле. А то и всех прихватит с собой, приучая владеть и серпом, и граблями, и вилами, и косой.

Сыновья ее сейчас на высокой колхозной славе. Дмитрий вместе с женой выращивает бычков. По 900 и более граммов выходит у них привес теленка за сутки. Подсчитали как-то: в один только день супруги дают хозяйству почти по 200 рублей дохода.

Александр Кобылин не только в колхозе «Олюшино», но и во всем Верховажском районе самый что ни на есть известный колхозник. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» он получил, когда еще был мальчишкой. И матери эту награду вручали, и многим другим. Но самым юным в тот памятный день среди награжденных был Александр — лохматый, крепенький, с зоркой поглядкой графитовых глаз паренек, у которого от волнения сердце взлетало под самое горло, а руки, такие ненужные без работы, потели, не зная, куда себя деть.

На лобогрейке с тремя лошадьми, на пашне с плугом, на сеновале, куда набивалось впритык с потолком июльское теплое сено, на выгоне, на овине — всюду, где не обойтись без мужских рук, и прошло его деревенское детство. И то, что потом Александр стал работать на механизмах, было настолько естественно, будто для того он в Олюшине и родился.

Есть, наверное, в каждом хозяйстве особо надежные, с повышенной совестью трактористы, которых можно уговорить работать там, где невыгодно, трудно и непривычно, где идет дело плохо, и его надо скорее поправить. Александр Кобылин как раз из тех, кто поддается на уговоры. Любимое дело его — сеять хлеб. И он его сеял. И убирал. Но завезли однажды в Олюшино льнотеребилку, а следом за ней и льняной комбайн. Хлебороба склонили освоить новую технику, а затем убирать на ней лен. Александр не стал упираться. Знал, что с этой сложной работой лучше него не справиться никому. И что же? На пару с опытным трактористом в первый же год он вытербил в хозяйстве 130 гектаров льна. А потом поехал к соседям.

За каких-нибудь два сезона стал Александр как ведущий льнотеребильщик известен на всю Вологодскую область. К нему стали ездить льноводы соседних хозяйств и районов. И самого его начали вызывать то на слет, то на конкурс, то на солидное совещание. Были почетные грамоты и подарки. Был мотоцикл «Ковровец». А позднее и малая золотая медаль ВДНХ.

Сейчас Александр на тракторе МТЗ-50 обслуживает животноводческий комплекс, где содержится более 600 коров, откормочников и телят. Но делает и многое другое, к любой работе проявляет интерес и старается справиться с нею не только не хуже других, но и лучше. Так уж в Олюшине завелось, что в сенокосную пору каждой семье полагается освоить выделенный покос. Почти все луговые угодья разбросаны по полянам и поймам, на месте бывших лесных делянок, скатищ и складов. Много деревьев, кустов и пней. И траву можно взять лишь косой. А вот Александр попытался освоить пожню механизированным путем. Для начала помахал как следует топором, а затем, найдя в утиле заброшенную косилку, поставил ее на ход. И вот уже три сезона использует на своем участке эту косилку.

По характеру Александр человек безотказный, что ни попросишь — сделает непременно. Чаше других исходят просьбы от младшего брата его Валентина, который в Олюшино бригадиром. То картошку к комплексу подвезти. То поддержнуть сруб сеновала. То скататься за кирпичом. Возникают многие дела внезапно, внепланово. И тут Валентин идет к Александру.

Валентин — мужик дальновидный, без нужды никого беспокоить не будет, а и в то же время так дело в бригаде ставит, что каждый колхозник, рано ли, поздно, но разглядит в этом деле свой интерес.

В бригаде 20 колхозников. И этой горстке людей надобно заготовить две с половиной тысячи центнеров сена. Добыть это сено можно только косой. И добывают... Весь секрет в том, что участвует в сенодобыче в два, три, а то и в четыре раза больше людей. Выходят на пожню обыкновенно семьями. Тут и старые, и дети. Каждому дело по силе найдется. И обязательно вместе со всеми косят, сгребают и носят сено, заполняя им сеновалы, приезжающие в деревню отпускники.

На каждую семью дается план. У Валентина, к примеру, 75 центнеров сена. Обычно план этот вдвое он перекрывает. Сам проходит с косой меж поросших травой старых пней. И жена Тамара рядышком. И дочка Светлана находит время меж дойками, чтоб прибежать на семейную пожню. Тут же и сын Сережа, закончивший только что среднюю школу. И восьмиклассник Федя. И малый Алеша. Одна лишь старая Августа дома — готовит работникам обед.

Доровины, Короватики и Шипичник — так Валентин называет свои участки, куда отправляется на покос. На каждом участке по нескольку сеновалов. Сеновалы, на сваях или ряжах, с полами и крышами, рублены бревнами так, чтобы гулял между стен сквознячок, не давая сену ни за́тхнуть, не плéсневеть, ни нагреваться. И вообще сеновалы в Олюшине заведены теперь повсеместно. В стогах слишком много портится сена, да и теряется много его при перегрузке в сани.

— Не всякое сено пехай! — поучает отец Серезу и Федю. — Одноросок нельзя, — так называет кошенину, которая сохла всего один день, и тут же покладисто объясняет: — Одноросок горек, скотина его не любит. Самое спелое сено — через вторую росу...

Как и у всякого бригадира, рабочий день Валентина разорван на множество дел. С утра непременно раздай наряды: кому на какую работу идти. Днем проверь то кладку печи в новом доме, то подвозку кормов, то еще что-то срочное. А в сеногреб, раз в неделю, как правило, он мотается по покосам: в дождь — верхом на коне, в сухую погоду — на мотоцикле. Надо узнать, у кого сколько скошено сена, чтоб в отчетный день, в понедельник, доложить об этом в контору.

Иногда в череде суетливо горячих будней выпадает вдруг такой, что душа бригадира как бы осветится вся, а каленое солнцем сухое лицо выразит радостное смущение. Именно так с Валентином и было в один из июньских, заполненных светом зари вечеров, когда на колхозном собрании секретарь райкома партии В. А. Коробицын вручил ему медаль «За преобразование Нечерноземья РСФСР». «Что я, лучше других? — сконфузился бригадир, показывая на зал. А там сидели и брат его Александр, и Александр Паневский, и Николай Лысков, первостатейные механизаторы, благодаря которым вот уже пять лет подряд на одном и том же высоком уровне держится урожай овса, ячменя и ржи.

Как хороший знаток земли, Валентин понимает, что урожаем можно поднять значительно выше. Животноводческий комплекс с его накапливающимся навозом, которого даже больше, чем могут принять поля, и трактористы, чье совестливое отношение к делу вызывает к ним невольное уважение, — вот два кита, на которых стоит сегодняшний урожай.

К вечеру вся семья собирается вместе: мать, жена,

сыновья и дочка. Хозяин доволен. На душе у него уверенно и спокойно. Глядит на детей и видит в них повторение собственной жизни.

Дочке Светлане — вот-вот девятнадцать. Красивая, с большими внимательными глазами. Она комсорг молодежной фермы. Среди мастеров машинного доения района считается лучшей. Вместе с подружкой Галей Пинаевский, с кем дружит с первого класса, с кем кончала среднюю школу, с кем заступила работать на комплекс, в прошлом году по колхозной путевке ездила в Киев и Ленинград. Таково у нее трудовое начало.

Разговора о том, кому из детей где работать и жить, Валентин никогда не заводит. Зачем? Пусть они сами делают выбор. Светлана выбрала. Теперь очередь за Сережей. А через несколько лет и за Фейей. И за Алексеем.

Первого августа собирается вместе родня. Старая Кобылина — ровесница нашему веку — в этот день отмечает свой день рождения. Вновь и вновь глядит она на два увеличенных фотопортрета, что висят на стене, аккуратно обвитые полотенцем, и видит собственное лицо и лицо своего не успевшего, как она, состариться мужа. И теплеет на сердце от мысли, что род его и ее продолжается. Сорок душ его продолжают. С фотографий взгляд матери переходит на детей, и она примечает в них, как в глубоком оконце, своего незабытого Федора, от кого и пошли Галина и Валентина, Алексей, Александр, Дмитрий и Валентин, совестливые женщины и мужчины, те, кто светел характером и душой и готов сказать своей матери: «Будь всегда, родимая, с нами».

Где доброта, там и ясность ума, и любовь к делу.

Несколько лет назад в Житьёвской школе преподавал географию Саша Швецов. Преподавал с вдохновением, вымыслом, ярой учительской страстью. На уроки его стали ходить завуч, директор, учителя. «Учитель-поэт!» — обмолвилась как-то о нем педагог Надежда Изосимовна Алексеева. Обмолвилась, может, случайно. Но не случайно, что несколько лет спустя стал Швецов хорошим поэтом, подарив земле, на которой работал и жил, три книги поэм и стихов. Сейчас Швецов не в Житьёве, однако в душах сельчан для него сохранилось лучшее место. Помнят Сашу и любят.

Говорят, что история — нечто застывшее, неживое.

Однако такое можно сказать и про нынешний день, если жить в нем без действия и без страсти. Вялые люди ждут обстоятельств благоприятных, энергичные — сами их создают.

Лет пять назад в Тарногском районе главной фигурой на ферме была пожилая доярка. Как изменить такое положение, как привлечь молодежь сюда? Руководители хозяйств, комсомольские активисты, преподаватели школ решили действовать сообща. В школах ввели обязательное обучение сельским профессиям. Для вчерашних школьников начали строить брусчатые дома. Для отличившихся в первом году на колхозной работе введены поощрения — от денежной премии до заграничной поездки.

Итоги пока подводить еще рано. И все же сегодняшний результат говорит о прогрессе, который наметился повсеместно. В частности, в 1981 году по комсомольским путевкам пошли работать в колхозы района 26 школьных выпускников, в 1982 — 70.

Что заставляет девчат идти в доярки? Прежде всего перспектива, возможность увидеть себя в будущей жизни, к которой хотя и неясно, но радостно рвется душа. Самая разная перспектива. У одних она связана с мыслью проверить себя в работе по специальности, какую дала им средняя школа, у вторых — с заочной учебой, у третьих — с желанием повторить в лучшем виде чью-нибудь деревенскую жизнь.

Понятно, не все оставшиеся в хозяйствах девчата станут тут жить постоянно. Кто-то выйдет замуж, кого-то позовет в дорогу тяга к дальним странствиям, к большим городам, к незнакомым краям. Самое лучшее — не мешать, не препятствовать этой дороге. У кого крепкие корни на родине, тот вернется назад.

Секретарь Тарногского райкома комсомола Иван Ишов тонко чувствует те нити, что связывают вчерашнего школьника с землей. И всячески старается крепить их. В районе несколько тысяч парней и девчат, и редко кого из них секретарь не помнит в лицо. Да и как не помнить, если не сидится ему в райцентре, если он постоянно в разъездах, постоянно среди молодежи, если со многими парнями и девчатами были у него душевные разговоры. О своем крае, о жизни, о долге перед землей.

Много было таких разговоров. И с Вячеславовой Олей,

лучшей дояркой района, собиравшейся два года назад поступать в геологический институт. И с бухгалтером Шубиной Таней, которая ныне доит колхозных коров. И с ученицей Тарногской школы Шабановой Любой, завоевавшей на областном школьном конкурсе мастеров машинного доения первое место. Чем живет человек, что волнует его, раздражает или печалит, что заложено в юной душе?

Главное, считает секретарь, чтобы чувствовал себя каждый молодой человек в деревне не квартирантом, а полноправным хозяином. И чтобы у каждого была хорошая мечта. А в том, что все желания исполнимы, Ишов не раз убеждался, бывая в колхозах «Ленинский путь», «Память Ильича», «Красные Шевдеишцы», «Озерки», «Долговицы».

В «Долговицах», впрочем, мы были вместе. В этом хозяйстве работают и живут с заглядом в завтрашний день. Возглавляет колхоз Ирина Павловна Вячеславова, спокойная средних лет женщина, отлично знающая людей, благо всю жизнь проработала с ними.

— Продовольственная программа, — говорит она, — выполняется как раз такими руками, какие у наших механизаторов и доярок.

На слове «доярок» она делает ударение, как бы особо ими гордясь. И это понятно. Ирина Павловна раньше была агрономом. Председателем же первый год. И потому ей особенно приятно, что именно в этот год на Афанасьевской ферме образовался крепкий молодежный коллектив. На новом дворе, который был открыт в начале пастбищного сезона, восемь девушек-комсомолок. Мухина Нина пришла сюда, кончив в Тарноге школу со специальностью тракториста. А вот сестры Оля и Люся Силинские, хоть тоже кончали в Тарноге школу, первый причал сделали не в родной деревне Пронеской, откуда, кстати, родом и Нина, а на большой ткацкой фабрике под Москвой. Начало было таким, какое у многих девчат, наверное, вызвало бы зависть — Москва, специальность, комната в общежитии. Живи и работай, пиши домой письма, радуй родителей... Были, конечно, и радость, и теплые письма. А потом был отпуск с поездкой в колхоз «Долговицы». Отпуск все и решил, потому что встречи и разговоры вылились как-то совсем неожиданно в самый обычный житейский вопрос: «Где лучше-то? Дома или в Москве?» «Дома», — ответили сестры.

Оля и Люся вместе с сестрой Густей, как только колхоз для них выстроил дом, переселились в него и живут теперь вместе. Нина Мухина к ним тоже скоро переберется. А пока она ездит домой на мотоцикле.

— Молодым, понятное дело, — говорит секретарь партийной организации колхоза Нина Илларионовна Исакова, — хочется поглядеть, как и чем живут люди в другом месте. А спросить: где на сердце-то все же бывает свободней и проще? Каждый ответит: дома. Потому и стараемся делать для них хорошего-то побольше...

Именно потому в «Долговицах» и строят квартиры для молодых. Для них и работу ищут такую, чтобы она могла захватить и увлечь.

...И вот поздний вечер. Закончена дойка коров. В красном уголке Афанасьевской фермы — все доярки. Иван Ишов рассказывает о том, кто из доярок района ездил с обменом опыта по колхозам, кто — за пределы области, кто — за границу. Внимательно слушают девчата. Я гляжу на них, как на своих давних знакомых. Стрелки бровок, румянец, еще не обмятые трудной работой тонкие руки... Сколько еще у них впереди! Но главное они выбрали — нашли здесь, на родной земле, и свою работу, и свой дом. И выбор этот подготовлен был всей их прошедшей жизнью, которую направляли добрые дела земляков, живущих на этой земле.

Уезжали из «Долговиц» мы уже ночью. А перед этим зашли в общежитие к юным дояркам. Были жареные грибы. Был чай с земляничным вареньем. Был разговор понемногу о многом: о женихах, будущих свадьбах, лучших книгах, верных товарищах, о судьбе. Почему-то запомнились нам три звезды над заснувшей деревней, сосны над потемью сжатых полей, чистый проблеск месяца из-за тучи. Во всем ощущалось величие ночи, несшей в себе завершенность вечернего дня и вечерних трудов.

Отчего человек становится лучше? Да оттого что ему повезло на встречи с такими людьми, как братья Кобылины, как Саша Швецов, как Иван Ишов. Каждый из них велик своим делом, которое прославляет высокий праздник души, взаимопомощь среди людей, патриотизм, доброту и благородство.

Сколько у нас таких благородно-возвышенных душ затерялось в глуши селений! Все они, как большие поэты, не отделяют себя от народа. Жертвуют бóльшим,

владеют меньшим. Они умеют влиять на других. Облегчают участь обиженных и уставших, потому что совесть у них чиста, а чувство любви к справедливости неподкупно.

Почему-то на встречи с такими людьми мне везет постоянно. Вот одна из них. По холодной весне. Был поздний мартовский вечер, крыши села Миньково тускло светились подтаявшим снегом, темнели окна напротив луны, а провода, намерзая капелью, полого и холодно никли к земле. Мелькнула, пропав за углом магазина машина, которой я был подброшен сюда, оказавшись один на один с тишиной.

Надо было искать дом приезжих, но почему-то заботиться я об этом не стал. Случайный человек, который сворачивал к калитке, увидев меня, неожиданно громко спросил:

— Вам негде, кажется, ночевать?

Я невольно остановился.

— Я фельдшер, — представился незнакомец, — Владимир Токуев.

Так началось мое знакомство с человеком, каждая встреча с которым потом приносила радость и особое чувство духовного родства. Позднее я понял, что это чувство рождалось не только во мне, а пожалуй, у каждого, с кем Владимир общался.

Как-то в пору крещенских морозов я ехал автобусом по маршруту Великий Устюг — Кич-Городок. Передо мной на сиденьях — мужчина в беличьей шапке и рослый лет 25 парень в фуфайке.

Мужчина досадливо говорил:

— В мальчишках-то я мечтал увидеть себя интересным, веселым. Чтобы играть на баяне. Петть песни со сцены. Девушки чтобы влюблялись. Как думаешь, много я запросил?

— Немало, — откликнулся парень.

— Так вот. Теперь я директор сельского Дома культуры. Пою хорошо. Играю на инструментах. Жена у меня — каких поискать! Люди считают, что я в счастливой рубашке родился. А мне, представь себе, скучно. Не знаю, поверь, к чему теперь и стремиться? Каким увидеть себя через несколько лет? Кто бы мне подсказал? Уверен: никто не подскажет. И все потому, что не вижу авторитета.

— А я, — подхватил разговор холостяк, — я вижу.

Прежде-то запивал. Прямой бы дорогой идти, а меня все на кочки толкало. Ровно бес какой мною руководил. Вспоминаю Миньково. Знаю там одного. В позапрошлом году залетел в больницу. Из-за пьяного дела там оказался: свалился с машиной в канаву. Все уж, думал, конец. Ни за что не поправлюсь. И вдруг — Апполонович, фельдшер ли, врач там, эдакой полненький добрячок. До сих пор не пойму: как ему удалось разглядеть в алкоголике человека? Дело не только в лечении. Он и книги носил в палату. Руки сломаны были, дак он и письма матери даже писал. И разговаривал так, будто я доводился ему братаном. Словом, вытащил он меня. Поставил на путь. Вот вы говорите: вам скучно в деревне. Мне тоже эдак же было. Дак я эту скуку вином заливал. Теперь — ни-ни. Ну нисколько не тянет. Разве лишь по субботам да в праздник. Совсем перестал понимать: откудава скуке-то братья! И все это он! Все Токуев...

Токуев? Я изумился: вон как знают его широко! И подумал о том, что с этим живым, полноватым, улыбочивым человеком приятно встречаться еще потому, что он открывает себя всякий раз с неожиданной стороны.

Было же так, что он стал режиссером театра, который создал вместе с директором Дома культуры, подключив к актерскому делу самых способных односельчан? Было!

Было и так, что к Токуеву, словно братья, приезжали из разных районных редакций молодые поэты и журналисты, и вспыхивал маленький праздник, где хороводились мысли, читались стихи и текли те заветные разговоры, от которых так хорошо бывает на душе.

Было и так, что Владимир, взволнованный и охрипший, стучался в каждую дверь, поднимая среди ночи сельчан на борьбу с пожаром в деревне Горке.

Я всегда поражался разнообразию интересов, с какими Токуев вторгался в жизнь родного села. Кто оформляет стенную газету? Токуев. Кто создает в сельсовете донорский пункт? Снова Токуев. Кто для колхозной агитбригады пишет частушки на злобу дня? Все тот же Токуев.

Сейчас Владимир — заместитель санитарного врача Бабушкинской районной больницы. Он постоянно в поездках по деревням. Здесь его многие знают. Неутолимая жажда знакомства столкнула однажды Влади-

мира с жителем Глебкова Павлом Платоновичем Пятовским. Три работы справлял крестьянин: был слесарем, механиком и дояром на ферме. Токуев переменялся в лице, когда увидел, что руки колхозника были без пальцев. В этот вечер Володя узнал о том, что Павел Платонович, будучи ранен, попал в плен к фашистам, медленно умирал, и военнопленный хирург Кубасов, рискуя жизнью своей, ампутировал ему раздробленные пальцы.

Уходя в тот вечер от дояра, Владимир дал себе слово: «Помогу ему. Непременно». И помог. Добился через районное производственное управление сельского хозяйства, чтобы дали колхознику бесплатную путевку на черноморский курорт. Потом с помощью областной комсомольской газеты, где напечатал очерк о Пятовском, разыскал хирурга Кубасова, который жил и работал в Москве, списался с ним, и когда тот приехал, свел его в деревню Глебково, где и встретились две родные души.

Всех знакомых ему людей Токуеву хочется видеть добрыми и справедливыми. Я как-то спросил у Владимира:

— Что же тебя заставляет так расходовать силы? Ты ведь дома почти не бываешь. Семья все-таки у тебя...

И Токуев ответил:

— Люблю, когда человек мечтает. Мечтает — значит, живет. Кончил мечтать — случилась беда. Как не помочь такому вот бедолаге. Да если глаза его смотрят в душу к тебе, и ты в них читаешь: «Как, Апполонович, жить?» Тут и тем более станешь болеть с ним в единое сердце. Ну, а семья... Что ж, правильно это. Дома редко бываю. Да ничего. Зина, жена у меня, она молодец, все понимает.

Вот в чем сила души незаметно живущего в гуще народа деликатного сельского интеллигента!

...Автобус бежал и бежал. До конца маршрута было еще далеко. Но вот впереди сквозь вечерние сумерки проступили избы деревни Починок. Я встал. Посмотрел на румяного, в ватной фуфайке холостяка.

— Спасибо за доброе слово в адрес Токуева. Через недельку-другую, наверно, с ним встречу. Что ему передать?

— В гости ко мне! В деревню Великий Двор! К Зайцеву Сашке! Да он меня знает! Пусть приезжает в любое время! Встречу, как друга.

Захлопнулась дверца автобуса. Фыркнул мотор. Промелькнула табличка с номерным знаком, вся затуманенно-золотая от света лампочки под стеклом. Опять я один на один с тишиной. Сутулые пятистенки. Дорога. Высокие редкие облака. Между ними луна.

Здесь я впервые. И почему-то опять не спешу искать пристанище для ночлега. Словно жду, как тогда в глубоко заснувшем в ночи Минькове, чтобы меня кто-то окликнул:

— Вам негде, кажется, ночевать?

Спят в подлунном покое поля, огороды и пятистенки. Отдыхают жители деревень. Завтра им рано вставать. Для того, чтобы снова на ниве земли сеять обильное, доброе, трудовое.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СУДЬБЫ

В народе говорят: молва вперед человека идет. А если эта молва еще о добрых делах? Я еще не виделся с сестрами-дойярками из колхоза «Заря», а столько о них наслышался! Четверо из них работают на Палкинской ферме и надаивают по четыре и более тонны молока от коровы. Они получают хороший приплод от своих подопечных, всегда его сохраняют. Большое животное в их стаде — редкий случай. Молоко с фермы отправляют только высоким качеством.

Ко всему дошли слухи, что и мать именитых доярок всю жизнь проработала в животноводстве. Династия! Да еще какая — доярок! У нас много пишут и говорят о фамильных профессиях механизаторов. У них все на виду: Иванов-старший, Иванов-младший... А здесь женщины. Фамилии у них разные. Именно поэтому, думается, династия доярок из «Зари» и была как-то мало известна, а слава шла лишь с сестрах-животноводов. Но в этом видится не только наша неосведомленность, а нечто иное — скромность самих героев. Работают они старательно, проявляют сметку, за общее дело горой стоят, душой отзывчивы. И никогда не жалуется, не ропшут на свою судьбу. Поистине, русский характер.

Я стал бывать в этом колхозе. Встречался с сестрами-дойярками, говорил с ними, расспрашивал начальство, интересовался у соседей. Одних имен, фамилий, родственных связей столько появилось в блокноте, что разом и не запомнишь. А мне хотелось понять характер каждой из сестер. Потом пошел к матери. Она меня занимала особенно. Трава, как известно, начинается с корня. А если он глубокий, то и бутоны крепкие, соцветия сильные, плоды хорошие.

Марии Дмитриевне Смирновой уже перевалило за семьдесят. В последнее время она «стала сдавать», все больше по дому, да внуков нянчит: их теперь девятнадцать и три правнука. Голос у нее внятный, память хорошая. О многом поведала старая женщина, столько повидавшая и пережившая на своем веку. С нее я и хочу начать свой рассказ о династии доярок.

* * *

1930 год был особенно памятным в жизни Марии Дмитриевны. Ей исполнилось девятнадцать. Работала в семье неистово: на покосе ли, за прялкой или бороной в последних не была. Да только как ни трудились, а из нужды не выходили. Единоличное хозяйство не каждому достаток приносило. Их семье как-то все не везло, то неурожай захлестнет, то налоги оберут, а то и просто сил не хватало со всеми делами управиться. На гулянье сходить подходящего сарафана не было. Однако молодость брала свое. И ей приглянулся парень — Женька. Тихий такой, внимательный. Иной раз увидит журавлей и смотрит на них, пока клин не скроется за деревней. Работу свою забывал, посторонних не замечал. Некоторые даже посмеивались над ним. А он в ответ как-то снисходительно улыбался.

По весне Мария и Евгений стали встречаться, а перед жатвой поженились. Приданого у нее почти никакого, да и он из бедняцкой семьи. Свадьбы не было, просто вечерком посидели с родными.

В том же году начали в деревне создавать колхоз. Дело новое, и, как водится, не все принимали его. А Мария с Евгением едва ли не первыми подали заявление. И первыми вышли на работу в коллективное хозяйство. Марии с соседкой поручили ухаживать за шестью коровами. А Евгений заготавливал сено, возил

его на поветь, помогал убирать навоз, носил воду, делал кормушки... Так и стали жить. Через год молодая жена родила девочку. Ниной нарекли. Больше матери радовался появлению ее отец. Сам сделал зыбку и очеп, корытце для мытья малышки, мастерил игрушки. Особо берег жену от тяжелой работы.

Однажды встретил Евгения председатель колхоза. Заезжий был мужик, но грамотный и рассудительный. Он и говорит парню:

— Переводим тебя в плотницкую артель. Будете возводить отдельный двор на пятнадцать голов. Коровником именовать его будем.

— На пятнадцать? Сроду такого не бывало. Чудеса!

— Дорогой мой, — похлопал его по плечу председатель. — Мы с тобой только вступаем в новую жизнь. И чем дальше, тем больше будет чудес на нашем пути. Читал в газетах, у капиталистов фермы на сто коров есть? А в Америке, то ли еще где-то, придумали машины для доения. А мы чем хуже? Не уступим буржуйам! Нам надо всерьез животноводством заниматься. Хлебом и молоком жить будем. Остальное все приложится. Так-то, думаю.

И застучали тогда топоры в Палкино. Подвозили лес, рубили сруб. Мужики подобрались деловые, зря время не теряли. Даже курили, не останавливаясь. А вот в один из дней работа сорвалась-таки на время. Прибежал с обеда Евгений и орет что есть мочи:

— Мужики! Сын родился! Сын!

Схватил топор, взобрался наверх и на венце вырубил букву В.

— Валентином звать буду!

Мужики порадовались за него и долго смеялись над этой выходкой.

В новом дворе стала работать Мария с напарницей. А Евгений опять помогал им. Нелегко приходилось женщинам. В их руках были вилы, пестерь и подойник, а летом еще и коров пасли. Да кому легко было в то время? Колхозы только вставали на ноги. Что ни год, то перемены к лучшему. На трудодень стали давать хлеб, картошку и даже деньги. Правление купило под Москвой племенного бычка. Председатель на том настоял. А еще он решил построить другой двор, в деревне Полтинино. Там сруб сделали широкий, с проходом-настилом, в который заезжала лошадь с санями или теле-

гой, чтобы увезти навоз. Это было первое облегчение в труде доярок. Потом Евгений сделал колоды, а от колодца провел желоб — вода сама собой текла.

Все бы хорошо, но тут навалилась война. Мария осталась одна с тремя детьми (перед войной появилась еще девочка — Лида). Как ей было трудно дома, наверное, каждый понимает. А в колхозе? Коровам шло то, что оставалось от лошадей. Тягло — главная сила. Каждую весну с крыш снимали солому и помаленьку клали в кормушки. Телят Мария выхаживала дома, в подвале: на дворе бы они замерзли. Перед первым выпасом коров поднимали веревками, сами встать они не могли. Летом от двенадцати коров Мария приносила молоко из покотины в двух подойниках...

Женщины делали все, что могли. Они выстояли. Главное — они сохранили скот. И еще они сберегли породистых коров. И племенного быка.

Евгений Николаевич вернулся домой в сорок четвертом инвалидом. Обошел колхозное хозяйство, посмотрел на людей. Упадок во всем. Женщины поникли, состарились не по годам, сгорбились от непосильного труда. Почти в каждый дом пришла похоронка. От недоедания многие опухли. Смирнов даже расплакался. На фронте ему не было так тяжело. И на другой же день с костылем вышел на работу...

Пришла долгожданная победа, а за ней и перемены к лучшему. Опять застучали по деревьям топоры, заехали пилы. Построили первый телятник. Это уж, если вникнуть в суть дела, началась специализация: ты занимаешься одним, я — другим. А Мария по-прежнему доила. Что ни год, прибавка в надоях: 1200, 1400, 1800 литров молока от коровы.

Евгений Николаевич стал конюхом. Что это за должность, люди старшего поколения помнят. Не каждому доверяли лошадей. Он и здесь работал на совесть. Сбруя всегда целая, хомут и седелка подогнаны, кони вычищены, накормлены. Сани, телеги постоянно на ходу. Требовательным был не только к себе, но и к колхозникам. Если лошадь приведут взмыленной, выговора не миновать лихачу.

Жили тогда Смирновы быстро, времени не замечали. На собраниях колхозных хвалили их, и дома радости были на зависть соседям. В пятьдесят первом году заходит как-то Смирнов к Анне Степановне Щербаковой.

— Ах, это ты, Евгений Николаевич! Проходи, редкий гость. Что это ты сияешь, как медный пятак?

— Радость у меня, Анна.

— Какая? Уж не орден ли дали?

— Нет. Орден я с фронта принес. У меня сегодня Людмилка народилась!

— Вот так радость! Сколько ж у тебя их по пола-
там сидит? После войны уж Алевтинка с Еленкой при-
бавились. И на каждого радуешься?

— И на каждого радуюсь, — улыбался отец.

Мария Дмитриевна уже теперь, под старость, как-то сказала: «Неужели я такую ораву вырастила?» А тогда не удивлялась. Туговато, конечно, приходилось. Даже бедно жили. Девчонки каждой покупке радовались. Но, к счастью, дети о тряпках не пеклись.

Родители так любили друг друга, что дети стали их единственной радостью на всю жизнь. Чем больше было едоков за столом, тем больше работал отец, тем больше доставалось матери. Корову держали все время, поросенка, огород садили. Без этого даже смешно думать, чтобы всех поднять. Семья жила строго, но в душевном согласии. Лучше не было той минуты для матери, когда она кормила детей. Только за ушами трещит у них, и... чугунок с картошкой опорожнен, крынки молока выпиты, глазенки радостно блестят.

Дети не только помогали по дому. Они были равноправными членами семьи. У всех были общие заботы. С малых лет все знали про ферму, коров и корма. А как подрастали, становились настоящими помощниками. В десять лет уж каждая из девчонок могла сесть под корову, заменить на чуток мать.

Конечно же, дети «все берут» в первую очередь в семье — еще в те ранние детские годы, когда характер семейных отношений, родительских наклонностей и интересов определяют мир чувств и увлечений ребенка. В них развивается или притупляется способность пристально, доброжелательно всматриваться и вслушиваться во все вокруг: в тишину леса, в весеннюю зелень хлебов, в лица людей, в их разговоры, в жизнь вообще. Уже тогда ребенок готовится соединить в себе, в своем воображении, в своем сердце все то, что познал о бытии человеческом, о прошлом и настоящем своего края, соединить и почувствовать в заботах взрослых людей свою причастность к делу...

Недолго пестовал свою Людмилку Евгений Николаевич. Раны, как мины замедленного действия, сказывались на здоровье. Быстро стал слабеть отец...

Прибежала Мария Дмитриевна домой по крику соседей, а муж лежит, скрестив руки на груди.

— Как же ты, милый... раньше меня... как же это...

Только в детях находила она утешение, а на работе чувствовала облегчение. Там недоумение и отчаяние притуплялось. Каждый день приносил уйму дел и всевозможных забот. В первую очередь надо было доить коров. Их уже стояло пятьдесят на дворе. Вчетвером со всем управлялись.

Жизнь продолжалась. На ферме труд никогда не кончается; убрав навоз, надо вымыть и вычистить полы, стелить подстилку и, отерев пот, ехать за сеном. А там уж пора раздавать его, да не бросать охапками — жуй, мол, корова, — а перекаладывать из кормушки в кормушку. А распрямив спину и отдохнув чуток, надо не забыть утеплить двери, а то они смерзнутся и не пасть будет во двор.

Именно в пятидесятые годы по-иному стала строиться работа доярки. Раньше было — только бы спасти скот, накормить его, теперь — получить молоко. А для этого нужны знания, опыт. Они-то тогда и накапливались по крупицам. Как кормить коров, как ухаживать, каков установить режим, как разрабатывать вымя? Десятки вопросов. Ответы на них искали в своей практике, где каждая мелочь важна. Мария считала, особенно важно быть внимательной зимой, когда каждая корова начинала жить своей отдельной жизнью, прислушиваться не к вою метелей над крышей, а к тупым толчкам в боку, когда корова начинала жить предчувствием материнства и мычала утробно и долго. Тут уж чертыхайся как хочешь, но пальцем корову не тронь, не дери свое горло, снимай настроение на улице, а к ней подходи тихо и ласково, сочувствуй ей. Не тот животновод хорош, который пасти и доить научился, а тот, который живет ожиданием доброго приплода.

Крупные перемены стали происходить в животноводстве. На фермы шла механизация, внедрялась механическая дойка, коровы подбирались одна к другой — классные. Укреплялась кормовая база... А Мария Дмитриевна рассталась с фермой: годы брали свое, профессиональная болезнь рук не давала покоя. Единственным

утешением для Смирновой, отдавшей почти тридцать лет животноводству, были дочери: они одна за другой приходили на ферму Палкино.

* * *

Лидия в семье Смирновых была бойчей других сестер, за себя умела постоять. Гордость в ней была какая-то особая: за отца с матерью, за семью опять же. Уж если что задумает, никогда не отступит. Выходя замуж, жениху условие поставила: фамилию оставит девичью. Сейчас у нее четверо детей, и все Смирновы. Старшая Тоня в десятом классе учится. Матери первая помощница. Да что там помощница, соперница — не меньше. Минувшим летом она заменяла мать, пока та в отпуске была. В соревновании доярок заняла второе место по совхозу. Премии и грамоту ей вручил сам председатель. Она ему пообещала, что после школы придет на ферму дояркой.

Думается, уже прошло то время, когда родители отучали детей от сельского труда и буквально силком отправляли их в город. Конечно, часть молодежи и впредь будет оседать в промышленности, на стройках, в научных и других учреждениях. Но ведь только часть. Все же не могут идти одной дорогой. Мать разумно рассудила: выбирай дело по душе, пробуй свои силы. В колхозе ферма большая — в ней двести с лишним коров. На дворе транспортеры, молокопровод, кормоцех. Коллектив животноводов дружный. Зарботки хорошие. Да и очень уж хочется передать Тоне то, что знаешь, умеешь. С этого легче начинать свою трудовую биографию.

У самой Лидии она складывалась не гладко. Помнит, как старые доярки на нее ополчились, когда она предложила ввести оплату труда не за «голову», а за молоко. Прослышала где-то об этом и сказала в правлении. Там ее поддержали, а на ферме такое в штыки приняли. Пришлось одной переходить на новую оплату. Другие присматривались и, только убедившись в преимуществах, пошли за ней.

Новое всегда с трудом пробивает себе путь. Это уж неписанный закон. И одолеть тот путь удастся не каждому, а людям сильным и смелым. Хорошо, когда таких большинство. А если нет? Тогда-то и ведут за собой

коллектив такие, как Смирнова. Они своим примером и опытом, порой горьким, заставляют остальных по-другому смотреть вокруг себя, давать оценку событиям и явлениям.

На работе Лидия Евгеньевна себя не жалеет. Но и к другим строга, хозяйский подход к производству, к окружающим проявляет постоянно.

— Кто же, если не мы? — начинает развивать свою мысль Смирнова. — Нам, колхозникам, до всего должно быть дело. Меня возмущает в людях расхлябанность, недисциплинированность, равнодушие. Дескать, я человек маленький, пусть у руководителей голова болит обо всем. Не терплю эту иждивенческую позицию. И детей своих приучаю не проходить мимо недостатков. Кому же, как не нам, наводить порядок на земле, в колхозе. К счастью, обижаться на всех нельзя. Люди в целом хорошие. Только некоторые портят жизнь.

Этим некоторым достается от Смирновой. И при встречах, и на сельском сходе, и на партийном собрании.

* * *

Алевтина Евгеньевна, по мужу Тимофеева, вначале работала в полеводстве. Только не нравилось ей это. Наряды бригадир дает разные, и результатов своего личного труда не видно. И люди как-то не замечают тебя: работаешь и ладно. Вот доярка — уважаемый на селе человек. Ее и на собраниях в первую голову ставят, и круг общения у нее иной: бригадир, зоотехник, председатель. Скорей всего тщеславие и толкнуло девушку прийти в правление с просьбой: «Определите на ферму».

С комсомольским задором взялась Алевтина за новое дело. Старание и трудолюбие помогли ей быстро освоиться. Велико было желание встать вровень с другими. А потом и за собой потянула: «Давайте будем делать так», «Лучше это изменить». Какая-то неуемность не давала покоя. А однажды заявила: «У нас много молодежи. Давайте организуем комсомольско-молодежное звено». И организовала. Не сразу, правда, и не без помощи райкома комсомола. Одной тут ничего не сделать, хоть имей того больше желания. Но это желание появилось не на голом месте, а как результат общего движения молодежи, самоутверждения ее. На палкинской ферме такое звено было первым в Грязовецком

районе. За ним появились другие. Возникло, опять же не само собой, соревнование молодежи. Алевтина, как руководитель звена, ездила с подругами в другие хозяйства с взаимопроверками, на слеты с отчетами. Расширился круг знакомых у доярок, разнообразнее стали интересы и запросы, как-то всем интересней стало работать; пропала замкнутость, появилась доброжелательность друг к другу, заинтересованность в общем деле. Заметны стали добрые стремления к лучшему, уважение старших и опытных, забота о новичках — то, что мы называем хорошим моральным климатом. И пошла добрая молва о доярках из Палкино; им присуждались районные и областные вымпелы, премии. А Алевтина получила в награду Знак ЦК ВЛКСМ.

* * *

Первые успехи Лены Мелехиной были, можно сказать, сомнительны: она попалась на... Как бы тут поделкатней выразиться? В общем, случилось так. Зима стояла тяжелая, кормов в обрез. Надои, естественно, к весне стали падать. Тяжело переживала потери молока Лена. Не ее же вина в том, что фуража — кот наплакал. Спрос за молоко с нее не снимается. Вот и приноровилась она потихоньку — благо кладовщик был растяпа — прихватывать концентратов больше положенного. Тайное стало явным до смехотворного просто: у всех надои упали, а у Мелехиной коровы доятся, как ни в чем не бывало. Стали женщины донимать ее, она расплакалась и призналась.

Колхозный парторг тогда имел разговор с Леной:

— Дело не в том, что ты кормов лишку прихватила. В конце концов, не собственную корову кормила. Главное — ты запомни! — нельзя хитрить и изворачиваться, ставить себя наособинку. Если этак везде будет, то что же за передовики у нас будут? Понимаешь, какая язва откроется? Подумай!

И Елена думала. Трудом своим искупала оплошность. Все лучшее, передовое у себя применяла. И скоро стала классной дояркой. Колхозники избрали ее депутатом райсовета. Тот же парторг предложил Мелехиной вступить в партию. В заявлении она написала: «Буду всегда честной, как велит мне совесть и требует того Устав КПСС».

Года два назад Елена Евгеньевна собралась уходить в декретный отпуск. Жалко было передавать в чужие руки свою группу. Муж Михаил выручил: «Давай пока я поухаживаю». Да так и остался он на ферме. С аппаратами управляется не хуже женщины. И показатели у него не из последних. Уверен он, через год-другой его коровы будут лучшими на ферме. Первотелок в группе много. Главное — их раздоить, научить отдавать молоко.

Большое молоко появляется тогда, когда прочна кормовая база, когда разумно хозяйствуют руководители колхоза. Экономика «Зари» стала крепкой. Ежегодные доходы измеряются теперь миллионами и прибыль всегда солидная... В последние годы колхоз дважды награждали переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. На такой основе ярче проявляются таланты людей, полней раскрываются их возможности.

* * *

Трудно давалась жизнь Валентину Смирнову. Хотел выучиться на тракториста или шофера, но все как-то не получалось. Да и мать отговаривала: «В этой кабине оглохнуть можно. Калымы начнутся, пить станешь. Иди в животноводство». И сын Смирновых долго не мог окончательно определиться. То ходил на разные работы в бригаде, то приставал к плотникам, то от них подавался в грузчики. Только потом уж обрел себя, когда стал гуртоправом. По душе пришлась ему эта должность. Один со стадом. Хочешь — гони его к речке, хочешь — направь к косогору. Сам принимаешь решение. Здесь и проявились способности. Коровы возвращались с пастбища всегда сытыми, с полным выменем. Валентин знал каждую ложбину, поляну — где какая травка растет, когда ее лучше скормить: то ли утром по росе, то ли днем. Ему казалось, что и коровы сто понимают. Только хлопнет кнутом, крикнет «у-у-у», и стадо поворачивает от леса. А если направит свою лошадь к водопою, коровы сами идут за ним.

Валентин с успехом применил ночной выпас скота. Круглые сутки не слезал с седла. И так до осени. А наступала зима, он опять не знал куда себя деть. Часто, как говорится, за воротник закладывал. Ругал себя с похмелья, но ничего с собой поделывать не мог. Преобра-

жался лишь весной, когда выгоняли стадо на пастбище. Ласково поглядывал на коров, наблюдал, как они, застоявшиеся за зиму, разгибают спины, скачут, словно жеребята, жадно подбирают языком траву или блаженно лежат на обогретой земле и жуют вечную жвачку...

В 1978 году свалилось несчастье; Валентин Евгеньевич умер. Говорят, беда не ходит одна. Чуть позднее постигло горе Людмилу Евгеньевну Юрову. Муж ее, Виктор, горячей природы человек, погиб на пожаре. В деревне загорелся дом. Он, увидев дым и пламя, бросился тушить. А в это время взорвался газовый баллон, что стоял у стены дома.

Как пережила то вдовье начало Людмила (на руках у нее осталось трое малышей), знают лишь она сама да мать, Мария Дмитриевна. Помогали Людмиле старшие сестры, их мужья. То дров привезут, то огород вспашут, картошкой засадят, то сена постогают для нее. Однажды пытались дать денег. На то Юрова так взорвалась, что чуть не разругалась со всеми по-крупному: «Мне заработка хватает и подачек не приму».

Зарабатывает она и вправду немало. Ее двадцать коров щедры на молоко. И труда она вкладывает на ферме сколько требуется. Бывает до ночи домой не уйдет, пока всех буренок не отмоет от грязи, не вычистит кормушки. На работе она молчалива, спокойна. Но уж если выведут из терпения сторож или бригадир своей нерасторопностью, может отчитать их, может выпалить такое словцо, которое женщинам и слушать-то противопоказано.

А почему так может взорваться человек, по натуре своей спокойный, трудолюбивый? Кажется, все делается для работников: фермы насыщаются механизацией, содержится штат специалистов и руководителей, повышаются зарплаты... А конфликты возникают. Тут, мне кажется, проявляется некоторое несоответствие между уровнем производства и уровнем производственных отношений. Первое, как известно, за последние три пятилетки претерпело коренные изменения: внедряется комплексная механизация, специализация, кооперация. Второе, где большей частью проявляются взаимоотношения людей, их культура, нравственные критерии, как-то мало меняется. Все еще наблюдаются косность, черствость, леность, инерция мышления, а порой и неприкрытый эгоизм. Человек доброй природы, открытый и

честный, болезненно воспринимает эти аномалии, иногда бурно пытается воспротивиться, не находя подходящих форм и методов сопротивления. Так будет продолжаться еще, видимо, долго, ибо в этом социальное зло несоответствия культуры взаимоотношений нашему времени. Что делать? Проще всего дать бы конкретный ответ, вразумить бы черствых и нерадивых. Но ответа такого нет. Может, кто подскажет его? Он не только мне нужен. Всем нам...

В первый раз я увидел Людмилу Евгеньевну изда-лека. Она раздавала корма на ферме. Гордая осанка, движения рук уверенные, точные. Ничто не отвлекало ее от основного дела. Разве что мимоходом погладит коровью морду или почешет лоб иной пеструхе. А когда встретился с Юровой в красном уголке и присмотрелся к ней, в блокнот занес одно слово: «Красива!!!» Ей-богу, был бы не женат, посватался. Да только, думаю, отказала бы. Многие молодые люди пытали свою судьбу... и напрасно. Характер у нее такой: коль не полюбит, против своей воли не пойдет.

Однажды Мария Дмитриевна сказала младшей дочери: «Что сейчас не работать на такой ферме?» А Людмила резко возразила матери:

— Плохая ферма! С кормами возмись — руки болят. Тракторами не могут силос развозить по двору. А инженеров в колхозе — пруд пруди. Надо нам пятидневку вводить, звеньями работать. А то привыкли, так и тянем ляжку. Воң на комплексе у Нины — там порядок. А ведь порядок-то начинается с нас, с нашего желания.

... Действительно, на молочном комплексе, что раскинулся близ центральной усадьбы колхоза, как завод с цехами-корпусами, условия труда иные. Нина Евгеньевна Тютина там ходит в белом халате. Вручную делать ничего не приходится, кругом механизмы. Надо только научиться ими пользоваться. На комплексе почти тысяча голов скота. И молока здесь производят много — болес трех тонн в год от каждой коровы.

И что же, здесь нет никаких проблем?

— Что вы, — удивляется Нина Евгеньевна. — Сколько труда стоит только освоить комплекс. Мы еще не вышли на проектную мощность. А молоко во что нам обходится? На рубль затрат получен рубль пятнадцать дохода. Прибыль мала. Этак едва концы с концами сводим.

Вот, оказывается, что волнует сегодня работника комплекса. Теперь он производственные дела решает под углом экономики, ведет строгий счет деньгам. Трудиться не просто хорошо, а с наибольшей отдачей — это уже проблемы высшего порядка, в которых проявляется грамотность людей, их политическая зрелость, высокая эрудиция. Их с полным правом называют хозяевами земли.

Хотя и идут у нас споры о целесообразности комплексов, но с каждым годом таких, как в «Заре», появляется все больше. Там, безусловно, животным тяжелей, но людям легче. Туда и стремится в первую очередь молодежь. Здесь немало выпускников местной средней школы, которые вместе с аттестатом об образовании получили удостоверение мастера машинного доения. Закончила школу несколько лет назад и Светлана Тютиня. Хотела работать вместе с матерью, но жизнь распорядилась несколько по-иному. Сейчас Светлана трудится в череповецком совхозе «Коммунист» и тоже на молочном комплексе. Она достойно несет эстафету старших.

* * *

На краю деревни Полтинино стоит старенький, уже вросший в землю домик Марии Дмитриевны Смирновой. Приглашали ее дочери перебраться в любой добротный пятистенок, правление предлагало просторную колхозную квартиру. Но мать отказывается: «Подсобить, детки, приду, а век коротать буду тут, где с Евгением жили, вас растили». В выходные и праздники дом матери оживает. Гостей приходит много, поэтому Мария Дмитриевна завела новую вместительную квашню. Надо пирогами накормить всех досыта, считает хозяйка. Во время таких встреч особенно словоохотливы женщины: наговориться не могут. И фермские дела обсудят, матери новости семейные расскажут, и, что греха таить, переберут косточки едва ли не каждого деревенского. Но делается это не зло, а доброжелательно. Любят и над своими слабостями, ошибками посмеяться.

Потом дочери спохватываются и начинают помогать матери накрывать на стол. Не раз самовар будет курсировать от печки к столу.

— И нас мама не забывает. Придет, да, бывает, как задаст трепку, если чего-то не то... — и все дружно хохочут.

Славные женщины! Сестры, одной крови, а такие разные! Но есть в них замечательная черта, перешедшая от родителей,— страсть к работе. За это им односельчане и воздают сполна почета и уважения, а сами себя они чувствуют независимо и гордо.

Вечером гости уходят. Иногда остаются на ночку-другую внучата, прильнув к бабушкиному подолу. Мария Дмитриевна провожает детей, долго машет им вслед рукой, пока не скроются за околицей. Бывает, и слезу обронит. Добрую слезу. Ее материнское сердце спокойно. Дочери уверенно идут по земле. Они не повторяют, а с честью продолжают ее судьбу

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нехотя, со скрипом подалась успевшая уже почернеть тесина. Валентин поглубже загнал лезвие, приналег на топорщище, и заржавевшие гвозди взвизгнули разом, обнажив широкую, затянутую паутиной и пылью полосу окна в веселых белых наличниках.

Когда-то давно молодой хозяин наследного дома накрепко запер его двери, заколотил окна, запутал отводок проволокой и ушел на широкий тракт, чтобы уехать к новой жизни, к большим городам и уже никогда не вернуться под родной кров.

И тотчас будто на целый век остарилась деревушка, будто ниже стали ее соседи-дома, попустили плечи крыш, понахмурились, закручинились. И бурьян в буйной, неудержимой силе захлестнул скоро огород и палисадник, заросли тропки и крыльцо, горестной метелкой забилась крапива в слепые окна.

Немало лет прошло до тех пор, пока старый, но еще крепкий, на века рубленный дом обрел нового, тоже в свое время оставившего родной кров хозяина. Засияли окна промытой голубизной, отражая солнечные блики на соседей своих, весело забелели наличники среди исхлестанных дождями простенков. И словно ожил весь маленький деревенский мир.

Детство Валентина Поспелова пришлось на трудные послевоенные годы, когда сельским ребятишкам с малолетства пришлось впрягаться в тяжелый крестьянский воз. Вместе со сверстниками он пахал и сеял, жал на лобогрейке хлеба, косил сено, пожираемый комарьем и оводами. Мерз зимами в непротопленной школе.

— Время такое было в деревне, — рассказывал он как-то. — И не то что мы работы пугались, ведь другой-то жизни и не знали. А чувствовали, что впереди никакого просвета. Те, кто в города уехали, перед нами, деревенщиной, рады были городской жизнью погордиться. Будто город — это что-то такое, чего и не выскажешь. Райская жизнь. У меня брат осел в Нижнем Тагиле. К себе звал. Вот я после армии ик наладился к нему. И все равно жалко было деревни. Да ведь как, все свое, кровное, пуповина на земле завязана. Больно рвать-то...

Устроился Поспелов в Нижнем Тагиле на завод, освоил профессию необычную, огненную — заливщик чугуна. На первых порах письма писал домой восторженные, с немалой долей похвальбы. Про шикарную городскую жизнь, про огромный завод, высокие заработки, какие деревенским людям и представить трудно, о личных перспективах, видах на жилье и женитьбу. Куда там деревне с ее телегами и овинами!

Казалось бы, все у него хорошо складывается. Квартиру получил со всеми удобствами, дети пошли. Заработок в две сотни. А в душе почему-то все больше нарастала еще не осознанная тоска. И родные места вдруг начали сниться едва ли не каждую ночь. Речка в тихих омутах, туман, ползущий низинами, запахи сенокоса. И руки чесались по крестьянской работе. Обычно веселый и говорливый, он все чаще становился задумчивым и печальным. А приезжая нечасто в отпуск в деревню, видел, как переменялась там жизнь. Как стало вольно работать и дышать, что в домах появился достаток, хотя семей в них оставалось все меньше.

Деревни — как малые реки. Не стало плотин, и вытянули большие реки их воды, поднялись берега, обнажились камни, и нет уже прежней загадочности омутов и излучин. Вон тележный обод лежит на дне, вон обсыхает заиленный топляк, расколотый мельничный жернов...

Как-то, возвращаясь из деревни, где провел короткие отпускные дни, надышавшись вдосталь родным воздухом, помахавши косою всласть (не забыл еще прежней сноровки), вдруг ощутил неразрывность свою с деревен-

ской жизнью, понял, что с уходом из деревни вот так же обмелеет, обсохнет его душа. Понял, что не жить ему больше в городе.

...Не знаю, есть ли на земле человек, в душе которого не было бы чувства родительского дома. Мне кажется, что с годами оно не проходит, не притупляется, а становится все острее, пронзительнее. По себе это знаю. Каждую весну, как только очистятся небеса от хмурости февраля, лишь оплавятся по дорогам снега, вселяется в душу странное беспокойство, словно ты позабыл о чем-то большом и важном. Вдруг начинает тебя давить со всех сторон каменный и в величии своем надменный город, начинает раздражать суэта и мелочность забот, словно есть у тебя яное, великое предназначение. Появляется вдруг неодолимое стремление вырваться поскорее из городских пут и умчаться на родные просторы.

Сколько ни есть у меня друзей, ведущих родословную из деревни, все то же по весне беспокойство в глазах. Что это? Уж не тот ли древний зов, который диктует тебе свои повеления независимо от сознания и рассудка. Может быть, это говорит в нас кровь предков? Ведь не могли же для нас пройти бесследно сотни крестьянских поколений, не оставив в душе той чувствительной струны, которая отзывается всякий раз, лишь повернет солнышко свой путь на весну.

На городских автовокзалах в эту пору столпотворение. Едут пэтэушники, рабочие, студенты, пенсионеры, успевшие под городскими крышами детей поднять и внуков понянчить.

— Куда?

— Как куда? Домой. В деревню.

Сегодня уже с полной определенностью можно сказать, что в настроениях людей явно наметился поворот на сельский, деревенский уклад жизни. Свидетельство тому и все возрастающее количество дачных участков, и стремление купить деревенский дом, и год от года увеличивающееся количество заявлений в колхозы и совхозы с просьбами о приеме на работу. Например, в Вологодское бюро по трудоустройству населения поступает ежегодно множество писем из всех концов страны с просьбами о направлении в деревню. Стремление к деревенской жизни есть. Другой вопрос — насколько оно взаимно, насколько взаимоприемлемо?

Что ждут от деревенской жизни люди, собираясь туда на жительство, что ждет колхоз или совхоз от них, что потребует? Чаще всего получается, что именно тут интересы и возможности сторон расходятся.

...От Сямжи до Усть-реки, центральной усадьбы колхоза «Нива», километров пятнадцать твердой, но довольно тряской дороги. Но эти неудобства быстро забываются, и захватывает, завораживает тебя удивительная красота этих мест. Шатровые боры и светлые перелески, густотравные низины и говорливые речки, высокие холмы, с которых открываются необозримые дали.

Засмотришься на эту красоту, размечтаешься: «Поселиться бы здесь на веки вечные, да и жить не тужить». Да тут же и начинаешь осаживать себя: «Постояй, дорогой товарищ. Экзотики захотел? Печь топить, по воду ходить, на сеновале спать? Да надолго ли хватит тебя, привыкшего уже к городскому быту и домашнему ничегонеделанию. Сколько таких перелетных осаждают по весне деревни, чтоб с первой непогодой и грязью оставить их. Любишь кататься, не забывай и про саночки... А саночки эти — нелегкий воз».

Семья Валентина Дмитриевича Пospelова решилась на этот шаг. «Нива» — хозяйство средней руки. Без особых громких побед, без новомодного стиля в застройке. Но на веселом месте. Рассказывают, что прежде были в Усть-реке широкие ярмарки, на которых торговали красным товаром. И что даже поднимались по Кубене в Усть-реку купцы из Китая.

Сейчас через Усть-реку проходит дорога, связывающая Харовск с Сямжей. Здесь сливаются воедино Кубена с рекой Сямженой. Деревни по их берегам небольшие, но ладные и крепкие.

Контору колхоза нашел Пospelов на втором этаже деревянного и совсем неадминистративного здания. Тем более что первый этаж занимали жилые квартиры. В председательском кабинете голубенькие домашние обои, скрипучие стулья, на стене «График надоев молока «в разрезе доярок». Вспомнились Пospelову кабинеты заводоуправления, строгие секретари, блеск полировки, багрянец знамен. Усмехнулся.

Председатель колхоза в больших резиновых сапогах, на которых несмываемо прилепилась глина, в простецком линялом пиджаке, загорелый до окалины, под-

нялся из-за стола. Широколиц, рыжеват, молод и на решения, как видно, скор. За последнее время председателю довольно часто приходится принимать переселенцев, так что в этих делах поднаторел, с полувзгляда научился понимать, летун ли приехал, чтобы полгода перебиться, либо человек корневой, основательный.

Видно было, что понравился Пospelов ему.

— Так вот, Валентин Дмитриевич, выделим вам дом, тут недалече. Правда, ремонт нужен, ссуду дадим, скотину. Живите. Жену на детсад определим, а вас — в пастухи. — Он выжидательно замолчал, давая возможность человеку одуматься.

Пospelов переступил с ноги на ногу, кепку в руках смял. Кольнуло самолюбие. Все-таки заводской стаж, металлист, профессия огненная. И в пастухи. Но тут же и придержал себя. Не литейку же открывать в деревне. Знал куда ехал.

— Годится! — и кепочку-блин на голове пристроил.

— Ну так завтра с утречка часиков в пять и выгоняйте, и бригадиру накажу, — не дал ему опомниться председатель.

Но и Пospelов не лыком шит, от дверей вернулся, момент выигрышный:

— А вы, Василий Семенович, сегодня машину-то с тесом направьте. Я вечерком поплотничаю.

Председатель с интересом воззрился на Пospelова, поскреб ногтем бровь, улыбнулся — деловой мужик.

— Лады.

Вышел Пospelов на улицу и тоже улыбнулся своим мыслям. Новая жизнь начиналась круто, в карьер, не давая ни минуты опомниться. Но так-то оно и лучше.

...Утром он вырезал в поскотине черемуховое кнутовище, припоминая, как плести сам кнут. Кнут получился ловкий, длинный, с плавным переходом на утоньшение, с заплетенной в конец сыромятиной. Валентин встал, припоравливаясь взмахнул коротко рукой; побежала волна раскатистая, и вдруг среди тишины лугов лопнул чистый и звонкий выстрел, покатился по лугу, ударился о лес, отозвался в деревне. Повернулись коровы на нового своего хозяина и, как показалось Пospelову, почтительно на него поглядели. И засмеялся литейщик Пospelов, освобождая душу от всяческих сомнений.

— Все хорошо, Валентин Дмитриевич, все ладно.

...С год, наверное, не бывал я в «Ниве». А когда снова выпал путь, постарался завернуть к Поспелову: Издалека видно было, что старый дом обрел заботливого хозяина. Свежей краской светились наличники, обновилось крыльцо, дворовые постройки, забор новый охватил ухоженный огород. На дворе, дровянике, других хозяйственных постройках — шифер: дом все еще был крыт толью. Видно было, что у Поспелова болела душа о хозяйстве. Значит, и жить он собирался здесь основательно.

Хозяина дома не оказалось. Но соседи быстро растолковали, где его найти.

— Он теперь на ферме доярком работает, — сказали сидевшие на завалинке старушки. — Так что дрова рубит, пока не дойка. Да это вот рядом. Слышь, бензопила урчит.

Осенний лес, тихий и задумчивый в эту пору, далеко разносит редкие звуки. Вот протенькала где-то припозднившаяся синица, вот налетевший с реки ветер качнул усохшую деревину и тонкий тягучий скрип родился в глубине леса и отозвался в разных его уголках.

Слышно было, как переговариваются на огородах люди, как покрикивает пастух на лугу и, отвечая ему, капризно мычат коровы. Высоко в небе прокурдыкал журавль и пошел широкими взмахами догонять улетающую стаю. Выстраиваясь походным строем, уронили птицы на землю прощальные вскрики и потянули живую нить над притихшими деревеньками, над дремотным полем, светлыми лесами в чужедальний край.

Мы присели на замахрившийся берестой краж. Валентин достал из полевой сумки бутылку молока, кусок воложного пирога, но есть не стал, а прислушался к тишине и покою, провожая взглядом улетающих журавлей и думал, наверное, о той удивительной силе, которая всякий раз возвращает их в этот скупой на тепло край.

Он сидел, прислонившись спиной к дереву, руки покойно лежали на коленях, из-под низко надвинутой кепки поглядывал в высокое небо.

— Знаешь, сейчас, когда пообжился, когда время уже прошло, в работу втянулся, одно могу сказать: не жалею. Не жалею, что в деревню приехал, что на ферме стал работать. Как-то на душе стало спокойно, словно камень какой спал.

Мы покурили, а я все не решался задать ему вопрос, почему же он все-таки пошел в дояры. Ну, понятно еще пастухом, а коров-то доить вроде бы не мужское дело, не принято как-то. Но он сам пришел мне на помощь. Наверное, догадался, о чем хочу спросить.

— Весной председатель ко мне приехал. Выручай, Дмитриевич! Некому группу принять. Возьмись. Понятно, дело щекотливое. Мужик—да и под корову. Ну а ежели раздуматься? Чего работы-то стыдиться? Молодежь вот вроде бы деревни стесняется. Это уж как пошло, повелось когда-то, так один перед другим форсит, чтобы не хуже выглядеть. Пусть я, скажем, посуду буду мыть, но в городе. А вот своего-то ума и не хватает, чтобы понять, куда, к чему тебя больше тянет. Вот так и с фермой. Ведь каждый мужик, если жена там заболит или уедет куда, не бежит к соседям, а сам корову свою обрядит. И руки не отвалятся. Так? Так.

По всему было видно, что Валентин сел на своего любимого конька. Мысли эти выношены, обдуманы долгими ночами в городе и в деревне. Свое мнение, что всегда выделяет настоящего, крепкого человека.

— Я скажу, что работа на дворе самая мужская. Это, конечно, я потом понял. Порой женщин так и жалко становится, особо, когда механизация захандрит. Потаскай-ка на себе корма! С другой стороны и преимущества свои. Я человек самостоятельный. Не надо наряда ждать, когда бригадир придет. Утром встал, управился с делом,—свободен. В обед опять на два часа сходил—занимайся по дому. А если кто чего и скажет, так ведь не пристанет.

Позднее председатель колхоза Василий Семенович Прохорушкин рассказывал о Пospelове немало хорошего. И о том, что в честь его поднимался не раз на центральной усадьбе флаг трудовой славы, что к работе он относится обстоятельно, серьезно, что участвовал в конкурсе мастеров машинного доения и вышел на призовое место. И что на общеколхозном собрании выступил с речью, которая многих удивила. Во-первых, он убедительно рассказал о профессии животновода; о ней, кстати, не многие из мужчин имеют настоящее представление, и призвал механизаторов освоить смежную профессию в животноводстве.

— Если разобраться по-серьезному,—сгоняя улыбку

ку, заключил Прохорушкин,— то в этом и на самом деле нужда есть. Он первый, но пройдет время, и у Пospelова в нашем колхозе найдутся последователи...

За разговорами мы припозднились. Пospelову нужно было спешить на вечернюю дойку. Он закинул бензопилу за плечо, и мы зашагали к деревне, которая утопала сейчас в золотистом свете закатного солнца. И было во всей этой картине готовящейся к сумеркам деревни, в ее неторопливых размеренных заботах особое настроенное добра и спокойствия, словно ты после долгих странствий или больших трудов вновь возвращаешься под родные крыши.

Пospelов шагал размашисто и как-то одновременно по-мальчишески, вприскок. Небольшого роста, в больших резиновых сапогах, которые хлопали голенищами в такт его быстрым шагам, деловито-озабоченный. Во всем его облике не чувствовалось и следа городского человека. Он шел и успевал окидывать хозяйским взглядом дорогу, что-то примечая и откладывая в памяти. Поломанное прясло изгороди, сваленный на поле телеграфный столб, который сгодился бы на дрова, потерянная тележная чека...

Он был здесь своим, органически вошедшим в этот деревенский мир человеком, для которого понятны и просты все те заботы, для которого они незаметны и неощутимы, как не замечает человек того, что он дышит, что все органы его в работе, пока здоров. И если было в Валентине некоторое обостренное чувство ко всему, что происходит в этот вечер вокруг, то это было похоже на состояние человека, поднявшегося с больничной постели, радующегося свежему воздуху, закатному солнцу и воробьиной перебранке под застехой.

Мне кажется, что Пospelова меньше всего волновали думы о рационалистической стороне дела, о выгодах деревенской жизни. И если и проявлялся в чем-то его характер, если он насаждает на председателя по поводу шифера, обзаведения хозяйством, скотом, то вовсе не потому, что главная цель для него выгода и рубль, а потому, что это его потребность, необходимость жизни, закон человека, живущего на земле.

Он родился, вырос на земле, работал на земле, он ее органическая часть. И в этом весь смысл его исканий, в этом причины его возвращения домой.

...Мне кажется, что деревенская публицистика последних двух десятилетий с ее рационалистическим подходом к разрешению проблем, обидно представляет сельскую молодежь, уезжающую в город. Получается так, будто деревенские парни и девчата оставляют родной кров лишь потому, что деревня отставала от города в обеспеченности бытовыми благами. Отсюда стоит лишь подтянуть деревню до уровня города, построить квартиры со всеми удобствами, открыть Дворцы культуры, заасфальтировать улицы — и все станет на свои места.

На деле же этот процесс намного сложнее. Разрыв с родным домом на долгие годы, если не навсегда, останется незаживающей раной.

Да простит меня читатель снова за пример из собственной жизни. У кого что болит...

В конце шестидесятих годов из нашей огромной деревни в 140 дворов ушли, можно сказать, последние молодые силы. Моих сверстников было еще в то время человек около тридцати. Помню светлые ночи на горе Оняве, туманную реку, далекие гудки пароходов, костры и беспокойные, тревожащие думы, томившие нас всех. Не было среди нас ни одного, кто бы не любил свою деревню, кому была бы она не дорога. Нет, уезжать нам не хотелось. И вот кто-нибудь подавал голос:

— А что, ребята, не поедем никуда. Остаемся.

И тут же откликнулся хор голосов;

— Остаемся. Только чур все.

...Не остался ни один. И трудно найти сейчас в деревне человека моложе пятидесяти лет.

Что могла предложить нам в то время деревня? Кромевил и скребка — ничего. Да и этой работы хватило бы не на многих. В деревне был пяток тракторов, но на них работали отцы и замены не просили. На ферме в самой силе работали матери. Деревня на какое-то время остановилась в своем развитии и не могла определить судьбу молодого подростка. Произошло своеобразное отторжение молодежи.

Не отсюда ли идет наслоение множества нравственных и психологических проблем? Не потому ли у многих деревенских жителей, попавших в город, оторванных от привычных, понятных забот о земле, порой теряется под ногами почва, наступает душевный разлад, ведущий к пьянству, моральному опустошению. И не в этом ли,

сугубо рациональном подходе к кадровой проблеме, когда материально-технический уровень хозяйств возрос резко и быстро, когда остро потребовались молодые руки, у сельской молодежи наблюдается довольно выраженное пренебрежение к деревенской жизни.

Например, получившие широкое распространение договоры между администрацией хозяйств и выпускниками школ при всем их положительном эффекте неизбежно несут в себе долю торгашеских, потребительских настроений. Молодой выпускник, еще не успевший ни в чем проявить себя на этой земле и обязанный полностью всем, что имеет, тому же хозяйству, начинает торговаться: а что он будет иметь, если отработает год в родном совхозе?

Выступая однажды на областной комсомольской конференции, писатель Василий Иванович Белов сказал по этому поводу, на мой взгляд, справедливые слова: «Так мы можем дожить до того, что и с родной матерью придется заключать договор».

Есть над чем поразмыслить...

И, наверное, прежде всего о том, что и как формирует, создает, даже творит человека, достойного жить на земле, что дает ему верность ей и понимание ее.

Как бы далеко ни ушло в своем развитии село, невозможно поставить знак равенства между городским рабочим и земледельцем. Потому что у последнего в руках не инструмент, не станок, который можно по использованию списать в «бэу», а самый сложный плодородный, дающий жизнь всему гумус, созданный природой за миллиарды лет. Нарушить его легко, списать в «бэу» невозможно. Здесь нужна особая верность, особое, органическое понимание земли.

И мне опять вспоминаются беседы с Пospelовым. Его страстная, выношенная и выстрадавшая убежденность, его открытия.

— Что такое стол? — экзаменовал он меня. — Простой обеденный стол? Нет, это не доска на четырех ногах. Это основа семьи. Так? Так. Что же мы имеем в городе? Мне на работу, положим, к шести, жене к восьми, ребятишкам в школу по сменам. Всем вместе и не собраться. А за столом и не встречаемся. Каждый сам по себе: кто в столовой, кто в буфете. Живешь в одной квартире, а ровно чужой.

А в деревне? Мать стол накрывает. Подает, к при-

меру, щи. Тут сразу видно. Картошку, капусту все вместе садили, я стайку для барана делал, сено косил, ребяташки копнили, жена скотину обряжала. Каждый какой-то труд в эти щи, в этот стол вложил. Вот у нас и единство, вот мы уже и семья! Или молоко, сметана — все наглядный пример труда.

А что ребяташки в городе знают, какой труд? Делать по дому нечего, кругом блага. Вот он и бездельничает до двадцати годов. А тут и дровишек принести, водички ли, коровку в поле согнать, встретить... С малолетства все это в радость, это в кровь войдет. Ты уж потом без этого и не сможешь.

...«Ты без этого не сможешь». Да, металлист-литейщик Валентин Дмитриевич Поспелов не смог без деревни. И я радуюсь, что все у него складывается хорошо, что он нашел то, к чему стремилась душа. Вовремя нашел и для себя, и для своей семьи. Я думаю, что и дети его также не смогут потом без этих полей, речек, родного дома.

И колхоз нашел в нем того, кого искал. Нужного земле человека, надежного.

Как-то так, видимо, получается, что в каждый приезд к председателю колхоза «Нива» В. С. Прохорушкину я становлюсь свидетелем его бесед с людьми, которые приезжают в это хозяйство на работу и жительство. Разные это люди. Кто отчаялся жилье в городе получить, кому деревенской экзотики захотелось, кто летун и бездельник, рассчитывающий на деревенскую вольную жизнь, кто за большим рублем. Люди нужны деревне, ой, как нужны. Да только все ли? Каждый ли ей подойдет, кто на подъем легок?

...Я заканчиваю этот очерк глубокой ночью. За окном темень, город спит, лишь машины, напряженно сотрясая воздух, проносятся улицами да свистят поезда. А я мысленно возвращаюсь в свою деревню, брожу полями, тропами, состарившимися посадками, вглядываюсь в темные окна и вижу в каждом из них своих земляков-сверстников, давно разлетевшихся из-под родных крыш. Я смотрю в их глаза и спрашиваю: «Все ли ладно, все ли мирно в душе? И вижу — нет там покоя...

Н. ВЕСЕЛОВА

КОРЕНЬ РОДА

Не так далеко те славные времена, когда был сельский клуб главным местом на деревне: и стар, и мал спешили туда, чтобы быть поближе к культуре. Она приходила вместе с избачами и учителями, вместе с лекциями обо всем, что могло волновать людей. Да и откуда еще можно было почерпнуть знания?

Но вот даже в самые глухие уголки вслед за радио пробралось телевидение. И затихли гармошки, и не стало гуляний — в одиночку и по домам смотрели все кино и концерты. Только молодежь, гонимая безотчетной тягой, приходила к дверям клуба в надежде на веселье. А его не получалось. И из разных мест летели в редакцию областной молодежной газеты письма с жалобами на скуку в сельских клубах и на отсутствие в них работников. А откуда и было им взяться, если никто не хотел ехать учиться в культпросветучилище...

Нет, отнюдь это не заупокойная сельскому Дому культуры. Однако трудно было не поддаться пессимизму, когда каждая новая командировка на село разочаровывала: огонь культуры в деревенском клубе горел тускло. Разные пытались принимать меры. Где руководители парасторопней, вводилась молодым клуб-

ным специалистам доплата от хозяйства, благо были на то соответствующие постановления. Только и за деньги веселья не купишь, коли не манят людей в клуб даже самые красочные афиши.

Словом, встречи и наблюдения давали поводы для печальных прогнозов. И как забрезжил вдруг впереди долгожданный свет, рассказать надо по порядку.

Началось все со знакомства с директором Гулинского дома культуры Ниной Радостной. Была она в ту пору одновременно и секретарем комсомольской организации лучшего в Белозерском районе колхоза имени Ленина. Появилась Нина в тех местах в 1976 году после окончания культпросветучилища. Вскоре агитбригада Гулинского дома культуры заняла на областном смотре первое место. Коллектив разъезжал по всему колхозу, не считаясь со временем и поднимая настроение не только в клубах, но и на полевых станах. И вечерами в Доме культуры допоздна не гас свет — народ тянулся туда, как всегда тянутся люди в дом, где добрый и приветливый хозяин, где можно поговорить по душам.

Вскоре Нина, бывшая Нахаловой, стала Радостной. Быть может, это и есть главное в ее судьбе. Ведь ничто так не роднит человека с новыми местами, как семья, дети. Появился на свет сынишка, и это было как второе рождение для Нины: и солнце впервые взошло для нее здесь, и травы по весне впервые зазеленели в Никановской. И еще сильнее захотелось увидеть в клубе счастливые улыбки.

Она прибежала домой после Дня учителя и закричала: «Господи, мамочка, победа!» Ни разу до сих пор не переживала она такого восторга. Сколько ездили по деревням, с каждым учителем-ветераном поговорили, наплакались вместе... И вот праздник начался — ветераны под вальс «Школьные годы» вошли в зал, и все поднялись. И на едином дыхании пролетел весь вечер — воспоминания, благодарности, слезы. И люди в зале вдруг стали такими красивыми!

Наверное, поводом для этого вечера послужили рассказы Нининой свекрови Марии Петровны, бывшей учительницы. В ней нашла Нина вторую мать, а заодно друга и советчика, человека щедрого и богатого душой. Все свои планы, все сомнения и тревоги она несла к ней. И радости — тоже.

Чествовали, например, молодых механизаторов. Весь

зал встал и рукоплескал, когда двадцать человек — такие высокие, такие могучие — вышли на сцену. И руки-то не знают куда деть, и как ступить не знают, и куда смотреть. Зато потом говорил народ: после такого из колхоза стыдно бежать! Да и не бегут давно, наоборот: только за последние два года двадцать человек вернулись в хозяйство. И не только потому, что оно передовое в районе. Немалую роль сыграл в этом и Гулинский дом культуры.

О многих вечерах, диспутах, встречах, концертах можно бы рассказать. Но главным мне видится не это, а то, у чего нет единицы измерения. Когда я спросила председателя колхоза Л. М. Богданова, как он понимает культуру на селе, он ответил:

— Во всяком случае, это не только клуб. Скорее — состояние духа...

А что это такое состояние духа, и как оно меняется со временем, Нине Радостной известно очень хорошо.

Восемь лет назад приехала она в Никановскую с подругой Надей Поповой. Они были полны творческих планов, а встретили ватагу парней, которые во хмелю и колючесть отпустят, и дерзость себе позволяют, а заодно могут перебить стекла и стулья переломать в клубе. Плакали девчата, но терпели. Колхоз высчитывал с виновных ущерб, а последствия «подвигов» заставляли исправлять самих ребят. Голос на парней девушки не повышали. Ждали, когда в ребячьей среде обнаружатся те, кто скажет своим друзьям-товарищам «хватит». И такие появились. Стоило на Нинином лице отразиться беспокойству, как сами собой находились усмирители: все-таки клуб был единственным местом, где могла собраться молодежь. И местом этим дорожили.

Потом дела обстояли так: бросят ребята сигарету на пол, посмотрит Нина — вернутся и без слов поднимут. Хмельного или сквернословия выпроваживали сами. По первому зову шли на субботники. И на комсомольские собрания не надо было никого затягивать — знали ребята, что разговор будет серьезный, что не будет пустых слов, формальных решений, что секретарь выслушает и будет отстаивать интересы молодежи и на правлении колхоза, и в райкоме комсомола, и всюду.

Нет ничего сложнее, чем работа с людьми. Поздороваться на улице, расспросить про здоровье, про детей — несложное дело, а благодаря таким мелочам рождается

ответное чувство, устанавливается какая-то прочная и великая связь между людьми. И о ней прежде всего думает Нина. В каждом видит личность и старается понять правду собеседника, все его побуждения, все тайные причины плохих и хороших поступков. С девчатами проще, а вот за ребят надо бороться, и постоянно. Есть такие колючие, ершистые — не подойдешь. А Нина у каждого родителей знает, знает, как они дома с братишками нянчатся, как за скотиной ходят, — знает, что хорошие это люди, и надо не унижить их достоинства, а напротив, дать понять, что ждет она посильной помощи. И вот уже сами ребята придумывают для себя обязанности и поручения, сами просятся в комитет комсомола...

Так было. А потом наступил для Нины период очень нелегкий: работу Гулинского дома культуры вдруг начали ругать. Конечно, в сравнении с другими клубами он по-прежнему держится на высоте, а вот относительно своих прошлых успехов сдал основательно. Например, снизилось количество лекций. Но Нина справедливо вопрошала: во всякого ли уровня лекциях есть нынче прок, когда у каждого газеты и журналы, телевизор, способный все подать на более высоком уровне? Распалась агитбригада, когда-то сделавшая гулинцам славу в области. Но Нина и это объясняет: много воды утекло, многое изменилось в личной жизни ее организаторов; и нужно ли искусственно поддерживать то, что было естественным порождением молодости и дружбы и сошло на нет, оправдав себя, но и изжив? Упрекали, что мало стали выезжать в клубы-филиалы. Но вместо ответа на такой упрек Нина спрашивала, не была ли поспешной у них в колхозе централизация клубной работы. И я вспоминала разговор в районном отделе культуры о том, что не хватает специалистов и во многих отдаленных деревнях стоят клубы без работников; но народ отказывается их закрывать, видя в их существовании надежду на возрождение своей в недавнем прошлом «неперспективной» деревни...

Нет, не так все просто. Выслушивая недовольства в адрес Нины, я проникалась к ней все большей симпатией. То, что кому-то казалось в ней духом противоречия, я воспринимала как дух сомнения. И ее неудовлетворенность собой была, на мой взгляд, залогом верности своему делу. Когда человек на пороге тридцатилетия, он должен сомневаться. И не должен кривить душой. Нель-

зя в клубе работать по обязанности, нельзя из года в год проводить одни и те же мероприятия — это равнодушные, застой. А в жизни все течет, все меняется, и время непременно покажет и подскажет, что дальше.

...Бесценны знакомства, которым суждено продолжение. И пока Нина Радостная, оставленная мною на распутье, решает вставшие перед ней вопросы, перенесемся в Череповецкий район, в совхоз «Большедворский».

Ах, какая славная беседа была там у меня когда-то с пенсионерками. Множество разноцветных половиков расстелено было по посиделочной избе, и женщины терпеливо и горделиво поясняли:

— Надо вот по ряду ходить, а потом опять с этта. А собьесси — будут этаки скачки!

— Надо ведь тоже налòга да терпение!

— А что такое налòга?

— Надо садиться за кросна и ткать, ткать скорее — вот это налòга.

— А как вы научились ткать?

— Так ведь надо было! Всё ткали, всё тканое было, с рубахи до нижнего белья, в чуни портянку и ту надо было выткать. И одеяло тканое, и наволочки. Вот и торопились.

— Почему торопились?

— А больше чтобы напярсть. Одеться надо. Оно больно быстро и рвалось, тканое-то. Прядешь, прядешь, выткешь, год проживешь — все износилось, снова надо!

— За ниточку садись и за полниточку садись!

— И у всех по-разному получалось?

— А то как? Разно! И половики-то ведь разны. Которая ткет поплотнее, прижимает погоразже, а которая и нет, так половики вялый. А потом рисунки разны. И настрижешь разно. У кого поровнее, и половики будут почище.

— Вот понравился узор, дак на сновальщицах и будешь класть: петелку эдаку, да петелку эдаку. Тут положишь две уточинки, а тут пять, чтобы клетка была. Вот и выткешь.

— Это вот — елочка. А есть еще с мотылькам, с жукам!

Милые бабушки! В трескучий мороз тащили они свою работу с другого конца огромной деревни, чтобы услышать, что это — красиво. И надо людям. И я искренне восхитилась узорами и тонким ощущением цвета. И горь-

ко устыдилась за нас всех, что не могу дать им адрес, где нужна их работа.

Заместитель директора этого совхоза задумал было занять пенсионерок ткачеством. Съездил в Москву в Госкомитет по ценам, убедил и бабушек в необходимости их труда... А дело застопорилось. То ли нитками, то ли тряпками для половиков не удалось их обеспечить. Самому довести дело до конца было трудно, забот и без того хватает: совхоз не из передовых. А за новшества похвалят ли? Неизвестно.

Эти самые старушки и сидели передо мной в один из зимних вечеров. Не стала мечта их совхозного начальства реальностью, а они все равно ведь ткут — что делать зимой? Для детей и внуков ткут, для их современных квартир; в деревенских домах половики чаще не новые, «погостившие» в городе.

— А будут ли нынешние молодые ткать?

— И не подумают! Прежде мы куделю пряли — дак на беседе, на посиделках. И поработаешь, и отдохнешь, и попоешь. А теперь телевизор глядят, бездельник этот. Тьфу! А прежде ведь и радио не было...

— А все равно было весело!

— Ага. Ванюлю Пестихина, помнишь, возили на санках на беседу, с балалайкой. На большой-то есть игроки, а на нашей нет. Возьмем санки и поедem за игроком. Привезем с большой-то беседы и напляшемся тоже.

— Тогда так работали, что каждого праздника ждали.

— Да, раньше было времечко, а теперь — моменты...

Какой типичный разговор — «вот раньше...». Однако отнесемся к нему хоть и со скидкой, но без иронии, потому что молодость для всякого дорога.

В калиновой роще птички распевали.
Было слышно — в поле голос раздастся,
Было слышно — в поле голос раздастся.
Там подружка Маша с милым расстается...

Мы сидели в чистой избе — куда тут другому клубу! — и, отбросив смущение, Татьяна Ивановна Матюшкина и Евгения Ивановна Лютова пели старые песни. Словно когда-то на беседе за работой. И было и мне, и старым женщинам тепло в эти минуты воспоминаний. И рождались друг к другу добрые чувства, и приходили на ум серьезные хорошие думы о жизни.

А где-то на другом конце деревни Большая Ягница в этот вечер — как до него и после — мучалась сомнениями директор сельского Дома культуры. Клуб был старый, холодный, а новый никак не строили, и этим — холодностью очага культуры — пытались не первый год объяснить отсутствие у молодежи интереса к насыщенному досугу. Не привлекали в клуб ни лекции, ни новенькие инструменты для эстрадного ансамбля. А концерты художественной самодеятельности держались только за счет дисциплинированных школьников, которые слабыми голосами исполняли современные песни под «тра-ля-ля», поскольку баяниста в глубинный клуб тоже ничем не могли заманить.

И такое положение сложилось в крупной комсомольской организации. Было чему удивиться. Чтобы молодежь не устремилась в манящий индустриализацией Череповец, дирекция совхоза возмечтала построить при будущем новом клубе (проект которого много лет соответствующие организации никак не могли «привязать к местности»)... бассейн! Однако ничто не удержит человека на земле, если она не будет им любима. А любовь эта начинается не с бассейна, а с любви к прошлому. И оно в тот морозный вечер светло ожило в одной из деревенских изб на старушечьих посиделках...

Что же может и должен сегодня сельский клуб? Принеся в деревенский дом городскую культуру, телевизор попутно сделал и свое «черное» дело — разобшил сельское население. Все чаще молодые предпочитают сидеть у голубого экрана, нежели идти в Дом культуры, до которого порой неблизко. Значит, соперничать с телевизором ему же доступными средствами бесполезно. Очень мала вероятность того, что на клубную сцену выйдет певица с талантом Зыкиной или драматический актер уровня Ульянова. Надо искать какие-то новые формы работы, проверять сегодняшним днем традиционные.

Именно клубы могли бы стать на селе создателями местных музеев. Судьба каждого жителя достойна отразиться в нем, история каждой прялки или серпа — ожить легендой. Перед такими экспонатами, найденными на пыльных чердаках, перед привычными предметами быта легче осознать, что история творится каждым и каждый день. И на этой, родной твоей земле — тоже.

Эта мысль о создании местных музеев давно уже витает в воздухе. Недавно она была высказана на семинаре культработников Бабушкинского района. «Корень рода» — решили назвать операцию по претворению ее в жизнь. Дай бог, чтобы дело это не осталось только словами. Идея нашла горячую поддержку и у заведующей отделом культуры Т. П. Прокудиной, и секретаря райкома ВЛКСМ Раисы Малухиной. Но исполнителями будут все-таки конкретные люди. А кто они, насколько поверят в истинность этой дороги?

Беседовала я, например, с работниками Рослятинского дома культуры Бабушкинского района. Славные девушки — Галя Поспелова и Галя Осетрова, и клуб у них хороший — клуб отличной работы. Но добрались до тонкостей — и то же слышу, что повсюду: сложно с молодыми, самодеятельность их не влечет, на лекции не заманишь, вечер вопросов и ответов несколько раз переносили, потому что не собирался народ. Словом, лучший клуб в районе, а столько неразрешимых проблем. Впору руки опустить.

Но я знала, что именно здесь возник недавно чудесный фольклорный коллектив! И уже в области его знают, не только в районе.

Оказывается, совсем не эти девчата его создавали, а Валентина Кускова, культработник со стажем, но без специального образования. И когда ушла она в декретный отпуск, девчата в клубе руками развели: не идут бабушки на репетиции! Уж какой и подход к ним нужен, не знаем...

Подход этот знает Валя. «Народный человек» — сказали о ней рослятинские старушки. Значит, простой, уважительный, искренний. Когда возникла у нее мечта о песенном коллективе, Валя не сразу высказала ее перед женщинами. Ходила по домам, о жизни расспрашивала, вздыхала над чужими печальями, радости принимала, как свои. И как-то на беседе в одном из домов, где собрались старушки за чаем, предложила Валя запеть. «Да мы не знаем новых-то песен...» — «А вы же давайте!»

Областные фольклорные праздники, на которых выступал и этот коллектив, — истинные праздники прежней песни. И можно бы только радоваться этой новой традиции, если бы не помнить о возрасте их участников. А он настолько преклонный, что осталось у нас в запа-

се, быть может, десяток-другой лет, пока живо еще то поколение, которое мы называем носителями фольклорных традиций. А что же дальше? Молодежные коллективы по пальцам можно пересчитать. Значит, уйдут песни вместе с их исполнителями? Да, если не создадим мы вокруг этого благоприятного общественного мнения.

Те же фольклорные праздники. Они требуют серьезного углубления в работу, которая им предшествует. Если поиск полузабытых исполнителей не поддерживается на уровне районных властей, то инициативы на местах ждать трудно — в сельских Домах культуры сегодня более склонны к созданию вокально-инструментальных ансамблей и тому подобных коллективов, нежели фольклорных. Соответственно, и самодеятельность в целом получается безликой, ничем не характеризующей свою национальную и географическую принадлежность. А ведь где, как не на местах, в районах, можно еще открывать золотые наши песенные и музыкальные запасы!

Если в Тарноге, например, проводятся перед областным районные фольклорные праздники, то и результат налицо: в нескольких деревнях родились коллективы из пожилых исполнительниц, о которых прежде и не слышали. А молодой коллектив районного Дома культуры «Сударушка» широко известен и за пределами области. Но есть и противоположное отношение к народному искусству. Так, из-за равнодушия Тотемского районного отдела культуры перестал существовать ансамбль в селе Федотове, пение которого было в свое время даже записано на пластинку.

Не более завидная судьба сегодня и у народных инструментов. Все реже звучат они на улицах и в клубах. Проходивший весной 1983 года областной смотр исполнителей на них показал, насколько в заброшенности находится это направление самодеятельного искусства. Белозерский, Вашкинский, Вожегодский, Верховажский, Тотемский, Нюксенский, Харовский, Сокольский, Вытегорский, Усть-Кубенский районы даже не пытались найти людей, владеющих балалайками, гармошками и другими инструментами. Когда после областного смотра зашла речь о судьбе тальянки, ответ был прост: в Никольске, мол, дважды пытались создать молодежную группу при ансамбле тальянчиков, но желающих не оказалось. Значит, осталось развести руками и ждать, когда затихнет последняя гармошка?

И вот тут снова хочется говорить о пропаганде народного искусства. Залог его бессмертия всегда был в том, что оно впитывалось детьми с пеленок, оно сопровождало ребенка по жизни как качество личности само собой разумеющееся, всеми ценимое, подчеркивающее принадлежность к русской нации, к ее лучшим традициям. Теперь прежние колыбельные и песенные посиделки заменили радио и телевидение, а там песни на разные вкусы, особенно на неразвитые. В результате мы имеем целое поколение, которое не знает не только давних, начала века песен, но и довоенных; оно не знает русских плясок и хороводов, тогда как в союзных республиках нашей страны этим вопросам уделяется очень большое внимание.

Легко сослаться на нежелание, неинтерес молодежи и труднее признать, что мы, сами того не желая, вынуждаем атрофироваться национальные корни. В каждом, кто родился на русской земле, живет вечное стремление к самобытному творческому выражению, и его нужно вовремя поддержать, не дать ему погибнуть. Тот, кто бывал на фольклорных праздниках, знает, как выскакивают на сцену ребятишки, чтобы вместе с участниками концерта сплясать русского, спеть частушки.

Что же требуется? Немногое, но очень значительное: сделать песенное народное творчество составной частью уроков музыки в школе, подготовив для этого соответствующих специалистов. У сельских школ в этом деле больше возможностей — они могли бы приглашать на занятия местные певческие коллективы, установив с ними постоянные контакты. Наверное, только там, в естественных условиях бытования, песни могут передаваться из уст в уста ненавязчиво и полно. Только там и только при склоненном в пользу этого общественном мнении. Сам собой встанет тогда вопрос и о народных инструментах, ныне почти забытых; будут вытащены на свет и пастушьи барабанки, и иные бытовые музыкальные приспособления...

Совершенно справедливым и своевременным кажется мне в этом свете предложение руководителя народного отделения Вологодского музучилища В. Г. Попикова, высказанное на страницах «Вологодского комсомольца». Он предложил ввести в культпросветучилище курс лекций под названием «Народное творчество и использование фольклорных форм в работе сельских Домов куль-

туры». Разве есть у сельского клуба какая-то более высокая миссия, чем спасать от высыхания живые творческие корни народа, чем выхаживать молодые росточки, питающиеся от них!

Очень помогли бы клубным работникам семинары, подобные тому, какой прошел весной в Вологде. На нем с лекциями выступали специалисты из Вологды и Ленинграда, практические занятия вел научный сотрудник Ленинградской консерватории А. М. Мехнецов. Побывали участники семинара и на репетициях народных хоров в Череповце и под Вологдой.

«Народные песни я и прежде слышала, но ни разу сама не пробовала петь, — писала после семинара в газету культработник Верхне-Ентальского сельского Дома культуры Кичменгско-Городецкого района Н. Осокина. — И вот теперь на этом семинаре я впервые попробовала петь! И знаете, у меня появилось желание создать постоянный коллектив, исполняющий прежние песни. До этого у нас в Доме культуры была просто самодеятельность, выступали периодически... Но работа меня не удовлетворяла, чего-то все время не хватало. Если бы не этот семинар, я бы так и не знала, чем же я должна заняться. Теперь я знаю, что мне нужно. И людям тоже».

«Интерес к фольклору появился у меня два года назад, когда я начал работать и на районной сцене впервые увидел бабушек. Семья наша музыкальная — отец и брат играют на гармошке, мать и две сестры хорошо поют, — так пишет директор Плосковского дома культуры Кичменгско-Городецкого района Ю. Потапов. — Больших деревенских гуляний я не видел, но наблюдал, как на проводах русской зимы пожилые люди вспоминают свою молодость и водят хороводы, пляшут, поют, шутят. И вот я попал на курсы, где именно этому учат! Отношение к фольклору стало у меня более серьезным. В селе, где я работаю, есть люди, которые поют, играют на гармошке. Теперь я постараюсь вовлечь их в художественную самодеятельность. Хочу организовать и хороводы, потому что их на сцене в нашем селе не видели, народные песни не обыгрывали. А народ у нас веселый, есть на кого опереться».

«Я родилась на Урале, никогда не слышала северного фольклора и познакомилась с ним только на курсах. Впечатление? Удивлена! — пишет художественный руко-

водитель сельского Дома культуры в селе Нелазское Череповецкого района Г. Злобина. — Удивлена богатством песенной культуры Вологодчины, многообразием музыкальных форм, северной манерой исполнения с сохранением диалектного говора. Это — чудо! И хранилищем этого чуда являются наши бабушки. И пока они живы, мы должны перенять у них старинное пение, плачи, причеты, пляски. Есть прекрасная пословица: «Дерево погибает — корни остаются, трава погибает — семя остается, человек умирает — песня остается». Наши бабушки... Они отдадут нам свое песенное богатство, если мы захотим этого. Фольклору — зеленую улицу! Фольклору — жить! И не только на сцене. Очень хочется, чтобы молодежь проявила интерес к этому жанру и не дала бы ему исчезнуть».

Хочется думать, что благодаря вот таким культработникам народное искусство и впрямь обретет вторую жизнь. Совсем ведь не случайно все большее тяготение к нему рождается в студенческой среде, которая так или иначе соприкасается с песенной деревней. При Вологодском пединституте на факультете музыки и пения не первый год действует фольклорный ансамбль под руководством Галины Парадовской. Его участники как раз выступали на семинаре культработников и заразили своей горячей любовью к песне каждого. Хотя у них приход в ансамбль складывался у каждого по-разному. Вот, например, что вспоминает Алексей Кулев:

«Жил я в Устюжне, в Чагоде, в Кадуе, каждое лето отдыхал в деревне и не раз был свидетелем и участником шумных деревенских гуляний. Там, конечно, звучали и частушки под гармонь, и протяжные лирические песни. Живы были в то время и некоторые обряды, стучал пастух на барабанке, звучали деревенские дудки. И я этому не удивлялся — все было естественно: и то, что на празднике надо было плясать и петь песни, и то, что не будильник будит деревенского жителя, а пастух.

Но потом вот эта моя связь с деревней оборвалась, — переехав в Вологду, я стал там реже бывать, да и гулянья стали не такими шумными и частыми... Зато когда я пришел в фольклорный ансамбль, то почти все мне было понятным и родным. Но и новым одновременно. Я словно впервые вслушивался в песни, узнавал об обрядах — уже осмысленно, с чувством ответственности за их судьбу.

Всерьез задуматься о народном искусстве помогли мне встречи с ансамблем Ленинградской консерватории, фестиваль в Ленинграде, где я впервые услышал народную песню во всем ее многообразии, и, конечно, наши экспедиции по Вологодской области. Никогда не забыть мне поляну ромашек, которую мы встретили в нашей первой поездке, не забыть восход солнца зимой и дальние переходы от деревни к деревне. И всегда в памяти будет общение с людьми, которые по своей культуре, заложенной с детства, во многом превосходят городского эрудированного, считающего себя интеллигентным человека.

Где же увидеть теперь то, что жило прежде почти в каждом доме? Вот мы силами своего коллектива и решили внести вклад в пропаганду народного песенного творчества».

«Сейчас вопрос о сохранении фольклора поставлен остро, — пишет другая участница студенческого коллектива. — Но более серьезной должна стать и его пропаганда. И начинаться она должна с самого раннего возраста. Лично я, когда приду работать в школу, обязательно создам детский фольклорный ансамбль, чтобы слова и мысли свои подкрепить делом».

Ей вторит подруга: «В первой же экспедиции в деревню я поняла, что песня это все: жизнь, любовь, горе, мудрость. Старая песня должна жить. Бабушки передали нам свои сокровища, и наша задача не растерять их, а передать дальше, как эстафету. Где бы ни пришлось мне работать, я обязательно организую детский коллектив, чтобы научить ребят любить народную песню».

«С младших лет надо вовлекать ребят в фольклорные ансамбли при школах, домах пионеров. И руководить ими должны обязательно люди талантливые, влюбленные в народное искусство, в себе несущие его животворную силу. Уже сейчас мы не соберем для их репертуара того, что могли бы собрать еще лет десять назад, ведь бабушки живут не вечно и времени у нас в этом деле потеряно много. Так что пусть дети учат хороводы, пусть поют песни, как пели их много-много лет назад другие. И чем чаще такие коллективы будут выступать не только на смотрах самодеятельности, а перед разной публикой, тем лучше».

Вот такие слова в защиту фольклора произнесены были Ириной Сацукевич, Людмилой Совершаевой, Клав-

дией Егоровой. И если каждый влюбленный в народное искусство человек заставит полюбить его еще нескольких окружающих, то какое же великое дело будет!

И еще об одном прекрасном начинании хотелось бы здесь упомянуть. Это праздник деревни Блудново в Никольском районе, это праздник Нептуна в Кичменгском Городке, это праздник семьи в селе Усть-Алексеево Великоустюгского района. Областной научно-методический центр решил попробовать на базе некоторых сел возродить прежние народные гуляния, выстраивая их с учетом бытовавших там традиций. Существовал, например, в северных районах обряд окликанья молодых. К их домам приходили сваты-окликалы и, вызвав молодых, спрашивали с них отчет о прожитых вместе днях. Дом ли новый построен, дети ли появились, трудом ли прославился кто — все добрые дела шли в зачет.

Нечто подобное попытались восстановить и в Усть-Алексееве. Перед всем селом предстали молодые семьи, свидетели этих пар отчитывались перед земляками, гордые мамы совершали круг почета со своими малышами, а факел с огнем от символического очага семейного благополучия был передан паре, только что подавшей в сельсовет свои заявления.

Трудно рассказать о празднике — ведь длился он целый день. В его канву естественно вплелось и награждение передовиков весеннего сева: закончено самое главное для сельского труженика дело, и радость на душе от этого — тоже семейный праздник, очень близкий и понятный всем, очень роднящий людей. Была в парке и ярмарка с хорошими товарами, был и концерт, и спортивные соревнования, были игры, конкурсы, в которых участвовали все — от детей до пожилых.

Станут ли такие праздники традиционными? Мы так много говорим о необходимости внедрять в жизнь новые обряды, но удастся ли это? И если нет — что тому причиной? Мне думается, устьялексеевский праздник семьи будет жить, потому что выстроен он был не крупноблочно, как современные дома на месте снесенных старых, а бережно, неторопливо и кропотливо — с учетом давних традиций, с использованием прежних элементов празднеств. По селу несколько раз проехали на разукрашенной телеге скоморохи, зазывая народ. Были это не кто иные, как местные ребятишки, вдохновенно извлекавшие праздничные шумы из различных приспособлений.

Старательно поддерживали веселье и участницы фольклорного коллектива. Потребовалось — и вспомнили они прежние песни и «качульные» частушки, отрепетировали их и сами душой воспрянули оттого, что понадобились их знания и умение. Когда вручали свидетельства новорожденным, женщины показали перед всеми хороводную игру для малышей — «Заинька по сенечкам гуляй так и гуляй, серенький по новеньким разгуливай-гуляй...» Когда вручали огонь от семейного очага будущей супружеской паре, гости праздника — фольклорный коллектив из Великого Устюга — спели шуточную похвалу жениху и невесте.

Даже самые престарелые пришли на праздник, не устояв перед зазыванием скоморохов. «А похоже ли все это на прежнее веселье?» — спросила я, не очень рассчитывая на положительный ответ. Но получила именно его и благодарные улыбки. Значит, можно что-то сделать и не хуже, чем прежде, — так, что и дедам угодишь? Можно.

На устьялексеевском празднике семьи очень важным было то, что организаторы уловили связь каждого с каждым в семейных узах, неразрывность рода и поколения с поколением, уловили и укрепили ее — а значит, укрепили и землю нашу, села наши добрыми и честными людьми, гордыми своей судьбой. Задача эта трудная, но благородная. Корни каждого рода на селе — глубоки и крепки и богаты своими ответвлениями. Если решиться изучать их и прославлять, то простор для деятельности культработников будет необозримый. И на этом пути ждут их открытия, о которых они при старых формах работы и не подозревают...

Вот и настало время вернуться в Белозерский район к Нине Радостной. Узнав из газет об операции «Корень рода», она взялась за перо:

«Прочитала — и стыдно стало. Как плохо мы знаем свой край, людей, в нем живущих! А точнее, не знаем совсем. Вот какой пример заставил меня прийти к такому выводу. В конце прошлого года мы решили взяться за совершенно новое дело. Итогом не очень уж кропотливой работы культработников стала выставка изделий народных умельцев. Но какой огромный интерес вызвала она среди сельских жителей! Работы представили 40 человек. Были среди них и вологодские кружева, полотенца работы разных лет, домотканые

скатерти, половики и современные изделия, вязанные крючком, вышитые гладью, были изделия из дерева, юбки начала века и многое другое. Казалось бы, ничего особенного не было в этой выставке. Но это только казалось нам, прежде равнодушным к искусным рукам своих земляков. А получилось, что таким не новым призывом — показать свое мастерство и умение — мы глубоко затронули душу каждого. 200 человек прибыло в Дом культуры на вечер, посвященный 60-летию образования СССР. Бывало ли у нас когда-нибудь столько народу, столько неравнодушных, благодарных сердец? И главное, что эти люди готовы были откликнуться на наш новый призыв, они ждали его от нас.

Я представляю, сколько бесценного хранит память каждого человека, дожившего до зрелого и тем более преклонного возраста. Если бы записать эти воспоминания, если бы собрать фотографии давних лет, если бы возродить кусочки прошлого в реальных вещах быта... Как это могло бы быть интересно! Какую гордость вызывал бы клубный музей в сердце каждого, кто живет на нашей земле, какое уважение у молодежи к тем, кто оставил своей жизнью яркий след в душах односельчан. И это ли не дело для комсомольской организации? Боюсь загадывать, что получится, но мы решили попробовать...»

А как же дела в Рослятинском ДК у наших знакомых? Певицы из фольклорного коллектива — люди очень разносторонне одаренные. Одна из них — Анна Афанасьевна Ржевская из деревни Афаньково — мастерица, каких нынче по пальцам можно перечесть. Сама она не только поет и подыгрывает себе на печной заслонке, трубе или косе, но и тклет старопрежние наряды, выращивая у себя лен и обрабатывая его по всем правилам. Все зимние вечера проводит она за станком, сожалея лишь о том, что никто не стремится перенимать ее умение. Сожалела об этом и я, пока не побывала по осени у нее вновь. Оказалось, своему мастерству выбирать на домотканых полотенцах узор Анна Афанасьевна научила-таки своих племянниц из этой же деревни! Видеть надо было, с какой гордостью расстилали передо мной старшеклассницы Соня и Нина свои изделия! С ними уже выходили они в школе на сцену — когда попытались там восстановить кусочек прежней свадьбы и понадобились старинные изделия. Так вот неожиданно

повлияло на старших девочек объединение певиц в фольклорный коллектив.

А Анна Афанасьевна не успокаивается. Мне бы, говорит, дали группу «молодяшек», я бы всех их обучила работать на станке. Чем не своего рода клубный кружок на дому? И разве не к этому призван сегодня клуб — стать средоточием всех ремесел, местом, где будут завязываться новые, самые крепкие связи между старшим и подрастающим поколением? Этому, действительно, не научишься дома, возле телевизора, за этим нужно прийти в клуб.

Когда вот такие дали высвечиваются в клубной работе, трудно противопоставить им прелести любого рода деятельности. Та же Валя Кускова из Рослятина родила второго сынишку, отсидела с ним год дома, а когда пришла пора выходить на работу, подумала: да что же это? Опять все вечера заняты! Живут же люди так, что есть у них праздники и покой... Словом, договорилась выйти на работу в детский садик. И вот тут-то началось — ночью проснется и уснуть не может, все думает, думает. Было ведь ей что вспомнить, и особенно бабушек своих — так они потянулись к ней, так ждали, что скоро снова она выйдет на работу. Получалось, что придется и с ними расстаться. Ну что ж делать? Значит, так тому и быть, подумала Валя. И однажды, не собираясь даже, просто ноги повернули, зашла в садик. «Знаете, — сказала, — не приду я... Не могу!» И впервые заснула наконец в ту ночь спокойно.

«Народный человек» Валя. Пусть сопутствует ей, и всем, кто ищет в клубной работе новые пути, большой успех. И сердечное отношение односельчан будет главным подспорьем.

В. СТЕПАНОВ

ХАРАКТЕРЫ

1. ТАКИЕ ВОТ ЗАБОТЫ...

Всем пишущим о селе известно: попроси председателя колхоза, директора совхоза, специалистов, партийных работников хозяйств уделить тебе хоть немного времени для разговора — и в ответ услышишь:

— Некогда. Вот закончим посевную (сенокос, уборочную и т. д.), вот тогда уж пожалуйста, с полным удовольствием.

По этой причине я решил приехать в Чагодощенский район в начале зимы, когда, казалось бы, все напряженные сельскохозяйственные кампании были позади. И все же...

Едва из райкома партии позвонили в колхоз «Правда» о том, что к ним собирается приехать писатель, как в трубке зазвучал довольно громкий и взволнованный голос, который донесся и до меня:

— Ой, не надо нам гостей! Дел невпроворот, некогда нам с писателем заниматься.

— Да он наш, работал в нашем районе, вы его должны знать, — уговаривали из райкома секретаря парткома Галину Борисовну Матвееву.

— Все равно не надо!

— В таком случае, может быть, мне

в другой колхоз поехать?— сказал я работнику райкома, едва не обидевшись.

— Ничего, поезжайте в «Правду». Просто Галина Борисовна уж очень беспокойный человек.

А из трубки неслось:

— Сегодня у нас экономическая учеба, проверка приехала, комсомольское собрание, и завтра придет проверка, да и текучки невпроворот...

Но когда я приехал в полдень на центральную усадьбу колхоза и для начала зашел по делам в восьмилетнюю школу, где меня ждали, в кабинет директора торопливо вошла, почти вбежала молодая энергичная с виду женщина в зеленой изящной телогрейке и тут же представилась секретарем колхозного парткома. Не вдаваясь в дела, она первым делом указала, где меня ждут, чтобы накормить обедом, а потом уж приглашала в контору. Но увидеть мне ее в этот день не удалось: то с комиссией проверяющих, то по своим делам Матвеева «моталась» по бригадам.

А вечером мне посчастливилось присутствовать на очередном занятии школы руководящих работников и руководителей среднего звена, которой руководил председатель колхоза Сергей Афанасьевич Смирнов, давнишний мой знакомый. Однако в этот раз наиболее видной фигурой мне показался не он, а докладчик, экономист Зинаида Егоровна Махонина. Она кратко и толково подвела итоги хозяйственно-экономической деятельности колхоза за одиннадцать месяцев, на ходу анализируя показатели, отмечая достижения, но больше обращая внимание на недоработки и некоторые настораживающие цифры. И все же главный разговор шел о другом.

Доклад был посвящен тому, что такое цеховая структура организации производства и чековая система взаимных расчетов между производственными подразделениями колхоза и как хозяйству внедрить эти системы у себя. Действительно, уровень специализации отраслей и подразделений в колхозе выявился теперь довольно четко. В животноводстве главенствующую роль занял комплекс, в полеводстве и кормодобыче — механизированные отряды и звенья. Бригадный метод организации труда, как основной, явно устарел и стал тормозом в совершенствовании экономической работы, хозрасчета, в повышении эффективности использования техники, ответственности каждого работающего, экономии во всем.

Очень это сложные организационно-экономические вопросы, а Зинаида Егоровна рассказала о них с редкой доходчивостью. И все всё поняли, и каждый задумался. А потом началось обсуждение. Как водится, выявились сторонники нового и противники. Под конец спора председателю колхоза даже кулаком по столу пришлось стукнуть.

— Все равно внедрим! — заявил он. — Грамотнее надо работать! Прибылей будет больше, дисциплина окрепнет!

...Когда спустя недолгое время я высказал председателю свое мнение, что экономист в колхозе дело свое знает отлично, Сергей Афанасьевич горячо заговорил:

— Люди грамотные, умелые — это бесценный клад для колхоза. Учим их. Вот и сейчас у нас восемь колхозных стипендиатов, в том числе один музыкант. Народный контроль как-то заинтересовался этим: не много ли людей учим, нет ли тут злоупотребления? Ну, что ответить? А вот хотя бы таким фактом все можно объяснить. Почему на занятии не было агрономов? А потому, что главный — на шестимесячных курсах, второй — в отпуске «декретном», третий — в шестимесячном законном отпуске по случаю сдачи госэкзаменов и защиты дипломной работы в институте. Резерв нужен. Хорошо — зима. А ведь и летом подобное может произойти. И без грамотного музыканта-культуротрабника теперь не обойтись.

Но и старые кадры надо беречь и ценить. Вот, к примеру, Калининчев. Это человек конкретного дела. На него во всем можно положиться. Он мастер создать людям хорошее настроение, о каждом человеке заботится на комплексе. Вот о ком надо бы написать...

* * *

Чагодощенский район иногда называют субтропиками. Какие же, спросите, субтропики в снежных северных широтах? Но все же. Здесь проходит граница между дремучей тайгой и среднерусской полосой, тоже зоной лесов, но уже смешанных. Тут и зима чуточку короче и мягче, нежели, скажем, под Великим Устюгом, и солнце греет подольше.

Ну, а земля, она пожалуй, одинакова только супеси побольше. И люди — те же, вологодские, сами того не замечая, с удовольствием заворачивают на «о» похлеще волжан, хвастаться особенно не любят, надеются больше не на чью-то помощь, а на собственную смекалку и силу. Коренные бывалые полесовщики. И не жалуют тех, кто вмешивается в их дела, особенно людей посторонних.

Впрочем, в «вологодских субтропиках» посторонним меня не считают. В свое время в этом районе, вновь ставшим самостоятельным в 1965 году, мне было поручено организовать редакцию районной газеты «Искра», первым редактором которой я и был около двух лет. Мне тут многое знакомо и... незнакомо теперь. Огромные перемены произошли здесь за эти годы, перемены к лучшему.

...Семь утра, а темень сплошная. Перед глазами беззвучно плывут поразительно крупные, едва ли не с пятак величиной, узорчатые снежинки. Они не спеша опускаются на давно уже белую землю, на лапки сосен, удерживающие пухлые снежные ноши. В темноте мы видим все это потому, что исправные фары председательской «Нивы», легко ныряющей и виляющей по лесной дороге без колеи, выхватывают из тьмы то один, то другой цветной кадр, взятый словно бы из телевизионного фильма «Зимний лес». Но мы спешим к началу рабочего дня в колхозную контору и красот окружающей природы почти не замечаем. И без разговора в пути нельзя. Рассуждаем мы о делах полеводческих, потому что на животноводческом комплексе были вчера, о чем я расскажу чуть ниже.

— По 27 центнеров зерна с гектара получили, — с явным удовольствием говорит председатель, но тут же словно и грустит. — А надо бы по 30—32 центнера, потому что фуража маловато. Но и от 27 центнеров потеряли с каждого гектара по 2—3.

— Почему? Ведь погода в уборочную была отличная.

— Не в погоде дело, а в комбайнах. Хорошим считался комбайн «Нива» еще совсем недавно. Но для нынешних наших урожаев он слабоват. При уборке он перерабатывает за секунду максимум 5,6 килограмма массы. А наши поля в секунду «предлагают» ему уже больше. Задыхается он, теряет часть зерна. Пишут, что но-

вый комбайн «Дон» будет перерабатывать по 15 килограммов. Но когда мы его дождемся?

— Да, — только и сказал я. — Но все же такого урожая на ваших супесях никогда не бывало.

— Супесь не так уж плоха, если ее хорошо кормить органикой. Где ее взять? А есть у нас такой расчет. За сутки на комплексе накапливается 20—25 тонн навозной жижи. Если добавить к этой жиже, к тонне, по две тонны торфяной крошки, можно получить отличный компост. За зимовку его можно накопить 1800 тонн, а это значит, что каждый год на два поля севооборота мы можем вносить по 30 тонн органики на гектар, не считая минеральных подкормок. Изю всех сил бьемся, чтобы превратить этот расчет в реальное дело. Механизаторам это поручено.

— У вас, я заметил, и телята «делают» компост...

— Верно. Им в подстилку тоже торфяную крошку используем. Но это капля в море.

— А как лен удался?

— Лен — не картошка, всегда прибыль даст. К тому же все работы с ним у нас механизированы.

...А что же в отрасли животноводства? Тут доминирует комплекс, выстроенный близ центральной усадьбы.

Никто о моем приходе на комплекс предупрежден не был, никто не готовился, не наводил, как говорят, марафет. В помещениях была самая обычная обстановка: довольно чисто, скот спокоен, потому что, видимо, накормлен и напоен. Людей почти не видно. Ну, кормач где-то пройдет, или слесарь сосредоточенно возится с оборудованием. Никто ни на что не жалуется. Влажно-вато только было во дворах и, может быть, излишне тепло.

В райцентре мне советовали заглянуть в красный уголок комплекса, дескать, он едва ли не лучший. Я и заглянул, благо двери нараспашку. И оказалось, что стены в просторной комнате голые, и мебели никакой. Но все стало ясно, когда в нос ударил свежий запах краски. Уголок просушивался после основательного ремонта.

Какие можно было отметить недостатки? Подъездные пути ко всем воротам разбиты.

— Обязательно надо асфальтировать. Не успели

этим летом... — пояснил председатель. — Но зимовать можно. Главное, в кормохранилище, которое фактически под одной крышей со скотом, лежит больше 300 тонн прессованного сена, есть и солома, тоже прессованная. И силос рядом. Подвозить приходится только сено для телят, специально отобранное, которое посьедобнее и попитательнее. Комбикорм почти весь из своего урожая. Все корма готовят в специальном цехе. Там их запаривают, сдабривают.

Мы обошли все три коровника, поглядели откормочных телят, заглянули в молочный блок и кочегарку. Не обошли и родильное отделение с профилакторием для самых маленьких. Новорожденные телята находились в чистых клетках, над многими мощные колпаки-рефлекторы для обогрева и облучения.

— Доярки следят за телятами от своих коров до двадцатидневного возраста. Случается, зарплата у них в этот период доходит до четырехсот рублей в месяц, а то и больше. А группы коров закреплены за доярками немалые, по 58—65 голов. Все трудоемкое, как видите, механизировано: поение, раздача кормов, уборка навоза. Дояркам остается только подоить коров тоже механизированным способом, ну и за животными следить, — рассказывает председатель.

— Такой комплекс должен работать как часы. Я имею в виду механизацию. Иначе...

— Безусловно.

Мне поясняют, что комплекс мог бы вместить тысячу и больше коров и телят, но содержится пока меньше. Комплекс построен с перспективой. Для него совсем недавно мелиораторы сдали в эксплуатацию 450 гектаров земли, кормовая база будет крепнуть. Впереди новые задумки...

* * *

На крыльце колхозной конторы нас поджидал высокий молодой человек, чем-то явно взволнованный. Председатель провел его в свой кабинет, оглядел его оценивающе и строго, будто подозревая в чем-то.

— Жена родила! Дочку! Один живу. Дайте деньжонки авансом...

Председатель протянул руку и молодой человек тот-

час подал ему листок, на котором, видимо, загодя и было написано заявление на аванс. Я не ошибся.

— Убавлю, — спокойно сказал председатель, накладывая визу. Парня это не расстроило, но он продолжал пояснять:

— Расходы! Одно одеяло 21 рубль стоит! Сам сейчас смотрел в магазине. Купить нужно, считаю... Убавляйте. У меня еще дома 15 рублей есть.

— Вот и еще 15 будет, — сказал председатель, отдавая заявление просителю.

— Ой, спасибо.

— Но — гляди! Было один раз у тебя...

Мне показалось, председатель намекает, что молодой человек когда-то проштрафился.

— Было, — подтвердил он. — Один раз. Да я...

— Что?

— А дочка-то — четыре восемьсот! А сын был пять килограммов!

— Ну, поздравляю. Иди. Только смотри...

Счастливый молодой отец срывается с места. Председатель проводил его теплым взглядом.

— Молодежь у нас есть, — заговорил он. — В 1981 году восемь свадеб было, в 1982-м — еще четыре. Жизнь идет...

— Жилье же молодоженам надо. Я заметил в селе новую улицу, которой 15 лет назад не было.

— Не было, но появилась и растет. Только за последние пять лет ввели 22 новых двухквартирных дома с надворными постройками. Жить в них удобно, личное хозяйство вести. И в этом правление всемерно помогает колхозникам. До пятисот поросят ежегодно продаем желающим для откорма. У нас как привыкли? Держать большого поросенка и маленького. Это значит, что не успели еще большого забить, как покупают малыша, чтобы перебоя не было с мясом. Спрос большой, оттого на свиноферме заводим 10 новых свиноматок. Надо ведь и шефов уважить в их просьбе. А шефами у нас — Смердомский стеклозавод, нефтебаза, районная милиция. Бывает, неплохо помогают. И коров в личном хозяйстве наших колхозников становится больше. Примерно по пять голов в год прибывает.

— Это хорошо, потому что в других местах... — говорю я.

— Заботиться надо о людях, жить их помыслами, хорошими планами и делами. Стараемся, но и промашки бывают. Сам себе не могу простить одного случая. Устроили как-то наши культработники в клубе «голубой огонек». Самодеятельность подготовили, самых достойных людей пригласили, за столики с цветами и чашкой чая усадили. Меня ждали-ждали — не дождалось, начали и провели. А я знал, обещал вроде быть, но время позднее, умотался за день да и, казалось мне, по домашней обстановке надо было мне в этот вечер быть с семьей. Потом мне рассказали... И сам понимаю, сколь важно было в этот вечер председательское присутствие и его слово. Ждали, надеялись... И кто? Члены колхоза, лучшие люди. Почувствовал, как крепко на меня тогда обиделись. Не могу себе простить...

* * *

На следующий день в колхозной конторе с утра былолюдно. Собрались все механизаторы. Оказывается, и с ними зимой немало хлопот. Все они самых разных возрастов; от юношей, еще не служивших в армии, до завтрашних пенсионеров. И мне рассказали о таком курьезе, или о неувязке, что ли. «Старички» давно имеют первый класс, полученный по старым требованиям, и на этом почти все успокоились. А молодежь с третьим классом показывает, что и знания у них шире, и умения ей у старших не занимать, и к новейшей технике жадно тянется. В общем, ни в чем не уступает, если не наоборот.

Как тут быть? Сдавать экзамен на первый класс сразу вроде бы не полагается, но и с третьим классом ходить им перед «первоклассными» старичками, работающими не лучше, тоже вроде бы обидно. Несправедливым кажется! Выход один: старших подтягивать по знаниям, а младших по классности, чтобы все было по справедливости — и оплата, и почет. Для этого организована учеба. Но предварительно всех механизаторов затребовали в районную поликлинику на медицинскую комиссию.

Хотел с ними ехать (до Сельхозтехники по делам) и начальник животноводческого комплекса Алексей Иванович Калинин, о котором председатель отозвался как о человеке конкретного дела, о чутком руководителе.

Я попросил Калиничева остаться, и он задержался со мной на час.

Роста он среднего, плотный, с открытым, но не простым лицом бывалого человека. И еще улыбчивый, с живыми нестареющими глазами, с крепкими, привыкшими ко всякой работе руками. Ему под пятьдесят, но сразу видно — натура деятельная, реагирующая на все моментально. Среди колхозных забот и людей он, мне думается, как рыба в воде.

Поговорить с таким человеком — любопытно. Во-первых, начальник животноводческого комплекса: о такой должности лет десять назад на Вологодчине мало кто слышал. Во-вторых, Вологодчина как раз и специализируется на животноводстве, на производстве молока и мяса. Так что фигура начальника комплекса выдвигается теперь на передний план. Что же это за человек?

— С плюсом идем в надоях, — как-то обыденно начал рассказывать Анатолий Иванович. — Можно бы и больше надаивать. Коровы у нас все до единой айрширской породы, с хорошей жирностью молока. Из-за границы они завезены и частью из вологодского совхоза «Красная звезда», где с ними работают давно. Вологодские у нас освоились хорошо, а с «гостьями» пришлось повозиться: как-то непривычно они у нас поначалу себя чувствовали.

Главное — кормов бы побольше! Капустно-брюквенного гибрида даем только по пять килограммов на корову, раньше в несколько раз больше было. С новых земель урожай надо сполна брать. Яловость надо ликвидировать более грамотно. Воюю за это и председателя критикую иной раз.

— И велика яловость?

— Немалая. Не каждая корова сразу поддается искусственному осеменению. Поэтому и гуляют они без молока и без телят, а корму просят. Тут пара резервных быков не помешала бы. Так и было сделано по моему требованию. Закупили в Московской области быков, породистых, длиннотелых таких, сильных. И лучше дело пошло. А угораздило меня попасть в больницу — додумались сдать этих быков на мясо. И убыток, и снова провал. Коров на прогулки не стали выпускать, а это тоже яловость повышает. Немало молока и телят недополучили... Почему? А потому, что живем только се-

годняшним днем — сделали план по мясу и молодцами себя чувствуем, в героях ходим. А настоящие животноводы должны рассуждать и делать так: нынче надо работать не только на сегодня, но и па завтрашний день.

— Какое у вас образование? Зоотехническое?

— Зоотехника с высшим образованием мне дали в помощь. Доярки неплохие, работать умеют. Валентину Ивановну Макушеву, лучшую среди них, избрали депутатом Верховного Совета СССР. А образование свое я закончил в пятом классе: сгорели валенки в школьном общежитии по недосмотру. Как, думаю, домой-то босиком попадать буду? Хорошо, знакомые цыгане подвернулись, закутали в тулуп, подвезли. С той поры, а было это больше тридцати лет тому назад, и начинается мой трудовой стаж. Помогает, что книги люблю читать. От жизни стараюсь не отставать. Ну, и еще механизатор я, и электрик.

— Значит, продолжали учиться?

— Не сразу. Я ведь и бригадиром был. В 1959 году, кажется, ликвидировали бывший колхоз имени Кирова и все его шесть деревень стали одной бригадой нашего колхоза. Мне и поручили там бригадирствовать. Ну и хлопот было! Угодья привольные, скота пригнали много и еще завезли тридцать свиноматок английской породы. Куда ставить? Была там старая рига, вот ее и переоборудовали в свинарник. Крышу из соломы навели. Шалаш шалашом, все продувает.

Дали мне отпуск, и я уехал. Возвращаюсь, а мать подает мне газету и говорит: «Вот, сынок, как тебя прокатили!» Читаю, до сегодняшнего дня помню, что там было напечатано: свиньи, мол, в северных условиях, а а хозяин, то есть я, в курортных, в Прибалтике. В райком вызывали. Едва оправдался. Поняли там, правда, что не мог я сам новый свинарник построить. Простили.

Много пришлось повоевать. А в таких делах и друзья у меня появлялись, и враги. Дом у меня сожгли. И ведь как получилось? Украли сено с конюшни. Принялся я сразу разузнавать, кто бы мог. А дело оказалось ясным. Кто таскал сено, тот его и раструсил по дороге, следы оставил. Привели эти следы к дому одного деда. Ну, я деду говорю: «Ночью перетаскивай сено обратно в ко-

нюшню, я глаза закрою. Не сделаешь — суд». Дед озлился, а ночью у меня свое сено на чердаке загорелось. Случайно я это вовремя обнаружил, успели мы спасти основное имущество, а овцы сгорели. Выволочешь их на улицу, а они снова в огонь кидаются... Сначала-то я грешил на одного молодого механизатора, которого от работы не раз отстранял за дела «хорошие». А чуть позже догадался: дед. И старуха его мою догадку подтвердила. Вот как бывает...

С той поры изменения в моей жизни наступили. С бригадирства ушел. Колхоз в строительстве нового дома не помог. Где и как жить? Хотел уж на завод подаваться, но в конце концов уехал в Устюжну на механизатора учиться. Только и механизатором долго работать не пришлось, давала себя знать старая травма позвоночника. Выучился на электрика, но и там с этой травмой по столбам много не налазишь. Вот и оказался на ферме. Как коммуниста направили. Четыре года слесарем, десять лет заведующим, а теперь вот начальник комплекса...

И тут пришлось хватить всякого. Порядка было мало. Не только слесаря, но и доярки некоторые на работе напивались. Но это одна сторона — наводить строгий порядок. Во-первых, по-моему, людей надо увлечь на хорошие дела, личный пример показать. Личный пример — мое правило.

Было время — всех животноводов на сенокос посылали. Ну и я с доярками тут. Тяжело было женщинам, ведь и коров доить надо. Ну, увижу, что кто-нибудь из них подустал или ленится, подойду, возьму у нее вилы и начну метать. Да еще шуточку подпущу. Глядишь — и принимается человек за дело. Так за всеми и следил, и работал не меньше.

Или теперь. Оборудование на комплексе сложное: не трактор и не комбайн, на зимний ремонт его не поставишь. Надо, чтобы действовало оно бесперебойно. Но не все слесаря, те же механизаторы, знают это оборудование как следует. Когда молокопровод осваивали — молоко фонтаном на улицу било. Крику-то было у доярок, недоверия. А теперь довольны. Я и сейчас иным внушаю: «Не слесарь ты ремонтник, а эксплуатационник! Пойми разницу». Понимают, конечно, да не все. Или забывают, особенно в дни получки. А не смажь, к примеру, вовремя насосы, ну и полетят в них лопатки — де-

тали такие. И беда. Вот и бывает, что доярка сидит и плачет, а слесарь где-то гуляет.

С этими вакуум-насосами вообще надо быть начеку. Раньше заменить их было проще, а теперь почему-то на весь район на год выделили всего пару штук. Есть, правда, импортные, но они слабы. На помещение, где двести коров, они, видимо, не рассчитаны. Вот и требую, чтобы обслуживалось оборудование по всем правилам. А уж если что поломалось серьезное, сам бегу и вместе со слесарем копаюсь, пока не наладим.

Или с качеством молока. Никогда у нас не было его первосортного. Так я сам поехал в Ленинградскую область под Пикалево и в совхоз «Тихвинский», все там изучил. А как же иначе? От этого и сдвиги.

— Председатель колхоза, — заговорил я, — рассказывал мне, что с людьми вы умеете ладить, настроение им создать рабочее. Может, об этом расскажете? Тоже с помощью личного примера или другими методами?

Я спросил, и мне самому стало неловко. Ведь крайне трудно ответить на такой вопрос. Себя хвалить Калиничеву? На похвальбу не каждый пойдет. И мне подумалось, что Калиничев будет либо скромничать, либо снова говорить, что больше любит требовать и даже наказывать, потому что есть люди недисциплинированные, каким на комплексе не место. Но оказалось, что я ошибся. Калиничев не смутился, продолжал свой разговор как ни в чем не бывало:

— А как же? Думать о людях надо, это тоже мое правило. И обязанность. Еще в давние годы бригадирства в тех шести деревнях очень меня удручало, что деревни эти были нерадиофицированы. Много было тогда у меня забот, но на какое-то время первоочередной своей задачей считал заготовку столбов. И в конце концов заготовили столбы, и поставили, и радио заговорило в каждом доме. А люди все понимают, добром за добро платят.

Или на комплексе. Приехала к нам в колхоз из какого-то другого района доярка Елена Семенцова. С семьей приехала. Квартиру ей дали в кирпичном доме. Все вроде бы ладно. Но, вижу, настроение у Семенцовой неважное. Прослышал даже, что уезжать от нас собирается. В чем дело? А оказывается, квартира ей досталась сырая, неуютно в ней, ребенок болел. Так я по-

шел в правление, разыскал строителя, повел его в эту квартиру и не отступился, пока все не было распланировано и переделано. Печь даже заново поставили. И хорошо работает женщина.

А вот недавний случай. Чуть не ревет другая доярка. Интересуюсь. И вот какая причина. Купила эта доярка мебель, а в дом ее завезти не на чем. Неделю она ходила в правление, выпрашивала грузовик, а ей один ответ: «Свободных машин нет». Так я сам пошел, своим, как говорят, авторитетом выписал машину и проследил, чтобы в тот же день мебель доставили на дом.

Таких случаев много, все не упомнишь, обо всем не расскажешь. Доярки у нас не старухи, у большинства маленькие ребятишки, семью надо обеспечивать. Ну и слежу, забочусь, чтобы заработок у них был приличный.

Недавно случился у меня перерыв в этой работе: попал в дорожное происшествие, ногу повредил, в больнице пришлось лежать не один месяц. Побаливает нога, хотел уж насовсем распрощаться с этим комплексом, а затащили меня туда доярки, прошелся я по помещениям, и стало мне всего жалко. Навоз неделю не выпускали, потому что то транспортер не работает, то обслуживающий персонал гуляет. Опилок на подстилку почти не возили, а если привезут три тонны, пишут, что четыре. Подъезды разбили. В общем, снова приступил я к делу. Кочегарку привели в порядок, калориферы, ворота. С трансформаторной подстанцией трудно было. Вызовешь специалистов из Сельэлектро, из Ярэнерго, а у них то к одному узлу нет допуска, то к другому. В таких случаях я сам рукава засучивал, сам лез во все узлы и налаживал. Электрик все же...

Да я и в районной Сельхозтехнике всех знаю. И что у них есть на складах и чего нет — тоже знаю... А то замещала меня девушка с образованием. Не все ее слушались. Послабление получилось. Пьяницы-то и нарушители горой стоят друг за друга, а у начальства разноробой бывает: кто пожестче, а кто и помягче. И тут бы надо единым фронтом...

Калиничев все же сбежал от меня: подвернулась попутная машина в Сельхозтехнику. И мне подумалось, что вовсе не обязательно животноводческим комплексом руководить дипломированному зоотехнику. Главное — хозяин. Бывают же случаи, когда директорами даже крупных хозяйств работают учителя или люди-самородки с начальным образованием. Главное — чтобы получалось!

Калиничева я не расхваливаю. Как и все, он не застрахован от ошибок. Просто я записал рассказ самого Алексея Ивановича, а также то, что слышал о нем, что видел своими глазами. А слышал я и то, что сын Алексея Ивановича, Алексей, работал на том же комплексе слесарем и вдруг запросился на другую работу, хоть навоз возить на тракторе. На потери в зарплате он при этом не глядит. А почему запросился? Да говорят, что неугомонный Калиничев-отец заставлял Калиничева-сына работать больше и лучше других. Не слишком ли много требовал? А может, самостоятельно решил проявить себя сын... Одно слово — характеры!

Размышляя чуть позже о встрече с А. И. Калиничевым, я пожалел лишь о том, что не успел задать ему один немаловажный вопрос. Дело в том, что на занятиях колхозных специалистов и руководителей среднего звена, где я присутствовал, прозвучали такие цифры. В 1975 году себестоимость центнера молока в колхозе составляла 23 рубля, а в 1982 — 33 рубля 77 копеек. Тревожная тенденция. Прибыль от молока, правда, выросла, но лишь за счет повышения закупочных цен. Во всем этом надо бы глубоко разобраться, но специалисты ограничились констатацией факта.

Конечно, и затраты на производство молока стали выше, потому что получается оно теперь с помощью дорогостоящих механизмов и при высокой оплате труда. Да и корма подорожали. Но поскольку львиная доля молока производится на комплексе, видимо, здесь и надо искать причины удорожания себестоимости и пути ее снижения.

Очень это любопытный вопрос. И нелегкий. По силам ли он окажется Калиничеву, покажет время. Тут уж он, человек конкретного дела, должен проявить себя и как экономист.

Обо всем этом мне хотелось поговорить с секретарем парткома колхоза. Но едва мы приступили к беседе, как распахнулась дверь и в комнату с мороза ввалилась новая комиссия, человек пять или шесть, и среди них даже один человек в милицейской форме с крупными звездочками на погонах. Комиссия тут же увела Галину Борисовну в кабинет председателя.

В тот день я только и успел узнать, что комиссия будет изучать в колхозе соблюдение социалистической законности и в частности трудового законодательства, а также проверит состояние сохранности и соблюдение правил хранения материальных ценностей, возможно, будет даже разрывать бурты, в которых хранится картофель, чтобы проверить... И мне пришлось уехать, потому что проверка такая — надолго.

2. ХОЗЯИН — ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Шекснинский район. Колхоз имени Кирова. Первое, что бросается в глаза — это центральная усадьба, производящая впечатление сердцевины хозяйства, крепкого и устремленного в будущее.

Перед аккуратным двухэтажным зданием колхозной конторы, сложенным из силикатного кирпича, — цветники, асфальтированные дорожки, а посередине — внушительный, мастерски исполненный из серого гранита бюст Сергея Мироновича Кирова, чуть поодаль — памятник павшим героям и галерея фотопортретов лучших людей сельхозартели. Чувствуется, что здесь приложили руки умелые архитекторы и художники и вкупе с ними работали хозяева, ценящие как прошлое, так и сегодняшний день, и уверенные в еще более отрадных перспективах.

Вовсе не просторный — для многолюдных встреч в здании имеется зал заседаний — кабинет председателя колхоза отделан по последней городской моде. Поблескивают панели из полированного дерева, удобная мебель, но — подчеркнуто рабочая. И ничего лишнего.

Председатель Вениамин Павлович Логинов, молодой и энергичный, с живыми и какими-то жадновато-строгими глазами, с черной шапкой кудрей и скупыми, но сильными жестами, одетый в полуспортивный костюм, делал в этот утренний час, казалось, сразу десятки дел. Телефонные звонки, вызовы и визиты конторских слу-

жащих, ворох бумаг, которые надо было перелопатить, многочисленные чисто сегодняшние заботы по хозяйству. А тут еще мои вопросы...

Чистый лоб председателя бороздили частые морщинки, но отвечал он мне так, словно давно ждал моих вопросов и засыпал меня цифровыми выкладками и фактами по любой проблеме.

Это и неудивительно. Председательствует здесь Логинов больше десяти лет, а заступил на этот пост в возрасте, когда ему не было и тридцати. А до этого трудился по соседству агрономом. Выходец из вологодской глубинки, он повидал всякого. И сейчас он цепок, задирист, смел и вполне уверен в себе.

От многочисленных похвал, свалившихся в последние годы на колхоз и на его голову, не млеет, не расслабляется, а как будто становится еще более озабоченным, серьезным и даже злым. Характер неукротимый. Сам себя не жалеет, другим покою не дает, с любого взыскать сумеет, всем партнерам-смежникам спуска не даст за малейшее упущение. Вокруг него все кипит. Впрочем, говорят о нем разное:

— Это истинный хозяин!

— Прибедняться умеет, помощи просить. И добивается.

— Деньги нажить для колхоза любит. И умеет.

— Прижимистый!

— Такие, может быть, сегодня и нужны.

Эти реплики-характеристики мне привелось слышать и от специалистов сельского хозяйства областных организаций, и в самой Шексне, даже в райкоме партии. И было в них что-то общее, не полностью ясное и определенное: заслуги Логинова отмечали все, воздавая ему должное за умение и настойчивость, называли рекордные показатели колхоза, но — все это как-то без восторга, словно бы даже и не вполне одобряя того же Логинова. Но разобраться в этом попробуем чуть позже.

Я поинтересовался, как пополняется и пополняется ли вообще колхоз молодежью. Логинов отчеканил без всяких раздумий:

— Молодежь у нас есть. Средний возраст производственного персонала колхоза 34—35 лет.

Я попросил назвать лучших, причем молодую семью. И тут председатель задумался. Наконец сказал:

— Валентин Смирнов и жена. Работники отличные и живут рядом.

Так вот категорично и по-деловому. И работники отличные, и живут рядом. Это значит, чтобы и мне далеко не ходить, не терять время.

— Это Валечка, — добавила женщина, пришедшая в это время с какими-то бумагами к председателю. — Золотой парень.

Добавила с теплотой в голосе. И после все жители центрального колхозного села Чуровского, к кому бы я ни обратился, поначалу как бы уразумевали, кого же я разыскиваю, по вдруг спохватывались и переспрашивали:

— А-а, это вы, наверное, Валечку ищете?

— Почему вы его так зовете? — удивился я.

— Его все так зовут. Давно, — отвечали мне. — Плохого человека так не взвеличают.

Но с Валентином Смирновым встретиться удалось лишь после того, как он пришел с работы. А до этого мне не терпелось разузнать как можно подробнее, что же конкретно сделали эти люди средним возрастом 34—35 лет. Половина-то из них, думалось мне, должны быть комсомольцами. И как они делали — сами ли, преодолевая неизбежный консерватизм старших, или как раз под умелым руководством этих старших? Но оказалось, что молодежь здесь не какой-то обособленный отряд. Она работает вместе со всеми, на равных правах. Ну — и чуть-чуть с привилегиями, как и везде теперь, особенно в первое время. Однако спрос с нее ничуть не ниже. Со всех одинаковый в колхозе спрос. Не было заметно здесь и особой погони за комсомольско-молодежными коллективами. Наоборот, молодые сразу оказываются рядом с пожилыми, опытными и волей-неволей учатся у них.

— Сложился в колхозе хороший пятиугольник, — говорили мне еще в сельхозотделе райкома партии. — Это в первую голову председатель, затем главный агроном Александр Иванович Ганин, главный зоотехник Нина Ивановна Хрулева, главный экономист Людмила Николаевна Ганина. Ну а пятым в этом квинтете должен быть инженер. Им можно назвать Геннадия Александровича Филиппова, уже ветерана. Это главные специалисты. А как отделить от них зоотехника-селекционера Екатерину Яковлевну Виноградову — горячего защитника

коров-ярославок? Или зоотехника Веру Ивановну Левушеву, женщину пожилую, но по-новому сумевшую перестроить работу ведущей Чуровской фермы? Или агронома-мелиоратора Николая Семеновича Харьюзова — главного «смотрителя и попечителя» земель? У всех у них единая цель — дать больше продукции и укреплять колхоз. Все работают по личным творческим планам.

А в самом колхозе я убедился, что личные творческие планы специалистов и, скажем, план социального развития хозяйства и коллектива — это не просто дань моде, как сплошь и рядом, а конкретные мероприятия, за осуществление которых опять же положен строгий спрос.

Неплохие земли были в хозяйстве давно. И Логинов принимал колхоз далеко не слабый. Кстати, колхоз так и остался в прежних границах, от края до края 15 километров, что по вологодским меркам означает неплохую компактность. А деревень по тем же меркам многовато. Лет десять-двенадцать тому назад, когда по всей Вологодчине составлялись недоброй памяти планы ликвидации мелких деревень, когда многим отдаленным населенным пунктам приклеивали ярлыки неперспективных и тем самым заранее обрекали их на вымирание, Логинов и его помощники уже в то время сумели разглядеть всевозможные последствия такого подхода. Деревня, рассудили они, это не только избы, мелкие фермы и поля вокруг, это прежде всего люди, работники, хлеборобы и животноводы со своими детьми и проблемами. И если с умиранием деревни люди не умирают, а разъезжаются, то лучше, чтобы они уезжали не в города, а переселялись бы в перспективные села своего же колхоза. Они тут больше будут к месту, это удобнее им самим.

И если во многих других хозяйствах планы сселения деревень и их жителей остались пылиться в шкафах, то Логинов сразу же горячо принялся за строительство жилья в центре колхоза. Искал и требовал подрядчиков, нанимал бригады шабашников, всеми правдами и неправдами добывал стройматериалы. Теперь он говорит:

— За годы десятой пятилетки только хозспособом построено 50 квартир. Вселили в них переселенцев, молодые семьи, приезжих со стороны. За последние десять лет практически обновили коллектив не только централь-

ной бригады и фермы, но и всего колхоза. И по сей день являются ко мне каждую неделю по два-три семейных человека из городов, из других областей с просьбой принять в колхоз. Объявлений со словом «требуется» мы не публикуем, но земля слухом полнится. Устроим одну семью со стороны — за ней еще две тянутся. Чаще всего приходится отказывать. Селить людей некуда, свободных квартир у нас, как и везде, еще нет, а строить стало труднее. Осложнились условия хозспособа. Подрядчик же всего один — слабосильный Межколхозстрой. Но линию свою продолжаем. И если бы не начали ее вовремя — осталось бы от Чуровского домов пять с жителями-пенсионерами, а дальние деревни исчезли бы совсем. У нас же под боком районные Сельхозтехника и Сельхозхимия, вон из окон ихние постройки видны. Не обеспечишь молодую колхозную семью жильем — она быстро в эти «сельхоз» может уйти. Там и жилье за государственный счет строят, и два выходных.

— Всякое оптимальное решение по дальнейшему движению вперед многопланово и требует подкрепления материального, организационного и психологического, — как о давно продуманном говорит В. П. Логинов.

Что же он имел в виду под материальным обеспечением?

Строительство требует немалых денег, повышение урожайности и развитие животноводства — тоже. И люди должны прилично зарабатывать. Откуда же взять средства?

Логинов и специалисты продумали и это. Причем решения принимались смелые. В полной мере использовать ссуды Госбанка? Но их надо в срок отдавать. Как получить от ссуды прибыль? Это уже другой вопрос. К примеру, можно продавать государству просто зерно и можно продавать зерно семенное. И колхоз решительно повернулся лицом к семеноводству, вступил в состав областного производственного объединения Сортсем-пром. Стал получать высококлассные семена, через год реализовывал их в несколько раз больше, да еще и по цене иногда двойной. Вот и деньги. Цена центнера высококлассных льносемян, например, 210 рублей; но этим центнером можно засеять два гектара и получить с каждого по 5—6 центнеров. В колхозе имени Кирова получали и больше, а льна сеют по 320 гектаров. И вот какие получены результаты в 1982 году: льносемян со-

брано по 6,1 центнера, волокна — по 6,2. От реализации продукции льняных полей получено 886 тысяч рублей, каждый гектар льна принес 2009 рублей прибыли, рентабельность льноводства составила 265 процентов.

Это результат осуществления личных творческих планов председателя и главных специалистов. Вообще-то, под личными творческими планами можно понимать разное. Это могут быть туманные теоретические размышления, выдвижение и проверка гипотез, проблемы отдаленной перспективы, новаторство и изобретательство в самом широком смысле, а могут быть и конкретные решения насущных сегодняшних задач. Расчеты прибыльности, список самых выгодных на данном этапе производственных вариантов — это пункты творческих планов работников экономической службы. Семена и агротехника, звеньевая организация труда — агрономов. Ясны задачи зоотехников. Но в колхозе имени Кирова наиболее успешно поработала в этом направлении, пожалуй, инженерная служба.

Возделывание льна надо было перестраивать, переходя от традиционной ручной технологии к полностью механизированной. Давно уже с помощью машин лен сеяли, теребили, обмолачивали, пропалывали химическим способом. Но много ручного труда оставалось на вязке снопов, на стлищах, и почти повсеместно непреодолимой трудностью становилось сохранение и обработка льняного вороха. Чаще всего не удавалось спасти ворох, а значит, пропадали драгоценные семена. Порой доходило до того, что головки даже не очесывали.

С льносеменем по всей Вологодчине обстановка складывалась крайне тревожная. На вес золота оно становилось. Да и не только у нас на Севере. Вологжане не всегда могли раздобыть его даже на стороне. Посевы льна сокращались. Если раньше его плантации насчитывали до 60 и более тысяч гектаров, то в 1980 году эти площади уменьшились до 40 тысяч, а затем и до 25 тысяч гектаров. В Архангельской области, где все жители села испокон одевались в собственное портно, сеять лен вообще перестали. Обеспечение семенами льна местных сортов стало одной из проблем всех областей Нечерноземья.

На Вологодчине в числе первых с этой задачей справились в колхозе имени Кирова Шекснинского района.

Долго ломали головы Логинов, Ганин и Филиппов, прежде чем решиться на строительство льноток с полной механизацией. Разыскивали проекты этих токов, но после придиричивого их изучения от предложений проектантов почти ничего не оставили. Можно считать, все сделали по-своему, по предложениям своих специалистов, руками своих механизаторов.

Льноток в этом хозяйстве — это не навес с выровненным и хорошо подметенным полом. Это комплекс помещений и поточная механизированная линия под общей крышей. Доставленный с поля льноворох отделяется здесь от путанины в переоборудованной молотильной камере, взятой от списанного зернового комбайна. Затем льноголовки по ленточному транспортеру поступают на площадку холодного вентилирования, а путанина выносится за пределы тока и складывается на вешала. Здесь она обмолачивается зерновым комбайном. Отделение и обмолот путанины — очень важный этап. Опыт показывает, что вместе с путаниной выносятся и может быть потеряно до центнера льносемян с гектара.

На площадке холодного вентилирования создается запас льновороха, который охлаждается воздухом. После этого площадка поднимается лебедкой, и головки попадают в бункер, откуда снова по ленточному транспортеру идут на загрузку сушильных секций. После сушки масса вороха подается через лебедку на нижний ленточный транспортер, который отправляет головки на молотилку МВ-2,5. Обмолоченные семена идут на сортировку в машину «Петкус-Гигант», а мякина по трубопроводу поступает на склад, где хранится до отправления в кормоприготовительные цехи животноводческих ферм.

Но следует ли так вот кратко описывать систему действия механизмов? Наверное, нет. Я не знаю случая, чтобы даже подробное описание с приложением чертежей послужило единственным основанием передачи опыта. Специалисты обязательно лично приезжают перенимать такой опыт, смотрят на саму систему в действии. Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, а еще лучше — потрогать руками, испытать.

Поэтому я не буду подробно описывать еще одно приспособление, используемое с единственной целью — получить побольше семян льна. Оно устанавливается на льнокомбайнах и позволяет улавливать дополнитель-

но до 80 килограммов семян при очесе головок (без приспособления эти килограммы терялись). Скажу только, что тут устанавливаются дополнительные фартуки на выходе из очесывающей камеры, вырезаются отверстия на скатном столе и добавляется лоток для сбора теряемых головок, изменяется длина граблины очесывающего барабана, увеличивается ширина прорезиненного ремня на лопастях этого барабана, а также наращиваются борта и ликвидируются щели у тракторных тележек. Может быть, и это краткое перечисление усовершенствований натолкнет на какую-то интересную мысль читателя инженера или рационализатора.

Добавлю еще, что, по словам Логинова, приспособление для льнокомбайнов в колхозе делают рядовые механизаторы в своих мастерских и платят им по 30 рублей за штуку. А дополнительно улавливается семян почти на 100 рублей с каждого гектара.

Правда, не все еще льнокомбайны имели в 1982 году такие приспособления, потому что в колхозе просто нет материалов для их изготовления, и Логинов справедливо сетует, что всю эту работу могла бы взять на себя Сельхозтехника и снабжать хозяйства подобными приспособлениями централизованно, не выпуская без них льнокомбайны из ремонта. Но Сельхозтехника такие заботы на себя брать не спешит.

Так вот, за счет приспособлений на комбайнах и обмолота путанины на токах колхоз получает дополнительно до двух центнеров льносемян с гектара. В общем итоге каждый рубль затрат на льносемена оборачивается четырьмя рублями дохода.

Строительство льноток обходится, конечно, недешево. Лучший из них, что в бригаде № 1, осмотреть который председатель привез меня сам, усевшись за руль «уазика», обошелся в 108 тысяч рублей.

— Но, — тут же добавил В. П. Логинов, — за один сезон этот ток дал продукции на 230 тысяч рублей, то есть сразу неоднократно окупился.

Председатель, сам открывая замки своими ключами, обошел все помещения льнотока и вдруг помрачнел, рассердился. Я не сразу понял причину, а он, поправляя ворота в хранилище головыцы, приглушенно ругался.

— Видите, стояки расщепило, едва не сорвало ворота, не поломало все и не разнесло, — пояснил он. —

И все оттого, что кто-то поленился запереть ворота, как положено. Вот и гулял по току ветер. А ночью был ураган. И ведь знаю, кто тут был последним!..

По дороге обратно повстречался нам и этот «последний», одетый в типичную рабочую одежду. Ох и выпал председатель ему при всех, кто был рядом. Выговаривал так, будто ему лично нанесли немалую обиду или непоправимый ущерб. И мне вспомнилось услышанное в райкоме партии:

— Льноточками Логинов первым загорелся. И других сумел зажечь.

Он, как видно, и не остыл, хотя льяной сезон был давно завершен с рекордными показателями и на улице было по-зимнему морозно и вьюжило. Видимо, такие люди горят всю жизнь.

* * *

— Приходилось мне и на льяном поле и на токе любую работу выполнять, — сказал мне чуть позже молодой механизатор Валентин Смирнов. — А в детстве всю ручную технологию возделывания льна прошел.

Но еще раньше я беседовал с его женой — Любой Смирновой, молодой дояркой. Она находилась с двумя детишками дома, в годовом отпуске по случаю рождения второго ребенка.

— Не трудно вот так, жить и работать... в деревне? Тем более на ферме, а дома малолетние?.. — спросил я, все еще полный предубеждения, что в городе такой молодой матери было бы легче: на колодец за водой ходить не надо, печь топить каждый день, личное подсобное хозяйство вести, а главное — очень нелегкая работа на ферме изо дня в день.

— Ничего трудного, — просто ответила она.

Я спросил про мужа, и молодая хозяйка стала разговорчивее:

— Валентин на работе. Придет с минуты на минуту. С трактором своим все возится. Он давно механизатор. Передовик ли? Есть вроде и пославпее его. Он за славой не гонится, просто старается хорошо выполнять любое дело, какое поручат. Главное не в рекордах, а в пользе. Сейчас со своим Т-150 мается. Давно с ним нелады.

Мне вспомнилось, как недовольно сдвигались брови у В. П. Логинова, когда разговор зашел об этом Т-150. Но, как выяснилось, недоволен он был вовсе не механизатором Смирновым, а опять же Сельхозтехникой. Оказывается, третий двигатель привозят для этого трактора из мастерских, что в городе Кириллове. Первый вышел из строя сразу после обкатки, второй — даже до обкатки оказался негодным, и вот третий... Тут у любого лопнуло бы терпение.

Колхоз всю вину относит на Сельхозтехнику, и та ее каждый раз признает. Но чтобы составить акт и вновь заставить ремонтников переделать дело, приходится до трех раз посылать в Кириллов телеграммы, через несколько городов и станций дозваниваться десятком раз, вызывая представителя на место, передавать эти просьбы и требования через третьих лиц. Таковы гримасы узкой специализации мастерских в системе Сельхозтехники.

А колхозу и механизатору надо одно: трактор должен не стоять, а давать выработку. И трактористу надо работать и зарабатывать.

— Вообще-то, мы стараемся сажать молодежь на новые машины, — говорил В. П. Логинов. — Но Валентин Смирнов уже не новичок. Да и Т-150 был не старый.

Тут и пришел домой Валентин, пропахший столяркой и морозом, но вроде бы и не уставший за день. И был он совершенно спокойным и приветливым, будто и не с его трактором творится неладное. Весь его вид как бы говорил: а чего волноваться — и на работе, и дома все должно быть в порядке, но и случиться может всякое, а живем — не жалуемся. И мы уже беседуем втроем.

— Вы комсомольцы?

— Оба.

— Не отстали от комсомольской жизни с ребяташками-то?

— Зачем отставать? Главное — работать хорошо. Ну, и со всеми вместе быть.

— Да у нас на ферме почти все доярки молодые! Все заодно и делаем. И половина слесарей-механизаторов — тоже. Как тут отстать? Это только сейчас я временно дома... — добавляет Люба.

— Детясли есть в колхозе?

— И ясли, и садик давно открыты. Но с малышами и дома приходится сидеть.

И снова мне вспомнились слова председателя колхоза, который то ли сетовал, то ли просто размышлял:

— Скоро «Скорую помощь» придется заводить в колхозе. Нет, не эпидемия у нас. Здоровье у людей такое же, как и везде. Но посудите сами: нам все равно приходится почти каждый день снаряжать в районную поликлинику машину, а то и автобус. И в основном молодые мамы с ребятами ездят. Где молодые семьи — там и новорожденные, там и посоветоваться с врачами хотят едва ли не каждый день. И не откажешь.

А другая забота — школа, — продолжал председатель. — Подрастают ребята, а восьмилетка у нас старая, в бывшем церковном здании ютится. Новую надо строить, а как? Вернее, кто возьмется ее строить? Нет подрядчика. Правда, перспективы намечаются. Перед майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС был я в Москве с группой председателей колхозов страны на совещании, которое вели председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков и председатель Совета Министров РСФСР Михаил Сергеевич Соломенцев. Обсуждали, как, по нашему мнению, должно быстрее и лучше развиваться село. Я представлял Вологодскую область. Ну и про свою школу закинул удочку наряду с другими вопросами. Помочь обещали, и уже соответствующие бумаги из центра пришли. Но это лишь малое начало.

— И клуб у вас в таком же церковном здании?

— Верно. Но клуб не горит. Не очень он нам и нужен. Мало людей в него ходит. Главное для нас — добиваться быстрого роста производительности труда, — продолжал председатель. — Причем все сто процентов прироста достигать без увеличения производственного или иного персонала, продукции давать больше с меньшими затратами.

— Вы спрашивали, не трудно ли на ферме? — как бы переключаясь с мыслями председателя, продолжала Люба Смирнова. — Но у нас же полная механизация. Теперь в моей группе 50 коров, а ничего, успеваю. Хоть зимой во дворе, хоть в летнем лагере.

(Тут уместно привести взятые в колхозной конторе

цифры. Пять лет тому назад в среднем за год каждая доярка надаивала по 65 тонн молока, в 1982 году этот показатель возрос до 85 тонн, а на лучшей Чуровской ферме, где работает Люба Смирнова, превысил 100 тонн. Очень убедительная арифметика и очень хорошая тенденция.)

— Да и мама рядом, — добавляет тем временем Люба. — У нее свой дом, хозяйство. Она на пенсии, тоже дояркой работала. Мы ей помогаем во всем, а она — нам. Молоко, мясо, овощи у нас свои. И заработки неплохие.

Тут уж я без стеснения оглядел жилье молодой четы Смирновых. Квартира на втором этаже кирпичного дома, планировка — городская, современная полированная мебель, стены и полы убраны коврами и паласами, кухня оборудована...

— В городе не просто получить такую квартиру и купить все необходимое, чтобы так вот ее обставить, — замечаю я.

— У нас вроде особых затруднений не было, — удивляются хозяева.

— На каких работах в колхозе? — спрашиваю Валентина.

— На всяких. Куда потребуюсь. С весны, конечно, в поле, подготовка почвы, сев, потом — на силосовании, на том же льне. Мой Т-150 — трактор для наших мест не массовый. Вроде бы как применение ему ищем, где и как лучше. Прицепных орудий по его мощности еще маловато: навозоразбрасыватель, дисковые бороны, телега... Для трамбовки зеленой массы он хорош. А поля наши для такого богатыря маловаты.

— Третий раз двигатель меняете... Не надоело одно и то же? Да еще при снижении заработка. А рядом вон Сельхозтехника, там два выходных. Шексна в 15 километрах... Череповец... Не возникало мысли уехать из колхоза?

— Нет. Здесь и работы полно, и все свои, и привычно. А двигатель надо доводить до ума. Другие не виноваты, что у меня так получилось. Могло быть и у другого. Не бросать же из-за этого все!

Нет, не мог я по-настоящему разговорить этого механизатора широкого профиля. Не добился я от него ~~м~~ выскazyваний, на которые он, видимо, не мастер. И вообще он выглядел человеком, уже умудрен-

ным жизненным опытом и вполне спокойным, скуповатым на слова северным крестьянином, по-мужицки обстоятельным. Ну разве доброжелательностью, желанием помочь мне все понять от него веяло, но никаких намеков на порывы молодости, на романтику.

Завожу разговор на бытовые темы — и тут у него все отлажено и вроде никаких проблем.

— А свободные часы? На мотоцикле куда-нибудь? — допытываюсь я. — Или легковушку имеете, как многие?

— Нет. Пешком люблю. Особенно с ружьишком на охоту. Милое дело.

Да, так может рассуждать только прирожденный селянин, которому в деревне все по душе и по плечу. Я гляжу на этого плотно сбитого и, наверное, очень сильного молодого человека и удивляюсь, почему же прозвали его Валечкой. Почему так тепло звучит в устах односельчан это слово? Заметно, что доброй и чистой души он человек, но мало ли таких по селам?

Кое-что пояснили мне работники правления колхоза. Оказывается, нелегкая доля выпала Валентину с малых лет. Судьба распорядилась так, что остался он старшим «мужиком» в семье, без родителей, а рядом с ним, подростком, две сестренки и младший братишка. Как выстояли ребята — это тема для другого разговора, может быть, целого исследования. Но все же можно представить, сколько душевных сил надо было иметь этим ребятам! И выстоял Валентин. Поражались его выдержке и самоотверженности односельчане, полюбили его и помогали ему. И он, конечно же, платил людям тоже добром, жил с открытым и понятным для всех сердцем. Любят таких на Руси, окружают своеобразным ореолом. Отсюда и «золотой парень» Валечка. А он таким и остался, готовым на все трудное, доброе, необходимое для людей, для родного села, для колхоза.

Ну а мать Любы, Капитолина Ивановна, как бы передала трудовую эстафету из рук в руки. И второй дочери, Тамаре, тоже. И живут они дружно всей семьей, хотя и в разных квартирах. Тут и помысла не может возникнуть о какой-то другой жизни. В самом деле, к чему и на что менять все это?

И довольны они своей крестьянской работой, несмотр-

ря на то, что дело им теперь приходится иметь не только с землей, а и со сложной и капризной техникой, требующей не только трезвой головы и умелых рук, но и обширных знаний.

— И оплата в колхозе неплохая что трактористам, что животноводам, — рассказывали мне еще в конторе. — Из двухсот рублей в месяц никто не выходит. Да еще премии, да домашнее хозяйство. И тринадцатая зарплата в прошлом году была по 33 копейки на рубль годового заработка, некоторые сразу больше тысячи получили.

— С хороших заработков да премий некоторые гульнуть не прочь, — говорю Валентину. — Как у вас с этим?

И я рассказал о том, что довелось мне слышать в одном соседнем районе. Там в некоторых хозяйствах, уверяли меня, если едет инженер колхоза по угодьям на казенном мотоцикле, да увидит, что стоят где-нибудь в куче сразу три-четыре трактора хотя бы и в самый разгар, к примеру, сенокоса, — в сторону сворачивает инженер. Не станет он разбираться, почему простаивают тракторы. Он знает, загуляли механизаторы, и к ним с упреками в такие минуты лучше не подходить, лучше переждать время...

— У нас строговато, — в один голос заверяют супруги. — А я, — добавляет Валентин, — вообще спиртного не употребляю. Не привык как-то...

...Не будем упрекать В. П. Логинова за то, что он порекомендовал познакомиться с молодой семьей колхозников, пожалуй, всесторонне безупречной. Но ведь не одна же такая в колхозе! Условия создаются одинаковые для всех, и сфера приложения сил одна. И каждый год несколько свадеб в колхозе, и все начинается сначала. На работе — суровая выучка, испытание на зрелость под неусыпным приглядом старших и самого председателя. В быту и домашнем хозяйстве — всесторонняя помощь.

А рядом, в Чуровской школе, о которой пришла очередь думать и председателю колхоза, подрастает новое поколение хлеборобов. С первых школьных дней учителя стремятся подружить ребятишек с трудом, еще раз показать им, как самозабвенно работают рядом взрослые. Поэтому, кого ни спроси, школьники могут рассказать о лучшем комбайнере колхоза И. В. Медведеве,

о мастере машинного доения Т. А. Изотовой и других колхозных передовиках.

Летом же ребята с удовольствием работают рядом со взрослыми. Около сотни их объединяются в три сводных отряда по выращиванию капустно-брюквенного гибрида и прополке семенного клевера. Десятки школьников учатся обслуживать установку АВМ и немало помогают в приготовлении ценных кормовых гранул. 342 тонны «витаминки», 199 — резки, 55 тонн брикетов — вот что выработали они за лето 1982 года. 14 подростков всерьез работали в звене мелиораторов и очистили от кустарника около двух гектаров, подготовив эту площадь для осушения. Несколько человек помогали старшим на фермах.

Половина мальчишек идет после школы в Шекснинское ССПТУ-10. Председатель колхоза, выписывая им направления, недоволен только одним: ждать этих ребят дипломированными механизаторами придется долго, целых три года.

Он вообще очень многим недоволен, председатель этого наиболее крепкого хозяйства, которое ставится в пример большинству других. Он хочет большего. Затеял в последние годы нешуточное строительство — большой зерноток омского типа и животноводческий комплекс, — первоначально намеченные сроки сорвались, подвели подрядчики. Он расстраивается по поводу мелких текущих неурядиц, без которых в жизни не бывает. Но в своем хозяйстве он может принять меры, а как быть, если свои завясят не от колхоза или отдельных колхозников?

К примеру, частыми в последние годы стали случаи аварийного отключения электроэнергии, и виновного подчас бывает не найти, потому что команда на отключение может поступить даже из Ярославля. А на какой срок?

Нет энергии — на фермах не работают многие системы механизмов. Это оборачивается потерей тонн и тонн молока, центнерами привесов на откорме. Но и в этих условиях сдвиги вперед налицо. Растут надои. С большим эффектом работают две фермы, где коровы на беспривязном содержании. Продуктивность животных выросла на них на 600—700 килограммов, выход телят с 74 до 93 от ста коров.

Уезжал я из этого колхоза со сложным чувством.

Крепкое хозяйство, растущее. Люди отсюда не уходят, а, наоборот, сюда стремятся. Много молодежи и детей — тем надежнее перспектива. Народ живет обеспеченно. У каждой семьи приусадебный участок в 35 соток. Все могут обеспечить сеном и другим фуражом корову, почти в каждом подворье за год выращивается по 2—3 поросенка. К традиционным огородам добавляются индивидуальные сады, и сельсовет уже не в силах удовлетворить все заявки на семена и саженцы овощей, ягодников, плодовых деревьев. В последние годы все личные хозяйства по первой просьбе обеспечиваются колхозом органическими удобрениями. Для семей, имеющих подсобное хозяйство, колхоз построил уже более 90 типовых помещений, приспособленных для содержания скота. Картофельные участки колхозников пахут механизаторы, лопате дана отставка.

Но главное — перевыполняются планы производства и продажи государству всех видов сельскохозяйственной продукции, растет производительность труда, полнее становится колхозная касса, как и бюджет отдельных семей. Все это хорошо. Но вспоминалось другое. Логинов, как мне не раз говорили в шекснинских краях, все гнет и гнет свою линию. Всеми он, якобы, недоволен и всех принуждает работать на себя, имеется в виду, на колхоз.

Мне говорили, ведет он себя так: комбикорма и удобрения ему привези, для этого, мол, и существует Сельхозтехника и торговая кооперация. Нет хлеба в местных магазинах — свою машину за ним не пошлет, будет звонить на хлебозавод, в сельпо и в райисполком, добиваться своего. Недоволен шефами, в частности Череповецким сталепрокатным заводом, который-де не выполняет всего того, что он желает. И это при таком-то богатстве! При таких возможностях! И клуб не хочет строить...

Рассказывали и другое. Думалось, в лен Логинов влюблен и уж ему-то не изменит. Ан нет. И тут верх в нем берет хозяйский расчет. В 1978 году, когда выдалась столь ненастная осень, что и на тракторе в поле было не заехать, бросил он лен на произвол судьбы, не стал убирать, зато успел собрать зерновые и солому и таким образом оказался с кормами.

Рассказывали мне об этом и не знали, хвалить Логинова или бранить. Но как хвалить, если забросил он

лен, и как ругать, если соседи его остались в том году и без льна, и без кормов?

Зато в урожайные годы, чтобы взять лен в считанные дни, на вязку онопов Логинов сумел привлечь всех старушек и школьников, по две и три копейки прибавлял за связанный сноп к основной оплате в самое горячее время. И люди шли. Но у Логинова же впервые была внедрена машина для перевертывания льносоломки на стлицах, а затем порционные формователи и подборщики тресты. У него этому учится вся область. И он учит такому вот сугубо рациональному хозяйствованию, до мелочей рассчитанному строительству того, что крайне необходимо сегодня, чтобы шагать и шагать вперед.

И все же это не всем по душе... Уж очень Логинов умеет... И этот самый клуб... И никому от него нет покою...

Но — Логинов же в числе первых на трибуне всех районных совещаний и слетов. Он докладывает вроде бы привычно и бесстрастно о достижениях хозяйства и критикует партнеров по агропромышленному комплексу... И все по делу.

Кто же прав? Логинов или те, кто подозревает его в излишнем умении нажать для колхоза копейку? Наверное, все же Логинов. Поведение, усилия его ни в чем ведь не расходятся с указаниями и решениями партии. Просто он лучше использует данные ему права и открывающиеся возможности.

3. ЧЕСТЬ СМОЛОДУ...

К мероприятиям традиционным можно привыкнуть, и они не будут оставлять в человеческом сердце никакого следа. Надоесть могут. Свидетелем такого был, наверное, каждый.

Но одно «мероприятие», хотя и ставшее традиционным, волнует всех его участников. А главное — заставляет задумываться. Каждого по-своему.

Как частенько случается в наших краях в конце марта, погода выпала не самая приятная: по-зимнему уже не морозило, но и весной не пахло, слякотно и промозгло. Но когда как, бывает, и слякоти не замечаешь. Особенно если цветут рядом молодые лица, сотни лиц, и каждое по-своему рассказывает о своем волнении. Кто-то и робеет, потому что впервые попал из своей деревни

в областной центр, в Вологду. Но кругом все же ощущение праздника.

На такой лад настраивает само здание Вологодского театра юного зрителя. Этот ТЮЗ работает в Вологде всего несколько лет. Для него одно из лучших старинных зданий было перестроено и отлично, по-современному, отделано и оборудовано.

Вместительный зал театра в дни спектаклей не пустует, но такая аудитория в нем собралась впервые — сплошь молодые жители села, далеких и близких деревень, всем известных и таких, о которых слышали только в близлежащей местности. Ну, еще несколько гостей, пожилых и не очень.

И еще впечатляли необычные для драматического театра лозунги и стенды, бравурные мелодии духового оркестра.

А наверное, все так и должно быть. В этот день, 25 марта 1983 года, здесь состоялся традиционный областной слет молодых передовиков животноводства и выпускников средних школ, пожелавших остаться работать на селе, в родных местах. Где родился — там и пригодился — гласит и назидает народная мудрость. И, видимо, многие из этих семнадцатилетних и шестнадцатилетних уже уразумели ее.

Тепло и торжественно в зале и фойе. Солидно держатся молодые передовики, гордые своими достижениями и тем, что удостоились чести... А молоденькие выпускники в строгой школьной форме держатся скромно, но тоже с достоинством. Ни тени робости на их лицах. Да иначе и быть не должно: вон сколько перед ними живых примеров, есть кого послушать, кому последовать. В такой большой своей компании ничего не страшно.

Расселись все, и под высоким потолком постепенно гаснет свет. Зато ярче высвечиваются буквы лозунга над сценой: «Животноводство — ударный фронт!». А в глубине сцены — карта Вологодчины.

— Слушайте все! — звучит призывный сигнал. И все замирают.

Медленно поднимается занавес, и со сцены полилась в зал задушевная и задорная мелодия песни «Приезжайте в Вологду». Поет ее вокальный коллектив Дома культуры производственно-технического образования. Исполнители — горожане, но это не значит, что они

своей песней зазывают сверстников-сельчан в город, в Вологду. Вологда — это ведь и область, и селом своим, и природой красна. И людьми славна.

Каждый десятиклассник, по-моему, читал стихи поэта-земляка Сергея Викулова. Но в исполнении артиста ТЮЗа Г. Дашковского они звучат как-то более проникновенно и глубже западают в душу:

Всему начало — плуг и борозда,
поскольку борозда под вешним небом
имеет свойство обернуться
хлебом.
Не забывай об этом никогда:
всему начало —
плуг и борозда.
А без начала, ясно, нет конца,
точнее, не конца, а продолженья,
ну а еще точнее — нет движенья
и, значит,
завершенья нет. Венца!
О сколько раз мы —
век сменяет век —
успели утолить познания жажду
с тех пор,
как сделал борозду однажды
и бросил зерна в землю человек.
Растут, бесчисленно множась, города,
Луна
людским становится причалом...
Н а ч а л о ж
остаётся все началом
и суть его все та же —
борозда.
Не забывай о нем у пирога
и даже перед сном, смежая веки, —
как забывают
о начале реки,
раздвинув беспредельно берега.
И если стала близкой нам звезда
далекая, —
скажи, не оттого ли,
что плуг не заржавел,
что в чистом поле
вновь обернулась хлебом борозда?
Не забывай об этом никогда.

Зал не скупится на аплодисменты, а на сцене уже нарядные девушки с пышным караваем, а за ними — не менее очаровательные и жизнерадостные ведущие, способные расшевелить любого флегматика. Они, еще раз напомнив, что всему начало плуг и борозда, торже-

ственно приглашают на сцену молодого механизатора ордена Ленина совхоза «Красная звезда» Вологодского района Николая Даузе, одного из победителей «Корчагинской вахты-82».

Нередко в газетах можно прочесть, что кто-то трудится самоотверженно. О Николае Даузе можно сказать, что он работает самозабвенно. Рабочие часы — само собой. Главное — оптимальные сроки и качество. Это Николай показал и на севе, и на заготовке кормов, и на уборке урожая. Именно в этих жарких трудовых буднях, похожих на сражения, сформировался его крепкий комсомольский характер, характер истинного хлебороба.

Медаль ВДНХ на груди у Николая. Награжден он ею за достижения на уборке урожая 1982 года. В тот сезон работал он на комбайне и намолотил 763 тонны зерна. Может быть, по южным меркам этот показатель и нельзя назвать выдающимся, но надо учитывать наши северные условия: частые переезды, непогоду.

Закончив дела в своем хозяйстве, Николай был направлен на помощь в соседний совхоз «Прожектор», где также показал образцы труда.

Жизненный путь Николая Даузе очень похож на биографии сотен его сверстников-вологоджан. Средняя школа, служба в рядах Советской Армии. После демобилизации в 1978 году Николаю доверили в совхозе новый комбайн. На отлично освоил его молодой механизатор, относится к нему бережно и в 1983 году отработал на нем шестой сезон.

Проникновенно звучали слова Николая, когда обратился он к залу:

— Друзья! Нам ли, людям деревенским, не идти по стопам отцов и матерей! Нам ли не любить сельское хозяйство! Смелее идите к земле! Много ждет вас на ней славных и очень нужных дел. Скоро начнется посевная. Быстро, в лучшие сроки надо ее провести, а у нас, даже в нашем передовом совхозе, не хватает механизаторов. Десять тракторов стоят без хозяев. Знаю, что и в других хозяйствах обстановка не лучше. На кого же нам надеяться? Только на себя, только на молодежь. Нам и вам, людям, которые помоложе нас всего лет на шесть-восемь, нам надо доводить до конца дело подъема и дальнейшего развития Нечерноземья. От на-

шего труда в сельском хозяйстве во многом будет зависеть решение Продовольственной программы, а значит, и благосостояние народа. Есть ли дело, есть ли задача почетнее? Вот почему я призываю молодых смело идти в сельское хозяйство.

— Работать — так уж работать! Всем миром! — призывает ведущий, и зал дружно рукоплещет.

И тут завязывается разговор о том, что и год назад проходил такой же вот слет, а на нем, а также в обкоме и райкомах ВЛКСМ вручались комсомольские путевки. И для сотен ребят и девчат начинался год испытаний, экзамен на зрелость убеждений и твердость характера. Большинство ребят и девчат с честью преодолели первые трудности и вышли из них повзрослевшими и окрепшими, прежде всего — нравственно.

Но если сказано слово «большинство» — это значит «не все». На слете на эту тему только и прозвучало: «не все», а точнее — «таких мало». Видимо, ради торжественности момента не стали вдаваться в анализ отдельных провалов. Не знаю, правильно тут поступили организаторы или нет, но считаю уместным напомнить, что, например, Устюженский райком ВЛКСМ выдал комсомольские путевки на работу в колхозы и совхозы восемнадцати выпускникам средних школ, а остались работать на селе, так сказать, прижились, только двое. И сами девчата, получившие путевки, видимо, еще не решились тогда для себя твердо, действительно ли они останутся дома, и родители их не поддерживали, и руководители хозяйств отнеслись к ним без должной поддержки и внимания, и управление сельского хозяйства райисполкома. Ну а райком комсомола что сделал? А лишь то, что вручил путевки, отчитался об этом перед обкомом. И все.

Но — подавляющее большинство все же прижилось. И крепко. И вот на сцену приглашаются те из них, кто уже в первый год работы показал, на что способна сельская молодежь, если она любит родные места, любит землю, умеет работать на ней по-комсомольски. Из зала поднимаются Люба Бределева из Верховажского района, Тамара Чернавская — из Тотемского, Галя Таланцева — из Сямженского и Галя Спажева — из Белозерского районов. Первой предоставляется слово Гале Таланцевой.

— Год тому назад три мои подруги из Сямженской

средней школы, и я с ними, решили стать животноводцами. Закончили школу и в августе стали работать на животноводческой ферме колхоза «Мир». В колхозе к нам отнеслись хорошо. Выделили для жилья трехкомнатную квартиру, купили для нее всю необходимую мебель, а сверх того холодильник и телевизор. К работе с коровами привыкли быстро.

— А трудновато было? — интересуется ведущий.

— Просыпаться рано и идти на ферму было трудновато. Но и с этим освоились.

— Без будильника обходитесь? — шутит ведущий.

— Да. Сложнее было с доставкой муки. Самим ее таскать было тяжеловато несподручно да и несвоевременно это при нынешней технике. Пришлось ставить вопрос перед председателем. Теперь муку доставляют коммачи.

— Год прожили в трехкомнатной квартире, которую обставило хозяйство. А сами для себя за год что-нибудь приобрели?

— Да, — улыбаясь, говорит Галя.

— Значит, заработки ничего?

— Да.

Так вот деликатно, не вдаваясь в подробности. Но и без них все ясно... А слово предоставляется Тамаре Чернавожой из Тотемского района, представительнице выпускного класса прошлого года Погореловской средней школы, который в полном составе влился в ряды тружеников родного хозяйства.

— В мае прошлого года, — начала Тамара, — у нас в классе прошло открытое комсомольское собрание с вопросом «Рабочему классу, колхозному крестьянству — достойное пополнение». В тот день мы и постановили остаться всем классом в своем совхозе «Погореловский». По комсомольским путевкам семеро парней стали работать механизаторами, а мы, одиннадцать девушек, пошли на животноводческий комплекс в деревню Фоминское. Комплекс только что вступил в строй. Было немало недоделок и неувязок в организации работы. Нам ко всему приходилось привыкать, изучать закрепленных за нами животных, правила ухода за ними, ну и бороться, чтобы все на комплексе было так, как положено по науке. Нам помогали руководители и специалисты. И уже через две недели после начала мы первыми в районе сумели перейти на двухсменку. Нам сразу стало

легче, появилось свободное время. На комплексе введен в эксплуатацию молокопровод, есть кормоцех и все необходимые подсобные помещения. Работают душевые и красный уголок, который признан лучшим в районе.

— Знают ли обо всем этом нынешние ваши выпускники, другие школьники?

— Да. Ребята из нашей школы не раз и не два приходили на наш комплекс с экскурсиями. Бывали у нас учащиеся и из других школ района. И в этом году, как нам известно, наш почин поддержали еще два выпускных класса.

Ведущие сообщили собравшимся еще об одном интересном факте. Оказывается Тамара Чернавская помимо основной работы животновода командует еще комсомольским педагогическим отрядом. Попросили Тамару рассказать и об этом.

— Мы и так не забудем свою родную школу, а сейчас, по плану работы отряда, регулярно ходим в классы, рассказываем о своей работе, помогаем готовить комсомольские собрания и пионерские сборы. Чувствуем, что школьникам с нами интересно. А нам — с ними. Нас поддерживают, многие хотят идти вслед за нами.

Галя Спажева рассказала с делах белозерских девчат.

— Я уже два года на ферме, — начала она. — Но только в этом году, с молодым пополнением, у нас был создан комсомольско-молодежный коллектив. На ферме нас шестеро. Живем и работаем дружно. Наша ферма занимает теперь первое место в районе.

— Это отлично, — говорит ведущий. — Это работа. А личная жизнь? Свадеб много было?

— Много.

Несколько особый разговор состоялся с Любой Бределевой. Она на ферму пришла вовсе не сразу после окончания школы. И говорила об этом со всей откровенностью:

— Окончила среднюю школу и уехала, по примеру некоторых других, в город Череповец. Стала работать приемщицей электрооборудования на металлургическом заводе. Прошло два года. Но не могла привыкнуть ни к городу, ни к этой работе, которая была мне как-то не по душе. Уволилась, уехала в город Иваново, стала

работать ленточницей на меланжевом комбинате. Много там девчат и хороших подруг было, но работа меня опять как-то не устраивала, тянуло в родные места, к давно близким и родным землякам. И решила, наконец, навсегда вернуться обратно. Со мной еще одна подруга приехала...

— Как ты ее агитировала?

— Я не агитировала. Я еду в отпуск домой, и она со мной к нашим в гости. И очень ей у нас понравилось. Молодежи много, весело у нас, природа привольная. Теперь вместе с ней ухаживаем на ферме за телятами. Нравится. Телят у нас сто пятьдесят голов, но управляемся.

Не сказала Люба того, что в момент, когда она вернулась в родные места, да еще с подругой, свободных рабочих мест на колхозных фермах не оказалось. Но и это не разочаровало девчат, не возникло у них мысли ехать еще куда-нибудь. «Подождем, — решили они. — Ведь кое-кто из колхозных животноводов скоро выйдет на пенсию». И дождались. Такова уж сила притяжения малой родины, сила земли и родных мест.

И если еще говорить о Верховажском, одном из самых северных районов Вологодчины, то нужно вспомнить о колхозе «Верхове». В 1979 году здесь остались работать всего две выпускницы средней школы, а теперь там почти тридцать их подруг. Животноводческие фермы уже не испытывают недостатка в кадрах.

— Нравится, — значит, все будет хорошо, — поддерживает ведущий, да еще добавляет. — К тому же какие в Иванове женихи? Много ли их там?

— Да, — смеется Люба. — Теперь и я призываю всех идти работать на село.

Так вот пишутся или уже написаны первые страницы трудовых биографий девчат, может быть, самые интересные и дорогие страницы...

Есть в Тарногском районе Заборская средняя школа. Здесь уже не в диковинку, если выпускники с аттестатом идут на фермы или садятся за рычаги тракторов, за баранки автомашин. В 1982 году 15 выпускников стали животноводами и 12 механизаторами. Подробнее об этом рассказала заместитель директора школы по производственному обучению Лариса Викторовна Меньшикова.

— Благодатна природа в наших краях, и молодежь

платит ей любовью,— говорила она.— Мне видно, что наши выпускники, оставшиеся в родных краях, окруженные вниманием, работают от души и навсегда с большим душевным теплом запомнят эти первые шаги в трудовую жизнь, эти первые годы настоящей работы на земле. Не все знают о том, что у нас еще в 1981 году остался работать на селе целый выпускной класс: прошло два года — и никто не изменил принятому решению. Теперь многие всерьез готовятся поступать в институты, и очно, и заочно. Уверена, что еще два класса оправдают наши надежды. Не все, конечно, так уж горячо желают оставаться там, где вырос и учился. Кому-то мечтается уехать повидать, как говорят, белый свет, попутешествовать, кого-то манят городские профессии. Но если вопрос решается коллективно — остаются все. И не дисциплина, не принуждение тут действует, а неодолимая власть родины, родной земли, которая вспоила их и вскормила. Поэтому я желаю всем присутствующим в зале такого же честного, благородного отношения к родным местам и такого же труда, желаю, чтобы ваша самостоятельная комсомольская биография началась с преодоления слабости характера, с трудового подвига.

Слова педагога подтвердила выпускница этой школы Светлана Попова.

— Я еще не знаю, трудно ли будет сделать такой ответственный шаг, — честно призналась она. — Но ведь мы будем не первыми. Нам будет гораздо легче. Сейчас в нашем десятом классе сорок три человека и тридцать девять из них останутся работать в родном колхозе. Десятеро девчонок решили создать комсомольско-молодежную ферму. Работы в животноводстве не боимся, знакомы с нею. Производственную практику проходили на колхозных фермах, ко многому уже присмотрелись и привыкли. Парни вместе с документами о среднем образовании получают права трактористов и станут работать на полях, а может, и на фермах, где дел для механизаторов с каждым годом все больше и больше.

Присутствовала в этот момент на сцене и Галина Силянская, молодая доярка колхоза «Память Ильича» того же района. Ведущий задал ей довольно нелегкий вопрос: «Что еще нужно сделать, чтобы молодежь лучше закреплялась в животноводстве?»

— Надо, чтобы не поодиночке и не мелкими группами оставались молодые, а сплоченными коллективами.

Так им будет легче, веселее, работа пойдет дружно,— ответила Галя.

— И от руководителей хозяйств многое зависит,— добавила Л. В. Меньшикова. — Не сразу, но все председатели колхозов и директора совхозов убедились, поняли, какие преимущества сулят и приносят комсомольско-молодежные коллективы. К примеру, две комсомольско-молодежные фермы вывели колхоз «Память Ильича» на первое место в районе по удоям молока. Это впечатляет.

В заключение беседы с тарножанами представителям Заборской средней школы был вручен только что учрежденный переходящий вымпел за лучшую постановку работы по профессиональной ориентации учащихся.

А на сцене уже новые люди. Это те, кто несколько лет отработал после школы в сельском хозяйстве, познал трудности и преодолел их, наделал ошибок и потрудился над их исправлением, к кому пришла радость первых успехов и внушительных трудовых побед, чьи имена и достижения стали широко известны.

Самое почетное место по праву занимает командир областного сводного отряда молодых животноводов, член ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола, мастер машинного доения ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Родина» Вологодского района Татьяна Бокарева. Рядом с нею мастер машинного доения из совхоза «Майский» того же района Сергей Рогалев, мастер машинного доения совхоза «Красавино» Великоустюгского района Надежда Краева, которая и начала разговор.

— После школы я стала работать дояркой. Но что-то не удовлетворяло меня. Большого хотелось, что ли? Доярка — это ж так обыденно звучит в наших краях! И вскоре я уехала на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку в город Тольятти. Там, конечно, размах, масштабы. Но и оробеть, затеряться можно. И я это как-то почувствовала. И потянуло домой. И работа доярки приобрела в моих глазах новую прелесть. На ферме, у своей группы коров, за все отвечаешь самостоятельно, все знаешь и можешь проявить себя сполна. Это гораздо интереснее и лучше, чем рядовым рабочим на стройке. А ведь я знала, сколь важна работа животновода, как нужно нашим людям молоко, как требуются в наших краях животноводы. И еще знала, что на фер-

ме работать я смогу и принесу больше пользы, больше сделаю, чем на стройке. И я призываю деревенских девчат не изменять родным местам. Рабочий стаж у меня уже около девяти лет. Разное передумала за эти годы, были сомнения, но я ни разу не пожалела о том, что вернулась на ферму.

Да, можно верить, что Надежда Краева уже не изменит своему призванию. Она прирожденный труженик села, животновод, как и сотни, тысячи ее сверстниц вологжанок. И хотелось бы, чтобы они отчетливо поняли это, учли бы опыт Надежды Краевой.

Как-то уж так повелось, что возле животных, особенно у коров и телят, должны трудиться женщины. Не мужское, мол, это дело. А ведь это предрассудок, который разбивается теперь самой жизнью. Животноводу нужны закалка, выносливость и зачастую просто физическая сила. Фермы широко механизуются, тем более комплексы. Для монтажа и повседневного обслуживания механизмов и систем нужны знающие слесаря, механики, инженеры, то есть работники исконно мужских профессий. И эти люди приходят на фермы. На новых комплексах порой их не меньше, чем женщин доярок или телятниц.

А есть и просто уникальные примеры. Сергей Роголев, Валентин Пелевин, Борис Соболев и Евгений Слонов образовали в совхозе «Майский» коллектив фермы, состоящий из одних мужчин. И примечательно, что этот коллектив занимает призовые места в совхозном и районном социалистическом соревновании животноводов. К разговору пригласили Сергея Роголева.

— Жаль, что мало парней приходит на фермы, — начал он. — При современном уровне механизации животноводства мужчины должны бы занимать в нем главенствующее положение. Откровенно говорю ребятам: и я прошел барьер предубежденности, что-де «не рука Макару коров доить». В своей жизни я больше, чем другие парни отдал времени службе в армии, на протяжении пяти лет был секретарем комитета комсомола одной воинской части, работал на строительстве Байкало-Амурской магистрали, за границей работал на стройке, но где бы я ни находился — звало меня сердце в родные места, на свою родину, и почему-то в животноводстве хотелось работать. То ли пейзажи наши живописные с лугами, перелесками, чистыми речками и ста-

дами коров в память врезались с детства, то ли еще что... И вот все сбылось, как мечталось.

— О надоях расскажите, — съязвил ведущий. — Как у вас, у мужиков, с этим делом обстоит?

Рогалев не смутился.

— В нашем стаде пятьдесят семь коров, стадо новое, как говорят, из первотелок сформировано. Второй год с ним работаем. В 1982 году получили от каждой коровы в среднем по 4379 килограммов молока. Результат, думаю, неплохой. Ну, а работаем в две смены. Особенных трудностей вроде нет.

— Я от всей души хочу поддержать Сергея Рогалева, — заговорила Татьяна Бокарева. — Вспомним, что в животноводстве еще многовато тяжелого физического труда. Заниматься им сподручнее бы парням, а не девушкам. И когда в колхозе, совхозе остается весь выпускной класс или большая часть его — а хотелось бы, чтобы это происходило как можно чаще, — комсомольско-молодежные фермы надо комплектовать не только из девушек, а обязательно включать в такие коллективы парней. Пусть они подвозят корма, слесарят, обслуживают механизмы, котельные, убирают навоз. Да мало ли дел на фермах! А не хватает на них не только доярок, не хватает и работников мужских профессий. Пусть не обижаются на мои слова парни, мечтающие работать механизаторами в полеводстве. Молодые хлеборобы тоже очень нужны. Но если стадо не кормлено, не доено — это больнее видеть, чем стоящий без хозяина трактор. Железо все же есть не просит и не ревет.

И Татьяна Бокарева с большим удовольствием вручила Сергею Рогалеву и Надежде Краевой почетные знаки ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику животноводства», присужденные им за успехи в социалистическом соревновании молодых тружеников сельского хозяйства страны.

Тепло встретили участники слета свою гостью, вологодскую поэтессу, члена Союза писателей СССР, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького Ольгу Александровну Фокину, которую любят и знают все вологжане.

— Мне нравится разговор, который идет на этом слете, — начала Ольга Александровна, сама выросшая в северной деревне и каждое лето проводящая в ней с детьми. В родных местах, у матери, она и сено косит,

и за скотом ухаживает, и откликается на просьбы земляков, и борется за то, чтобы животноводческие комплексы не нарушали красоты природы и не загрязняли окружающую местность. К ее голосу прислушиваются все.

— Хотя я две трети своей жизни прожила в городе, — говорила она, — но продолжаю считать себя сельским человеком. И мне очень понятно состояние тех девушек, выступавших здесь, которые уже успели поехать по стране, испытать несколько профессий и тем не менее вернулись по зову сердца в родные края. Вы понимаете, что родители, деды и прадеды наши были крестьянами, а это остается в нашей крови, а зов крови будет жить долго-долго, где бы мы не находились. Пример этому — жизненный путь поэта-вологжанина, лауреата Государственной премии СССР Александра Яшина. Он много жил и работал в разных городах, в столице, но сердце его постоянно оставалось в родных местах. И писал он преимущественно о селе, все свои думы и радости посвящал людям деревни. Точно такие же судьбы и у других вологодских писателей. Живя в городе, они в то же время полны дум и забот о селе, преимущественно об этом и пишут. И это правильно, потому что нет ничего и никого важнее и дороже, чем человек на земле. Это он создает материальные блага, без которых не смогут существовать ни промышленность, ни искусство.

Молодые люди, идущие работать в колхозы и совхозы, должны сознавать, что они берутся за очень ответственное дело, потому что их примеру обязательно последуют другие, если, конечно, у зачинателей все получится хорошо. А если не получится, то наоборот, они оттолкнут тех, кто хотел бы следовать за ними.

Надо лучше понимать и крепче любить все исконно свое, русское. И песни, и пляски, и костюмы. Все это высоко ценится не только у нас. А некоторые молодые люди, не разобравшись толком в истинных ценностях, перенимают какие-то, чаще всего не лучшие зарубежные мелодии, костюмы. Больно смотреть на такое, когда сельские девочки, подражая каким-то западным образцам, начинают портить свои лица красками на иностранный манер.

Наши русские лица и нравы — прекрасны! В этом я убедилась во время недавней своей поездки в Австра-

лию. Там живет около шести тысяч русских, по разным причинам и в разное время оказавшихся за границей. Если бы вы знали, как они дорожат нашей русской песней, как собирают их и хранят записи, как ждут любой весточки с Родины!

И еще. Создавая комсомольско-молодежные коллективы, ни в коем случае не надо чураться общения со стариками, которые на своих плечах вынесли все тяготы военных и послевоенных лет. Надо почаще обращаться к их опыту, учиться у них трудолюбию и терпению. Это ваша основа, опора, и если у вас будут какие-то неудачи в работе или в жизни, пожалуйста, придите на совет к вашей матери, к бабушке. Они лучше других помогут вам выстоять в трудный момент. Ну а в заключение я хочу прочесть вам мое стихотворение «Счастливая».

Времечка не наблюдаю,
Золотых не надеваю.
Золотые на божнице,
Где чернильница пылится,
Где паук с крестом на спинке
Заплетает паутинки,
Где забытая икона
Сматривает горестно и скорбно...
Времечка не наблюдаю,
Просыпаюсь чуть светает
И, накинув, что придется,
По росе бегу к колодцу.
Чуть познабливает холод,
Чуть поскрипывает ворот,
Чуть поднявшееся солнце
Золотит в избе оконце.
Куры прыгают с насеста —
Им теперь на грядке место.
Во дворе покатым рогом
В дверь толкается корова.
Погоди уж, Пеструха,
Подую тебя, доюху,
Отпущу гулять на волю,
Только пойло приготовлю,
Наварю еды поболее,
Сдобрю луком, сдобрю солью,
Едоков полно застолье:
Этот — конюх, этот — плотник,
Этот — культпросветработник,
Этот — пусть еще не скоро —
Станет в поле комбайнером,
Дай-то бог!
...А вон и жонки:
Вишь, повадились, пижонки,
Ездить на луг день кажинный,
Все машиной да машиной.

И пешком бы не ослабли!
Ну-ко, где мои-то грабли?
Эко в кузове-то тесно!
Ну-ко, где мое-то место?
...Снова полдень, снова вечер,
Снова утро возле печи...
Посидела — еле встала,
Поседела — не видала.
Времечка не наблюдала,
Золотых не надевала...
Золотым чего пылиться?
Подарю их молодежи.

И в зале снова шквал аплодисментов.

Горячо приветствовали и с большим интересом выслушали участники слета двух ветеранов животноводства, двух Героев Социалистического Труда, двух давнишних друзей Клавдию Петровну Грачеву и Антонину Анатольевну Иванову. Последняя рассказала о себе:

— Дояркой я работаю в колхозе тридцать лет. Много было за это время и радостей, и огорчений. Трудно, просто тяжело было в первые годы. Теперь все трудоемкие процессы механизированы, и называют нас уже не доярками, а мастерами машинного доения. Гляжу я в зал и радуюсь. Такие вы все молодые, полные энергии, решимости. И если никто из вас не спасует, очень и очень много можем сделать мы вместе для быстреего выполнения задач нашей Продовольственной программы.

И как бы символизируя передачу трудовой эстафеты, прославленные передовики вручают переходящий приз «Передовику животноводства, лучшему молодому мастеру машинного доения», учрежденный обкомом ВЛКСМ и областным управлением сельского хозяйства. В этот раз приз достался Наде Евстюничевой, лучшей молодой доярке совхоза «Архангельский» Сокольского района. При вручении его присутствовал начальник областного производственного управления сельского хозяйства облисполкома В. А. Ардабьев, который, выступая, рассказал немало интересного.

— В первые годы одиннадцатой пятилетки, — говорил он, — в нашей области многое сделано по укреплению материально-технической базы колхозов и совхозов. Усиливаются темпы и расширяются масштабы мелиорации земель и капитального строительства. Улучшаются условия труда и быта на селе, организация труда работ-

ников всех профессий и в первую очередь животноводов. Сейчас лицо этой отрасли определяют крупные механизированные животноводческие комплексы и фермы по производству молока, откорму скота на мясо, выращиванию породистого племенного молодняка. На них широко внедряются передовые формы организации труда: двухсменная, двухцикличная, поточно-цеховая.

Самое пристальное, первоочередное внимание уделяется решению социально-бытовых проблем. Людям, только что приходящим на работу, молодым семьям требуется жилье. И его в одиннадцатой пятилетке будет построено на селе почти миллион квадратных метров. Соответственно расширится сеть детских дошкольных учреждений, столовых, клубов.

Для выполнения задач Продовольственной программы сельскому хозяйству области требуется немало людей, в том числе 10 тысяч мастеров-животноводов. Очень нужны, и в большом количестве, рабочие новых специальностей: операторы животноводческих и сушильных комплексов, котельных, токари и слесари-эксплуатационники. Так что выпускники школ имеют сейчас небывало широкие возможности для выбора профессии и приложения своих сил с наибольшей пользой.

В организации профессиональной подготовки свою задачу мы видим в укреплении материально-технической базы ученических производственных бригад. Только в 1982 году колхозы и совхозы передали в общеобразовательные школы 75 тракторов, 5 автомашин, несколько комбайнов, много другой техники и минеральных удобрений. Это в дополнение к тому, что в школах уже имелось. В ближайшее время потребность ученических производственных бригад в технике, материалах, в методической помощи будет удовлетворена полностью.

Уроки и кружки по сельскохозяйственной тематике ведут в школах более ста специалистов сельского хозяйства, а также передовики производства. Мы ждем от ученических бригад, как и от присутствующих здесь бывших членов таких бригад, достойного пополнения рядов тружеников сельского хозяйства.

Труд работающих на земле почетен. Их поиски и достижения не остаются незамеченными. Вот примеры в дополнение к тем, о которых вы уже знаете. Главный зоотехник колхоза «Родина» Вологодского района Софья Стогова стала лауреатом Государственной премии

СССР и отмечена правительственными наградами. Бригадир животноводческого комплекса колхоза «Заря» Грязовецкого района Нина Постникова награждена орденом Ленина.

Можно бы назвать еще десятки и сотни имен наших вологжан, получивших широкое признание и известность. Все они, как и вы сейчас, с волнением вступали на трудовой путь и, став животноводами, не ошиблись в выборе. Мы говорим великое спасибо ветеранам за все, что они создали и сохранили на земле. Мы радуемся и достижениям молодых. Отрадно также, что география закрепления молодежи на селе с каждым годом расширяется. Комсомольско-молодежные коллективы действуют и задают тон теперь не только в центральных районах, но и в окраинных или отдаленных, как Бабаевский, Верховажский, Тотемский.

В колхозах и совхозах щедро применяются меры материального и морального поощрения достойных: для молодежи строятся благоустроенные общежития квартирного типа, оснащенные мебелью, теле- и радиоаппаратурой. Для каждого молодого труженика села открыты все пути для духовного и профессионального роста. Только в Вологодском молочном институте и сельскохозяйственных техникумах учатся 1270 человек по направлениям колхозов и совхозов и получающих стипендию от хозяйств. Более трех тысяч молодых тружеников сельского хозяйства области получают заочное образование.

Бесспорно, не все еще в работе с молодежью у нас гладко. Не изжиты еще случаи невнимательного отношения к выпускникам школ. Порой им поручается индивидуальная работа без наставника. Парням иногда дают плохо отремонтированные, а то и вовсе неисправные машины. К счастью, подобных фактов не так уж много, и не они определяют линию работы с молодежью.

Знаменательно, что путевку в трудовую жизнь вы получаете в третьем, сердцевинном, решающем году одиннадцатой пятилетки. Ваше поколение выдвигается на ключевые позиции в производственной и общественной жизни страны. И потому старшие дают вам наказ: живите так, чтобы ваши сердца всегда были чуткими ко всему, чем живет село, работайте так, чтобы не застала, а расширялась и тучнела хлебная нива там,

где жили и трудились ваши деды и отцы. Вам предстоит поднять сельское хозяйство и самую жизнь на селе на качественно новую ступень. Есть ли задача важнее и почетнее для вас, молодых сельчан?! Мы, всегда готовые поддержать вас и помочь, ждем вас на нашей земле.

На слете присутствовал член ЦК КПСС, первый секретарь областного комитета партии Анатолий Семенович Дрыгин. Его выступление, выступление бывшего агронома в довоенное время и командира полка в годы Великой Отечественной войны, умудренного многолетним опытом руководителя, ожидалось с нетерпением и было выслушано как бы на едином дыхании.

— Весьма примечательно, — говорил он, — что вы сделали выбор жизненного пути в период, когда весь советский народ в обстановке высокого трудового и политического подъема претворяет в жизнь решения XXVI съезда партии, задания одиннадцатой пятилетки. Съезд партии, как известно, выдвигая широкую программу социального развития и повышения народного благосостояния, на первый план поставил задачу улучшить снабжение населения продуктами питания. Для ее решения разработана Продовольственная программа СССР на период до 1990 года, одобренная майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС. И вам, выпускникам нынешнего года, предстоит непосредственно включиться в осуществление планов партии.

В текущем году в полную меру начали действовать организационные и экономические меры, выработанные майским Пленумом ЦК партии. Для укрепления материально-технической базы, наращивания потенциала всех отраслей агропромышленного комплекса выделены крупные средства. Созданы и вступили в свои права новые органы управления — агропромышленные объединения. Повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Вводятся надбавки к заработной плате за непрерывный стаж работы труженикам сельского хозяйства. Повышается уровень оплаты труда руководящих работников и специалистов сельского хозяйства. Эти и другие мероприятия создают необходимые условия для успешного выполнения Продовольственной программы.

Свой вклад в дело увеличения производства сельскохозяйственной продукции вносят и труженики Вологод-

ской области. Самоотверженным трудом рабочих совхозов, колхозников, работников всего агропромышленного комплекса обеспечен рост среднегодового объема валовой продукции сельского хозяйства за первые два года пятилетки на 7,4 процента. В 1982 году перевыполнены планы продажи государству зерна, картофеля, овощей, яиц и шерсти. Увеличены заготовки молока и мяса. Получен наивысший в истории земледелия области урожай зерна — по 18,3 центнера с гектара.

По итогам социалистического соревнования автономных республик и областей по комплексному развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, в ознаменование 60-летия образования СССР, нашей области вручено переходящее Красное знамя Совета Министров Российской Федерации и ВЦСПС. Четырем сельским районам, четырнадцати колхозам и совхозам присуждены переходящие Красные знамена за победу во Всесоюзном и Всероссийском социалистическом соревновании.

На одиннадцатую пятилетку у нас приняты еще более высокие обязательства. И отрадно, что они выполняются. Так, в первом квартале 1983 года продажа молока государству возросла на 16 процентов, скота и птицы — на 8. План первого квартала по закупкам этих продуктов, а также яиц, выполнен досрочно. С начала стойлового периода в среднем от каждой коровы получено молока на 105 килограммов больше, чем за тот же период прошлой зимовки.

Но работать предстоит еще много, чтобы все намеченное было выполнено в срок. На ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС обращалось особое внимание на необходимость более ускоренного осуществления Продовольственной программы. «Работникам агропромышленного комплекса, — сказал на Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Юрий Владимирович Андропов, — надо изо дня в день наращивать усилия, трудиться так, чтобы огромные средства, направляемые на решение этой задачи, давали отдачу уже сегодня, а еще больше — завтра».

Проблему всемерного увеличения производства продукции, конечно, невозможно решить без кадров. И здесь важна не только количественная сторона, но и пополнение сельского хозяйства грамотными людьми, способными использовать достижения научно-техничес-

кого прогресса. Сейчас работнику животноводства уже мало выполнять необходимый объем работ, скажем, на дойке коров, кормлении скота. Он должен обладать основами экономических и зоотехнических знаний. Вот почему партийные, советские и хозяйственные органы придают исключительно большое значение закреплению образованной молодежи на селе.

Ныне у сельской школы есть все, чтобы давать учащимся соответствующие знания, прививать любовь к земле, приобщать к сельскохозяйственному труду. Во всех средних школах села при поддержке шефствующих хозяйств ведется обучение учащихся одной из массовых рабочих профессий. Улучшилась работа по профориентации. В результате за последние годы заметно увеличилось число молодых людей, остающихся работать в сельском хозяйстве и, что очень важно, в животноводстве. В 1981 и 1982 годах 670 юношей и девушек пополнили ряды животноводов. И в этом году большой отряд выпускников изъявил желание трудиться в животноводстве. Всем классом решили пойти работать в сельское хозяйство выпускники таких школ, как Погореловская Тотемского района, Чарозерская — Кирилловского, Огарковская — Вологодского, Мяксинская — Череповецкого, Биряковская — Сокольского, Нюксенская — Нюксенского района.

В трудовых буднях складываются яркие биографии многих молодых животноводов. Вот одна из них. В колхозе «Родина» Вологодского района, да и за его пределами, хорошо знают молодую доярку, выпускницу Огарковской средней школы, участницу этого слета Татьяну Бокареву. Путь к профессии у Тани начался с ученической производственной бригады, где она под руководством опытного наставника, мастера машинного доения Клавдии Петровны Грачевой осваивала будущую специальность. Неустанно повышая свое мастерство, она вскоре стала получать по 4000 килограммов молока от каждой коровы. На второй год одиннадцатой пятилетки Таня Бокарева брала обязательство надоть от каждой коровы по 5000 килограммов и слово свое сдержала досрочно. Ныне она член ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола.

Не без трудностей осваивала свою профессию молодая доярка совхоза имени 50-летия СССР Люба Воронова. Но, упорно добиваясь поставленной цели, в 1982

году она получила по 4542 килограмма молока в среднем от коровы. Валовой надой составил у нее 113 тонн молока. Таким результатом можно гордиться.

Так, ступенька за ступенькой, от одного рубежа к другому молодые животноводы постигают непростую, но очень нужную специальность. И пусть пока результаты не столь высоки, скажем, у выпускниц Новленской средней школы Кати Комаровой, Кати Кудряшовой, Оли Платоновой, Лены Квасниковой, но первый трудовой год на животноводческом комплексе «Новленский» их не разочаровал. Они полны энтузиазма, учатся мастерству у старших, опытных доярок и несомненно добьются более высоких показателей.

Добросовестно трудятся молодые мастера машинного доения Тарногского района. Прошло полтора года самостоятельной трудовой жизни выпускников Заборской средней школы с того дня, когда они всем классом пришли в колхоз «Память Ильича». С первых дней они ощутили заботу правления колхоза, специалистов, внимательное и доброе отношение всех колхозников. Им полностью доверили Семеновскую ферму. Не все сразу у них получалось, но коллективом трудности преодолевать легче. За 1982 год девочкам удалось увеличить средний удой молока по ферме на 395 килограммов от коровы.

Осенью 1982 года в это хозяйство пришли еще шесть девушек, выпускниц той же школы: Таня Попова, Вера Романова, Валя Сверчкова, Наташа Пешкова, Валя Чахутина и Лена Буторина. Сейчас они работают на новой Сверчковой ферме и работают неплохо. За пять месяцев стойлового содержания скота дали прибавку по 230 килограммов молока от коровы.

Всего в Тарногском районе осталось работать на селе в 1982 году 82 процента выпускников-десятиклассников, в животноводство пошел каждый третий выпускник средних школ. Здесь создано 22 комсомольско-молодежных коллектива. Целенаправленная работа по профессиональной ориентации и закреплению молодежи на селе позволила значительно омолодить кадры механизаторов и животноводов. Сегодня половина механизаторов и более трети доярок — комсомольцы и молодежь. Средний возраст доярок, трактористов и шоферов в районе немногим более тридцати лет.

Разумеется, молодежь прочно закрепляется в пер-

вую очередь там, где создаются надлежащие условия для труда, быта, отдыха, учебы. В области и дальше будет последовательно проводиться курс на повышение уровня механизации животноводства, укрепление кормовой базы, ускорение реконструкции и благоустройства ферм и комплексов. Перед работниками торговли и бытового обслуживания поставлена задача еще больше заботиться о тружениках сельского хозяйства, полнее удовлетворять их запросы. В одиннадцатой пятилетке на жилищное и культурно-бытовое строительство на селе направляется 370 миллионов рублей капитальных вложений, что в 1,6 раза больше, чем в предыдущем пятилетии. Для тружеников села будет построено домов по всем предприятиям агропромышленного комплекса общей площадью 1,5 миллиона квадратных метров, общеобразовательных школ и детских дошкольных учреждений — почти на 22 тысячи мест, Домов культуры и клубов — на 9,4 тысячи мест.

Вы, конечно, понимаете, что для выполнения стоящих перед нами задач предстоит сделать очень многое, поработать с большим напряжением и отдачей. Без активного участия молодых решить их будет нелегко. И хочется сказать вам, дорогие друзья, что выбор вы сделали правильный. Одна из самых благородных и красивых дорог в жизни — это растить хлеб, производить продукты питания для людей. Гордитесь званием сельского труженика!

Вы молоды, полны сил и задора, стремитесь же все свои силы и знания направить на то, чтобы приносить как можно больше пользы Родине. Работа на селе станет для каждого из вас подлинной школой жизни, школой стойкости, честности, принципиальности, школой самоотверженного творческого труда. Воспитывайте в себе, да и не только в себе, а и в окружающих вас, заботливое отношение ко всему, что создано руками старших поколений, чувство бережливости, умение четко организовать дело, высокую производственную дисциплину, ответственное отношение ко всему, что вам поручают. Какой станет ферма, каков урожай подарит поле, где вы займете свое рабочее место — во многом будет зависеть от вас, от вашей настойчивости, активности, инициативы. Каждому из вас предстоит повседневным трудом воплотить в практические дела ваш боевой лозунг: «Животноводство — ударное дело комсомола!»

— За последние пять лет в нашей области число комсомольцев, занятых в животноводстве, возросло в два раза, а комсомольско-молодежных коллективов — в три раза, — отметил в заключение первый секретарь обкома ВЛКСМ Владимир Золотов. — Но молодых на фермах, полях, за штурвалами машин должно быть еще больше, и в этом комсомольские организации колхозов, совхозов и сельских школ должны видеть одну из первоочередных своих задач.

У нас теперь есть некоторый опыт и достижения в этом плане. Оценкой положительных сдвигов в трудовом воспитании и профориентации школьников, в закреплении молодежи в животноводстве может быть тот факт, что областная комсомольская организация в 1982 году награждена Дипломом ЦК ВЛКСМ «Животноводство — ударный фронт молодежи».

Впервые членом ЦК ВЛКСМ избрана представительница молодых животноводов области Татьяна Бокарева. И если говорить о Татьяне, то надо отметить, что в этом не только заслуга лично ее и областной комсомольской организации, но и коллектива колхоза «Родина». Только в таком хозяйстве, где и председатель Герой Социалистического Труда Михаил Григорьевич Лобытов, кстати гость нашего слета, и партийная организация, и ветераны, и передовики — все вместе заботятся о воспитании достойного пополнения колхозного крестьянства, где молодежи есть у кого научиться работать добросовестно и результативно, беречь каждую минуту рабочего времени, любить свой край.

Нас радует, что таких хозяйств на Вологодчине становится все больше. В их числе колхоз «Заря» Грязовецкого района, совхоз «Искра» Вологодского, совхоз «Россия» Белозерского, совхоз «Строитель коммунизма» Великоустюгского, колхоз «1-е Мая» Кичменгско-Городецкого района и многие другие.

Там, где молодежь, там и дело спорится. Несколько лет тому назад Порошинская ферма колхоза имени Кирова Бабаевского района была в числе отстающих. В 1980 году сюда пришли работать девчата, только что окончившие Борисовскую среднюю школу, Валя Аполлонова, Люба Краснова и Таня Остроумова. Был создан комсомольско-молодежный коллектив. Через год его дополнили Нина Удальцова и Зина Молодцова, а еще че-

рез год — Оля Елкина. Сейчас эта ферма одна из лучших не только в хозяйстве, но и в районе.

С 1974 года на ферме Клепиково колхоза «Большевик» Кичменгско-Городецкого района работает телягницей Мария Ивановская. Скромная и трудолюбивая, давно привычная к сельской работе, освоилась она на ферме быстро, а вскоре вошла в число лучших по профессии в области. Вот и за февраль текущего года — а этот месяц не самый благоприятный для откорма — она добилась валового привеса 1117 килограммов. Каждый теленок ее группы прибавлял в весе за сутки в среднем на 814 граммов. Вот конкретный вклад молодого животновода в выполнение Продовольственной программы.

Положительных примеров можно бы привести еще немало. Оглянемся на недавнее прошлое. В сентябре 1980 года на пленуме обкома комсомола резкой критике была подвергнута Верховажская районная комсомольская организация. Райком, комитеты комсомола школ и хозяйств района сделали правильные выводы, нашли эффективные методы улучшения работы со школьниками и сельской молодежью. И результат налицо. В прошлом году по району осталось работать в животноводстве 28 выпускников средних школ, в этом году планируют идти на фермы еще 27 человек.

Но, к сожалению, так получается далеко не везде. Еще нередки факты, когда у некоторых выпускников, в том числе приезжающих на такие вот наши слеты, слово и дело диаметрально расходятся. Вот уже несколько лет подряд по шесть-восемь выпускников школ Вашкинского, Междуреченского и Нюксенского районов участвуют в наших слетах, аплодируют, голосуют за обращение ко всей молодежи, а на фермы большей частью не идут. Теперь всем известно, и мы рады этому, что в этом году выпускники 10 «в» класса Нюксенской средней школы решили всем составом остаться работать на селе, в том числе 12 человек — в животноводстве. Что ж, это будет для них первым и очень серьезным экзаменом на гражданскую зрелость. Желаем им успехов.

Пока девушки из этого класса на факультативных занятиях познают секреты мастерства доярок, учатся ухаживать за телятами. Это уже серьезный подход к делу. И еще отрадно, что их решение поддержали вы-

пускники Городищенской средней школы этого же района. В зале находятся представители этих классов Нина Комякова, Мальвина Клементьева, Галя Белозерова и Ира Ермолина из Нюксенской, Марина Чебыкина, Нина Шушкова, Галя Рожина и Нина Уланова из Городищенской школ. Мы верим, что они будут верны своему решению и доведут начатое дело до конца.

В 1978 году обком ВЛКСМ одобрил почин выпускников Новленской средней школы Вологодского района, Пундугской — Харовского и Верхнекубенской — Вожегодского районов. Они были первыми в области, кто по примеру костромских школьников решил всем классом остаться работать на селе. Вологодский и Харовский райкомы комсомола не на словах, а на деле поддержали энтузиастов. Прошло пять лет, и результаты здесь неплохие, число выпускников, остающихся работать в животноводстве, с каждым годом растет. Но иное происходит в Вожегодском районе. Райком комсомола не проводил должной организаторской и воспитательной работы, в итоге лишь 23 человека пришли за эти годы в животноводство.

Как видите, недостатков, упущений и неиспользованных возможностей у нас еще немало. Это тревожит, волнует нас и побуждает к всестороннему улучшению той работы с молодежью и выпускниками школ, о которой так подробно шла сегодня речь. Дел тут много и обкому комсомола, и райкомам, и сельским комитетам комсомола колхозов и совхозов, сельских школ.

У нас есть хорошая традиция: на самые трудные участки направлять своих лучших, самых надежных представителей с комсомольской путевкой. Вот и сегодня, на этом слете, обком комсомола вручает такие путевки самым достойным, причем в важнейшую у нас отрасль производства — в животноводство:

— Ольге Смирновой — выпускнице Мяксинской средней школы Череповецкого района, делегату XIX съезда ВЛКСМ, секретарю школьной комсомольской организации;

— Надежде Кокушковой — выпускнице Воробьевской средней школы Сокольского района, члену отряда «Комсомольского прожектора». Она будет работать в совхозе «Доброволец»;

— Нине Абросимовой — выпускнице средней школы № 2 города Грязовца. Она станет мастером машинного

доения в совхозе имени 60-летия ВЛКСМ Вологодского района;

— Любе Козловой — выпускнице Кубенской средней школы Вологодского района. Ее принимают в свои ряды рабочие совхоза «Передовой»;

— Татьяне Зябловой — выпускнице Николоторжской средней школы Кирилловского района, секретарю школьной комсомольской организации...

— Многие из вас, ребята, — подытожил Владимир Золотов, — уже получили комсомольские путевки в трудовую жизнь на местах, остальные получают на районных слетах. И пусть эта путевка станет мерилем вашей гражданской зрелости, преданности коммунистическим идеалам.

Участники слета приняли обращение к выпускникам школ и всей молодежи области, в котором говорится:

«Мы, выпускники сельских школ и молодые передовики животноводства, учимся и работаем в Нечерноземной зоне РСФСР — Всесоюзной ударной комсомольской стройке. Здесь проходит одна из передовых линий борьбы за претворение в жизнь аграрной политики партии. «Животноводство — это сегодня ударный фронт на селе», — подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. Успешное развитие этой отрасли сельского хозяйства требует внедрения в производство современных методов труда и технологии, новых машин и оборудования, а самое главное — крепких, хорошо подготовленных кадров.

Есть славная комсомольская традиция — по зову партии быть всегда вместе с коммунистами на главных рубежах. И мы заявляем сегодня: «На труд во имя выполнения партией задачи — готовы!» Мы хорошо понимаем, что для этого много предстоит сделать, что нас ждут не только радости, но и огорчения, трудные минуты в жизни.

Мы будем настойчиво учиться у наших старших товарищей мастерству, показывать образцы добросовестного труда, вносить дух новаторства и творчества.

Мы, участники слета, призываем всех выпускников сельских школ, следуя нашему примеру, направить свой энтузиазм на развитие сельскохозяйственного производства области. Здесь есть место для подвига, есть возможность отличиться в труде, проявить свой характер,

свою волю, проверить себя в настоящем деле, отдать свои знания людям.

Мы обращаемся к школьникам: горячо любите свою Родину, наш вологодский край, готовьтесь стать достойными продолжателями дела старших поколений, настойчиво и глубоко овладевайте знаниями. Пусть с каждым годом растет число наших последователей, ширится и крепнет движение под девизом: «Животноводство — ударный фронт молодежи».

Принимая сегодня эстафету из рук заслуженных мастеров животноводства, мы обещаем, что не пожалеем сил, энергии и знаний для выполнения решений XXVI съезда КПСС, XIX съезда ВЛКСМ, для дальнейшего развития и процветания нашей Родины».

Так вот, очень серьезно и взволнованно, шел разговор на слете выпускников средних школ и молодых передовиков сельскохозяйственного производства Вологодчины, тоже вчерашних школьников. Решимость на лицах самых молодых, доброжелательные улыбки чуть более старших товарищей и представителей областных организаций... Всем запали в сердце слова ветерана, члена ЦК КПСС, первого секретаря обкома партии Анатолия Семеновича Дрыгина. Чувствовалось, что всем понятны сложные социально-экономические задачи, о которых шла речь, и для всех отчетливее просматривалось самое недалекое трудовое будущее, сложное и прекрасное, как сама жизнь на Земле.

Слет закончен, но еще обмениваются впечатлениями его участники. То и дело девчата и юноши из разных школ и районов подходят друг к другу, знакомятся, рассказывают о своих планах, договариваются о переписке, о дружбе, о соревновании.

Их предшественники уже вполне проявили свой комсомольский характер. Слово за новыми отрядами, которые, надо полагать, станут штурмовать еще более высокие рубежи.

ШЕФСТВО—НА ПЛАНОВУЮ ОСНОВУ

Третий выпуск сборника «От земли» поднял важные проблемы повышения эффективности сельского хозяйства Вологодской области. Меня особо взволновали выступления С. Осминина, А. Дийкова, Г. Текотева, в которых речь идет о шефстве города над деревней, рабочего класса над колхозным крестьянством. Эта проблема в той или иной степени, знакома каждому вологжанину. Кто из горожан хоть раз не выезжал помогать селу? В каком колхозе или совхозе не работали шефы?

Интерес к этой проблеме вызван не только тем, что большинство людей причастно к шефству, но и возрастающей заботой о том, чтобы большие затраты, материальные и людские ресурсы, которые идут на шефскую работу, использовались более эффективно, более рационально.

За 1971—1975 годы шефствующие предприятия произвели в колхозах и совхозах области строительно-монтажных работ на 34 098,4 тысячи рублей. Чтобы выполнить такой объем средней строительной организации на селе, как, например, Никольской передвижной механизированной колонне, потребуется около 15 лет.

На промышленных предприятиях изготовили запасных частей и нестандартного оборудования для сельского хозяйства на 13 034,6 тысячи рублей. За счет экономии сырья и материалов, выпуска сверхплановой продукции заводы и фабрики передали селу дополнительно материалов на 11 584,2 тысячи рублей. Этими материальными ресурсами можно удовлетворить годовые потребности любого сельскохозяйственного района области.

В годы девятой пятилетки шефы построили на селе бетонированных силосных и сенажных траншей для 649,7 тысячи тонн кормов. Практически же это означает, что все облицованные силосные траншеи в колхозах и совхозах области были сооружены шефами или строительными организациями.

Значительная шефская помощь города селу оказывается во время заготовки кормов и уборки урожая. В этот напряженный период на работу в колхозы и совхозы ежедневно направляются от 10 до 30 тысяч горожан. Ежегодно они отработывают на сельскохозяйственных работах от 700 тысяч до одного миллиона человеко-дней. Эти людские затраты практически равны годовой потребности в рабочей силе всех колхозов области.

Для перевозки зерна и овощей на село из других отраслей народного хозяйства ежегодно привлекаются также до тысячи автомашин, несколько сотен тракторов, которые отработывают здесь до 27 тысяч машино-смен.

Шефство города над селом все больше затрагивает сферу обслуживания сельского хозяйства, культурно-просветительную работу. С 1971 года, после создания областной комиссии по культурно-шефской работе на селе, работники культуры и искусства стали регулярно выступать на сельской сцене, оказывать методическую помощь художественной самодеятельности села.

Работники областной и городских библиотек читают в сельских библиотеках лекции, устраивают обзоры новой литературы, помогают оформлять наглядную агитацию, составлять единые планы библиотечного обслуживания населения.

Медицинские учреждения городов проводят конференции и семинары с участием медицинских работников

подшефных районов, помогают им повышать квалификацию.

Активно участвует в шефской работе студенческая и учащаяся молодежь города. Развивается движение студенческих строительных отрядов, во всех средних и большинстве восьмилетних школ создаются ученические бригады, лагеря труда и отдыха. Работа учащихся на полях колхозов и совхозов имеет не только экономическое, но и большое социальное значение, так как помогает прививать учащимся любовь к полезному труду, ответственность за порученное дело.

Словом, опыт шефской работы накоплен в области большой. Но эффективность трудовых, материальных затрат промышленных предприятий на шефскую помощь колхозам и совхозам все еще остается низкой.

В газетах немало еще заметок с рассказами горожан о том, что большую часть времени на полях они теряют из-за плохой организации дела, что колхозники привыкли надеяться на «городского дядю», а сами относятся к работе с прохладцей.

В заметках из села говорится о том, что горожанам лишь бы отбыть в колхозе свое время, они и картошку, бывает, землей присыпают, чтобышний раз не нагибаться. А сколько увозят с собой той же картошки, капусты, моркови и лука?

Какие же выводы можно сделать из неэффективного использования шефов в сельском хозяйстве?

Каждое предприятие, имея государственный план, принимает, кроме того, повышенные социалистические обязательства и встречные планы, которые рассчитаны на использование внутренних резервов. Откуда же еще берутся сотни рабочих и сотни тысяч рублей на шефскую работу? Вывод напрашивается сам собой — заводы создают скрытые запасы средств, материалов и рабочей силы для шефской работы на селе.

Возможно, что и планирующие органы частенько закрывают глаза на нарушения, которые допускают предприятия, выполняя задания по шефству. Иначе они все-таки подсчитывали бы, сколько же ушло на село материалов, деталей, оборудования и т. д.

Если встречные планы коллективов включаются в планы общегосударственные и подкрепляются необходимыми материалами, средствами, ресурсами, то шеф-

ская работа не имеет материального и технического обеспечения. При подведении итогов деятельности предприятий министерства и ведомства объемы шефской работы не учитывают, тем самым невольно способствуя сокрытию на предприятиях внутренних резервов, которые нужно использовать на шефскую работу.

Для колхозов и совхозов шефская помощь также не является плановой. За использование городской рабочей силы сельскохозяйственные предприятия не несут никакой ответственности. Учет шефской работы на сельскохозяйственных предприятиях не налажен, да и зачем налаживать его, если им никто не интересуется? Отсутствие учета труда горожан позволяет иным хозяйственникам прикрывать свою нераспорядительность и бесхозяйственность.

Неэффективность шефской помощи во многом является следствием несовершенной оплаты труда горожан. Как-то не принято говорить о материальной заинтересованности шефов в результатах их труда. К тому же шефство считают временным явлением, размеры и сроки которого определяются производственной необходимостью, которая вот-вот исчезнет. Ну а раз это явление временное, то зачем уделять ему серьезное внимание? Год или два перемаемся, а там, может быть, и без нас обойдутся.

Жизнь, однако, показывает, что размах и объемы шефства ежегодно продолжают увеличиваться. Происходит это потому, что в иных хозяйствах даже коров доить некому, не только поля убирать. А уровень механизации в сельском хозяйстве еще не настолько высок, чтобы машины полностью заменили людей, уехавших из села. Шефство позволяет восполнить их недостаток.

До тех пор, пока существует разница в техническом оснащении сельскохозяйственного и промышленного производства, пока энерговооруженность в колхозах и совхозах ниже, чем в промышленности, а организация труда отстает от заводской, шефская помощь будет необходимой.

Конечно, «...при всем значении шефства, — говорил при вручении городу Вологде ордена Октябрьской Революции первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, — участия горожан в сель-

скохозяйственных кампаниях, мы должны четко представлять: Нечерноземье поднимается именно селом, сельским тружеником. Он — решающая фигура в осуществлении Продовольственной программы». Но помочь сельскому труженику поднять Нечерноземье должны труженики города. Продовольственная программа СССР — магистральный путь к интенсификации сельского хозяйства, всех звеньев агропромышленного комплекса. Но на выполнение ее нужны годы, и пока без горожан сельскому хозяйству не обойтись.

А поскольку вопросами шефства придется заниматься еще длительное время, то совершенно верно поступают те руководители предприятий и организаций, которые ищут пути повышения эффективности шефской помощи. В этом направлении уже многое сделано.

В начале девятой пятилетки крупные промышленные предприятия области совместно с подшефными колхозами и совхозами начали разрабатывать перспективные планы-договоры на пятилетку. В них предусматривался комплекс работ по механизации и электрификации токов, механических мастерских, строительству жилья, ремонту сельских клубов и т. д. Разрабатывались меры оказания помощи в культурно-просветительной и массово-политической работе. Переход промышленных предприятий на перспективное планирование помогает избегать кампанейщины в шефском движении, повышает эффективность шефской помощи.

В соответствии с перспективным планом шефской помощи, в 1971 году в сортопрокатном цехе Череповецкого металлургического завода были созданы специальные бригады из бывших трактористов и комбайнеров, пришедших в свое время на предприятие из деревень, и направлены на уборку картофеля в подшефные колхозы и совхозы. Для этих бригад завод приобрел необходимую сельскохозяйственную технику.

Организация механизированных звеньев в первый же год позволила сортопрокатчикам сократить трудозатраты на шефскую работу более чем в десять раз. Три года работы их на уборке картофеля дали возможность металлургам сэкономить более девяти тысяч человеко-дней, экономия зарплаты за этот же период составила 76 тысяч рублей. После уборочной кампании картофелеуборочная техника возвращалась в цеха завода, где под-

вергалась профилактическому ремонту. Это позволило заводчанам заблаговременно готовиться к следующему сезону и не нарушало производственного ритма завода.

Трудности с приобретением сельскохозяйственной техники не позволили распространить этот опыт на все промышленные предприятия области. Однако к механизированным звеньям, какие создали на Череповецком металлургическом заводе, следует возвратиться вновь, ибо практика показала, что это пока наиболее эффективная форма использования труда шефов в сельском хозяйстве, и она заслуживает самого пристального внимания.

Появились принципиально новые формы связи города и села. Наряду с прямыми связями отдельных предприятий и хозяйств появились кооперативные формы шефства индустрии над селом, с помощью которых решаются узловые проблемы, касающиеся сельского хозяйства или важнейших его отраслей.

В начале девятой пятилетки возник серьезный недостаток техники для уборки силосных культур. Выход был найден в кооперации шефской работы промышленных предприятий области. В 1971 году, объединив усилия заводов Ремсельмаш, «Северный коммунальщик» и других промышленных предприятий области, в Вологде наладили выпуск косилок-измельчителей КИР-1,5, что позволило сгладить остроту проблемы.

На основе кооперации шефской помощи промышленные предприятия города Череповца в девятой пятилетке изготовили оборудование для Череповецкой свинофабрики, которая благодаря этому была пущена в строй досрочно. Подобное объединение усилий шефов использовалось при строительстве и монтаже оборудования на птицефабриках области.

На Вологодском вагоноремонтном заводе имени Калинина и некоторых других предприятиях Вологды для изготовления нестандартного оборудования для села стали выделять станки, которые обслуживали специальные бригады. Это помогло уменьшить трудозатраты на шефскую помощь.

Все больше городских организаций и предприятий ведут шефскую работу на основе соглашений, заключаемых между шефствующими и сельскохозяйственными организациями. В этих соглашениях оговариваются виды

и время работ, права и обязанности обеих заинтересованных сторон.

Как организм закаленного человека сам, без вмешательства извне, побеждает болезнь, так и экономика в том или ином виде переводит помощь города селу на плановую основу.

В ряде хозяйств научились использовать горожан во время страды без ущерба для промышленных предприятий. Так, в совхозе «Майский» Вологодского района на уборке ягод трудятся пенсионеры, отпускники, учащиеся. Люди идут в этот совхоз охотно, поскольку работа здесь материально хорошо оплачивается. Помимо денежной оплаты, тут применяется и натуральная. Но опять-таки подобный опыт нуждается в том, чтобы его узаконили. Ведь большинство горожан и не подозревают, что можно пополнить семейный бюджет в соседнем совхозе или колхозе. Может быть, следует горисполкомам создать бюро по временному трудоустройству? Сюда будут стекаться заявки хозяйств, а горожане смогут узнать об условиях труда и его оплаты.

Производственную деятельность учащихся на сельских полях также необходимо перевести на плановую основу. Как отмечалось на V пленуме ЦК ВЛКСМ (1983 г.), «получение трудовых навыков... каждым учащимся должно быть запрограммировано в школе с такой же обязательностью, как постоянное получение глубоких знаний по учебным предметам».

В нашей экономической системе, где любой вид деятельности отражен в тщательно разработанных планах, осталось без внимания такое сложное и масштабное явление, как шефство города над селом. Да, им руководят, его направляют, но все же оно будет самостоятельным до тех пор, пока затраты труда и средств не найдут отражения в планах. Шефство города над селом — это часть нашего хозяйственного механизма. «Обеспечить хорошо отлаженную бесперебойную работу всего хозяйственного механизма, — говорил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, — это и потребность сегодняшнего дня, и программная задача на будущее. Это составная часть общего процесса совершенствования нашего общественного строя».

Для повышения эффективности шефской помощи требуется, чтобы партийные комитеты, органы управле-

ния агропромышленных объединений шире открывали дорогу новому типу экономического мышления, нацеленного на инициативу и социалистическую предприимчивость, на повышение ответственности, творческий поиск путей, ведущих к наилучшему конечному народнохозяйственному результату при наименьших затратах. Именно так постановил июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Свистунов. Как перейти поле	5
Л. Паншев. Никогда не остынет любовь...	25
А. Романов. Крестьянские гнезда	36
С. Багров. Авторитеты	52
Н. Уваров. Продолжение судьбы	66
А. Ехалов. Возвращение	80
Н. Веселова. Корень рода	91
В. Степанов. Характеры	108
Г. Буданов. Шефство — на плановую основу	165

ОТ ЗЕМЛИ

Выпуск IV

Редактор

И. М. КОРОЛЕВ

Рецензент

А. В. ПЕТУХОВ

Младший редактор

В. И. ПРИГОДИНА

Переплет

Э. В. ФРОЛОВА

Заставка, буквицы

Г. Б. ЛЕВИЧЕВОЙ

Художественный редактор

А. С. МАЗУРИН

Технический редактор

И. Б. БУЙНОВСКАЯ

Корректоры:

Н. С. ДУРАСОВА, В. А. ФОКИНА

ИБ № 579

Сдано в наб. 8.02.84. Подписано к печати 10.05.84 г. ГЕ04275.
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бум. тип. № 1. Литерат гарн.
Высокая печать. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,24.
Уч.-изд. л. 8,962. Тираж 2000. Заказ 1864. Цена 75 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, 160000, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Три первых сборника полемических очерков «От земли», вышедших в 1977, 1979 и 1982 гг., были удостоены диплома имени Валентина Овечкина на конкурсе книг, посвященных преобразению Российского Черноземья.

Отзывы о четвертом выпуске сборника «От земли» просим направлять по адресу:

160000, Вологда, ул. Урицкого, 2, Вологодское отделение Северо-Западного книжного издательства

